

ISSN 0042-8779

ДВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

12

2015

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

12/2015 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Т.А. Воробьева — Сирия в политике США в 1939—1953 гг. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А.В. Ганин — Александр Владимирович Сливинский 19

СООБЩЕНИЯ

Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина — Семья и брак накануне и в годы Великой Отечественной войны 46

Д.Н. Прасолов — Кабардинское общество во второй половине XIX — начале XX в. 56

В.Н. Рожков — О месте расположения села Домонтовского Московского княжества 67

К.Н. Цимбаев — Из истории понятия «Drang nach Osten» 83

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

А.М. Филитов — Треугольник Москва-Вашингтон-Бонн в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. 98

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А.И. Тетуев** — Повседневная жизнь карачаево-балкарской диаспоры в Турции 114
- И.М. Нохрин** — Зарождение франкоканадского национализма в начале XIX в. 121

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- О.В. Серова** — Отношения России со Святым Престолом в XIX в. 132

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Ш. Мухамедина** — Центральная Азия и Казахстан: историографический «ренессанс» или социальный заказ 149
- Н.М. Игнатова** — А.Л. Кузьминых, С.И. Старостин. Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937—1953 гг.) 157
- Б.В. Петелин, Е.С. Добровольский** — И.-С. Ковальчук. Штази в действии: контроль и репрессии в ГДР; К.-Х. Криц, Х.-Ю. Грэфе. В самом центре. Берлинская народная полиция 1989/90 161
- М. Чепурина** — Э. Лёверс. Робеспьер 164
- В.И. Голдин** — Баренцев регион. Транснациональная история субарктической Северной Европы 168
- Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 2015 году 171

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Сирия в политике США в 1939—1953 гг.

Т.А. Воробьева

Аннотация. В статье рассматривается проблема установления и развития дипломатических отношений Соединенных Штатов Америки и Сирии в период второй мировой войны и послевоенное время. Анализируются цели американской политики на Ближнем Востоке, политические шаги США и их последствия как для Сирии, так и для других стран региона.

Ключевые слова: Ближний Восток, Сирия, вторая мировая война, Палестина, дипломатия, внешняя политика США.

Abstract. The article discusses the problem of establishment and development of diplomatic relations between the United States and Syria during the Second World War and the postwar period. Analyzes the US policy goals in the Middle East, political steps of the United States and their implications for Syria and the Middle East generally.

Key words: Middle East, Syria, the Second World War, Palestine, diplomacy, foreign policy of the United States.

Среди стран арабского Востока Сирия занимает особое место. Ее геополитическое положение, историческое прошлое, когда в состав «Великой Сирии» входили Ливан и Палестина, активная роль в национально-освободительном движении арабского мира — все это привлекало внимание к ней великих держав. Именно в Дамаске в начале XX в. зародились идеи арабского единства, а в 1918 г. она стала первой арабской страной, объявившей о своей независимости. Важным этапом в истории вхождения Сирии в современную мировую политику был период второй мировой войны и первые послевоенные годы, когда формировались предпосылки холодной войны. В свете современных событий, связанных с Сирией, интерес представляет начальный этап становления сирийского направления в ближневосточной политике США ¹.

Разразившаяся в 1939 г. европейская война превратила Сирию как важный стратегический плацдарм в объект политики враждующих коалиций. Так советский полномочный представитель в Турции

Воробьева Тамара Альбертовна — кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного гуманитарного университета. Киров.

А.В. Терентьев информировал Кремль о том, что Германия не исключает использования сирийской территории для проникновения немецких войск в Ирак и далее — к Персидскому заливу, в то время как Великобритания рассматривает план создания арабской федерации в составе Сирии, Ливана, Палестины и, возможно, Ирака ².

Что касается отношений с США, то к началу войны эти страны, по замечанию сирийского автора Сами Маубаеда, «не знали друг друга хорошо» ³. Однако переписка за 1940 г. Госдепартамента с консулом в Бейруте Е. Палмером свидетельствовала о том, что в Вашингтоне внимательно следили за развитием событий вокруг Сирии ⁴. Причем, наибольшее внимание уделялось действиям сирийских подразделений французской армии после капитуляции Парижа ⁵ и появившейся возможности использования Германией территории Сирии для вторжения в Палестину или Ирак ⁶. О том, какие чувства у американцев вызывали действия правительства Виши, видно из беседы государственного секретаря США К. Хэлла с французским послом в США Г. Хенри-Хэем ⁷. Госсекретарь сожалел, что среди французских чиновников есть люди, допускающие возможность войны Франции против США, и осудил соглашение Дарлана с Гитлером о транзите немецких войск и оружия через Сирию, а также использование военно-воздушной базы страны. Тревожные сообщения поступали и от американского посла при правительстве маршала Петэна У. Леги ⁸.

Таким образом, до вступления США в войну Белый дом больше всего интересовал вопрос, как далеко зайдут связи маршала Петэна с Гитлером и возможен ли военный союз Берлина и Виши против Великобритании и США. Одним из объектов этого интереса была Сирия. Вступив в войну, США приняли активное участие в операциях на ближневосточном театре военных действий. Осознание важности арабского региона для послевоенных американских интересов стало отчетливо проявляться с 1943 года. Однако первоначально Сирия не занимала приоритетного места, хотя по объему дипломатических документов за 1943 г. страны Леванта уступали только Саудовской Аравии ⁹. В то же время сирийцы позитивно воспринимали США, рассчитывая на американскую поддержку в борьбе за освобождение от англо-французской зависимости ¹⁰.

Вместе с тем, по словам Г. Хоскинса ¹¹, «сирийцы боялись, как бы не получилась ситуация 1919 г., когда американцы были на их стороне, а затем отдали мандат Франции» ¹². На этот раз администрация Ф. Рузвельта выступила против попыток Шарля де Голля сохранить «особое положение» Франции в Сирии и Ливане после войны ¹³. В связи с этим в Белом доме внимательно следили за развитием событий в стране, подвергая критике действия голлистов ¹⁴.

Под давлением союзников 1 января 1944 г. Комитет де Голля вынужден был признать де факто независимость Сирии. Президент страны в посланиях Рузвельту, а также Сталину и английскому королю Георгу выразил признательность за их поддержку ¹⁵. В том же году были установлены дипломатические отношения между СССР и Сирией ¹⁶. В Госдепартаменте сразу же обратили внимание, что первый посланник в Сирии и Ливане Д. Солод был арабистом ¹⁷. Но не только гуманитарными целями руководствовались в Белом доме, когда

активно поддержали сирийцев в их борьбе. В 1944 г. начались переговоры о строительстве нефтепровода Дахран—Сайда, который позволил бы американским нефтяным компаниям транспортировать нефть и нефтепродукты из Саудовской Аравии и Ирака к побережью Средиземного моря через территории Сирии и Ливана. При этом особую заинтересованность в проекте проявила компания «Таплайн».

Де Голль и его окружение оговаривали окончательное признание независимости согласием сирийцев на сохранение особого статуса Франции в этой стране¹⁸. Однако сирийские власти заявили, что они «за договоры о дружбе со всеми странами, но против договоров об особых отношениях с кем-либо, так как не хотят повторения новой англо-французской Антанты»¹⁹. В мае 1945 г. обстановка обострилась настолько, что французы ввели дополнительные войска и по существу развязали против сирийцев войну. Дамаск надеялся на поддержку Вашингтона²⁰. США заявили, что они обеспокоены возникшим кризисом в стране, но ограничились предложением решить его «дружественным соглашением между противоборствующими силами»²¹. В Вашингтоне не собирались вмешиваться в сирийско-французские переговоры, хотя и давали заверения, что «используют все средства для мирного разрешения конфликта»²². Поведение американцев объяснялось непростой ситуацией, складывавшейся в регионе. Арабские националисты возлагали определенные надежды на американцев, но в Белом доме понимали, что «поражение или распад Британской империи устранил из Евразии последнюю преграду на пути сопротивления США советской экспансии»²³. Советское руководство, в свою очередь, обратилось к правительствам США, Великобритании и Франции с предложением «принять немедленные меры для прекращения кровопролития»²⁴.

На Потсдамской конференции В. Молотов настоял на том, чтобы вопрос о Сирии и Ливане был включен в повестку дня. Глава британского внешнеполитического ведомства А. Иден при этом заметил, что он «был бы готов поставить Молотову памятник, если бы он помог разрешению этого вопроса»²⁵. Но в ходе дебатов У. Черчилль заявил, что «не стал бы возражать, если бы Франция имела в Сирии преимущественное положение». Позиция британского премьера была понятна: мог возникнуть прецедент и для рассмотрения статуса английского присутствия в Египте и Ираке. Г. Трумэн его не поддержал: «... ни одному государству не должны быть предоставлены привилегии в этих районах (Сирии и Ливане. — *Т.В.*). Эти районы должны быть одинаково доступными для всех государств»²⁶. Сталин в принципе был согласен с американским президентом. Таким образом, сирийско-французские разногласия не были разрешены союзниками. Не случайно, американский автор Б. Рубин отнес сирийско-ливанский вопрос к числу прочих проблем, которые могли вызвать послевоенный кризис в регионе²⁷.

Формально Великобритания и Франция, так же как и СССР, не торопились с выводом своих войск из региона, нарушая тем самым признанные в годы войны принципы Атлантической хартии. В связи с этим, как известно, возник имевший большой резонанс иранский кризис. При этом в Вашингтоне знали, что Москва вывод своих войск из Ирана увязывала с выводом англо-французских сил из арабских стран²⁸.

Американские стратеги, понимая полезность англо-французских баз на территории Египта, Ливана, Сирии и Ирака, «не желали осложнений из-за Леванта, что могло сказаться на общих позициях США в арабском мире». Хотя декларируемые принципы Атлантической хартии обязывали американские власти осудить европейскую имперскую политику, однако «гнев» был направлен только против Франции. Глава Отдела Госдепартамента по ближневосточным и африканским делам Лой Хендерсон возмутился в декабре 1945 г.: «Французская политика на Ближнем Востоке имеет столь циничную природу, что трудно предположить, что французские чиновники заинтересованы в реализации принципов ООН»²⁹.

После того, как под давлением США Сталин вывел войска из Ирана³⁰, Москва активно заговорила о немедленном решении вопроса о выводе французских и английских войск с Ближнего Востока³¹. Позиции США и СССР в сирийском вопросе в какой-то мере совпадали, хотя имелись разногласия касательно механизма осуществления операции³². Американская администрация, поддержав жалобу Сирии и Ливана на действия французских и английских властей³³, была против определения точной даты вывода войск, считая, что он должен осуществляться на основе двусторонних соглашений. Глава советской делегации А. Вышинский, наоборот, выступил за «немедленную и одновременную эвакуацию французских и британских войск из Сирии и Ливана»³⁴. В конечном итоге, Дамаску и Бейруту было предложено договариваться с Францией на двусторонней основе о конкретных сроках и условиях вывода франко-английских вооруженных сил³⁵. Позиция США в вопросе об эвакуации франко-английских войск из Леванта во многом объяснялась тем, что еще в июле 1945 г. с Сирией была достигнута договоренность о транзите и транспортировке нефти через сирийскую территорию³⁶.

Оценивая политику США в отношении Сирии в эти годы, Л. Гарднер заметил, что это «было своеобразное понимание независимости, которое сопровождалось сотрудничеством с американскими предпринимателями и военными советниками»³⁷. Схожая оценка присутствовала в работах советских ученых: «Ликвидация военной и политической власти французского империализма в этих странах (Ливан и Сирия. — Т.В.) создавала благоприятные условия для экспансии американских монополий»³⁸.

После окончательного вывода французских и английских войск из Сирии в 1946 г. на первый план в американо-сирийских отношениях вышел палестинский вопрос. Еще в 1943 г. эксперт по Ближнему Востоку подполковник Г. Хоскинс предупреждал Рузвельта, что в Сирии могут возникнуть антисемитские выступления в связи с поддержкой идеи еврейского государства в Палестине, и сирийцы сомневаются в искренности утверждений американцев о том, что те являются сторонниками их независимости³⁹. Показательной явилась реакция Дамаска на просионистскую резолюцию конгрессменов в период предвыборной кампании 1944 г., которая касалась снятия ограничений с иммиграции евреев в Палестину⁴⁰. В адрес Белого дома тогда были направлены протестные ноты из Дамаска с требованием выполнения обещания, данного Рузвельтом, отложить решение палестинской проблемы до конца войны⁴¹. В телеграмме сирий-

ского правительства от 23 февраля говорилось об «исчезновении веры в международное правосудие и принципы Атлантической хартии. Помощь евреям за счет арабов не может быть оправдана», и далее: «... И хотя сирийское правительство никогда не примирится с расселением евреев в Палестине, сейчас неподходящее время, чтобы поднимать этот вопрос»⁴². В феврале 1945 г., по сообщениям американского дипломата, сирийским властям с большим трудом удалось предотвратить крупные акции против американской миссии⁴³.

После окончания войны палестинская проблема резко обострилась. Англичане активно проталкивали идею арабской федерации под названием «Великая Сирия», в состав которой должна была войти и Палестина⁴⁴. В Белом доме подозревали, что таким путем Лондон хочет избежать создания еврейского государства и одновременно усилить свое влияние во французской зоне⁴⁵. Но это противоречило американским планам укрепления позиций в Сирии и Ливане, необходимых для обеспечения транспортировки аравийской нефти через территорию, свободную как от французов, так и от англичан. Вопрос о «Великой Сирии», в числе прочих, обсуждался на переговорах государственного секретаря Дж. Маршалла и главы британского внешнеполитического ведомства Э. Бевина осенью 1947 г. (они вошли в историю как «Переговоры в Пентагоне»). Американская сторона аргументировала свою позицию тем, что к этой идее отрицательно относились в Сирии, Ливане и Саудовской Аравии, а также в Париже и Москве⁴⁶. В результате, Великобритании пришлось от нее отказаться, но, как показали дальнейшие события, только на время. На этой встрече поднимался вопрос о возможной передаче Сирии Александретты⁴⁷, однако стороны пришли к выводу, что следует сохранить эту территорию за Турцией, чтобы «не подтолкнуть СССР к постановке вопроса о пересмотре советско-турецкой границы»⁴⁸.

В преддверии решения палестинского вопроса в Совете Безопасности осенью 1947 г. Вашингтон оказал давление на арабские страны, чтобы они поддержали план раздела Палестины, но это только привело к росту антиамериканских настроений⁴⁹. Вместе с другими арабскими странами Сирия не признала образование государства Израиль, кроме того, приняла участие в первой арабо-израильской войне 1948—1949 годов⁵⁰. Поражение в Палестинской войне, по словам польской исследовательницы К. Кроковски, имело «тяжелые последствия» для страны, «демократическая система теряла доверие масс», обострилась внутривнутриполитическая ситуация. Правительство подверглось критике, что привело к военному перевороту Хусни аз Заима весной 1949 года⁵¹.

Хотя палестинская проблема стала основным фактором во взаимоотношениях США с Сирией, но не только она определяла их развитие. Анализируя процесс становления американо-сирийских отношений, необходимо учитывать их внутренний, региональный и международный аспекты. Английский автор П. Сил сравнил ситуацию в Сирии «с политическим футболом, когда страну бросают в разные стороны конкурирующие арабские и международные игроки»⁵². Региональная идентичность Сирии в эти годы связывалась с проектами либо «Великой Сирии», либо «Благодатного полумесяца»⁵³. Это нашло отражение в позициях основных политических сил страны⁵⁴:

Народная партия выступала за развитие отношений с Ираком и Трансиорданией, в то время как Национальная партия, ориентированная на Египет и Саудовскую Аравию, склонялась к формированию независимой государственности и сохранению республиканского строя. Радикальные силы выступали с позиций единства арабской нации и нейтралитета во внешней политике. Кроме того, присутствовала и исламско-националистическая идеология, представленная, прежде всего, Братьями-мусульманами⁵⁵. Пестрая внутривнутриполитическая палитра сирийского общества влияла на выбор внешнеполитического курса⁵⁶. Ориентация сирийских политических фракций на разные региональные силы находила отражение в соперничестве между США и Великобританией на Ближнем Востоке.

Главной целью арабской политики Вашингтона являлось включение региона в сферу своего влияния. По словам государственного секретаря США Д. Ачесона, необходимо было «продемонстрировать арабам, что Запад может дать им больше, чем Кремль»⁵⁷. Учитывая слабую информированность об американцах, в качестве инструмента внешней политики была использована пропаганда, направленная на создание позитивного имиджа США в арабском мире. Большое место в ней отводилось демонстрации преимуществ образовательной системы США и привлекательным характеристикам средств массовой информации⁵⁸. В рамках этого направления серьезное внимание уделялось созданию опоры в арабской политической среде, поиску лидеров, ориентирующихся на американские ценности. М. Коплэнд, работавший в военной разведке вплоть до 1953 г., в том числе на Ближнем Востоке, в своей книге останавливается на неудачной попытке «демократизации» ряда стран⁵⁹.

Первоначально выбор пал на Ирак — «полицейское государство». Американцам казалось, что в этой стране легче будет осуществить свой план. Однако политтехнологи из США столкнулись с тем, «что иракцы и шага не могли сделать, чтобы не посоветоваться с англичанами», которые американскую идею «демократизации Ирака» считали нереалистичной. Саудовская Аравия была исключена из этого плана, как «не готовая к демократии». Что касается Египта, Иордании и Ливана, то реформы в них отодвинули на более поздний срок. Выбрана была Сирия, по мнению американцев, как страна с относительно благополучной экономикой и довольно пестрой политической палитрой. К тому же американцы учли, что сирийцы всегда сопротивлялись господству турок и французов⁶⁰. Были установлены контакты с президентом Шукри аль Куатли. Однако демократические выборы 1947 г. не привели к тем результатам, на которые рассчитывал Вашингтон. К весне 1949 г. обстановка в Сирии обострилась, а 30 марта полковник Хусни аз Заимабыл совершил военный переворот. Ачесон в своем послании президенту Трумэну от 25 апреля сообщал, что «хотя способ, которым Заим пришел к власти, не поддерживается США, тем не менее, США должны признать новый режим», надеясь на его последующую демократизацию⁶¹. Во многом этот шаг американских властей объяснялся тем, что незадолго до переворота сирийский парламент отказался ратифицировать соглашение «Таплайн»⁶², подписанное сирийским правительством в декабре 1948 года⁶³. Другой причиной стали неудачные переговоры между Сирией и Израи-

лем о подписании перемирия ⁶⁴. Свою лепту внесли политические игры ⁶⁵, которые развертывались вокруг плана «Великой Сирии» в том или другом варианте, объективно отражавшие англо-американские противоречия в арабском пространстве, ибо сирийско-иракское или сирийско-иорданское сближение противоречило интересам США.

В Вашингтоне Заима считали политиком прозападного толка, который может пойти на мир с Израилем ⁶⁶. Действительно, Заим, придя к власти, сразу же отверг какие-либо переговоры о «Великой Сирии», закрыл границы с Ираком и Трансиорданией, ратифицировал соглашение «Таплайн», нормализовал отношения с Турцией, пригласил ее участвовать в реорганизации сирийской армии, игнорировал вопрос об Александrette и даже объявил о возможности участия Сирии в прозападном блоке с Турцией ⁶⁷. 20 июля 1949 г. было подписано соглашение с Израилем о перемирии, в числе посредников на переговорах присутствовал Р. Банч ⁶⁸. Но в Госдепартаменте напрасно надеялись, что Заим вскоре от военной диктатуры перейдет к демократии. Политические репрессии против оппозиции и прозападный курс вызвали недовольство в обществе. 14 августа режим Заима был свергнут другим полковником — Сами Хинауи, представлявшим интересы той части сирийской военно-политической элиты, которая ориентировалась на Англию и выступала за план «Великой Сирии», объединение с Ираком. Новое правительство вскоре приостановило все соглашения с США. Тем не менее, Вашингтон признал этот режим, но в тайне стал поддерживать оппозицию ⁶⁹. Как следствие этой поддержки, в декабре 1949 г. в Дамаске произошел третий военный переворот во главе с А. Шишекли. Новые сирийские власти возобновили контакты с американцами, и вскоре строительство нефтепровода было завершено ⁷⁰. В период военной диктатуры Шишекли возникли предпосылки для выстраивания конструктивных двусторонних американо-сирийских отношений. Начались переговоры о строительстве еще двух нефтепроводов через территорию Сирии — к портам Тартус и Баниас. В 1950 г. американская миссия в Дамаске была переведена в ранг посольства. Но реальность оказалась сложнее, чем это предполагали в Вашингтоне.

Чтобы укрепить свое влияние в арабском мире в условиях формирования атмосферы холодной войны, США выступили с рядом инициатив, рассчитывая, что этим привлекут внимание Дамаска. Первая появилась в 1949 г. и вошла в историю, как «Четвертый пункт» программы Трумэна или «малый план Маршалла» ⁷¹. В 1950 г. депутаты сирийского парламента заявили, что «прежде, чем рассматривать вопрос о предложениях “Четвертого пункта”, необходимо, чтобы Запад принял меры для разрешения спорных вопросов» ⁷². Дамаску не нравилось, что американская помощь обусловлена требованием мира с Израилем и принятием западного варианта решения вопроса о палестинских беженцах ⁷³. В марте 1951 г. произошло сирийско-израильское столкновение на одном из участков линии перемирия. США оказались в этом конфликте на стороне Израиля, что послужило причиной отказа Дамаска от программы «Четвертого пункта» ⁷⁴.

Вторая инициатива касалась создания оборонительной системы на Арабском Востоке. Эта мысль овладела умами американских стратегов вскоре после образования НАТО, а начавшаяся в июне 1950 г.

война в Корее ускорила работу в этом направлении. Первым шагом стало принятие Декларации трех (США, Великобритания и Франция) 25 мая 1950 г., которая фактически устанавливала контроль над вооружением⁷⁵. В рамках Декларации арабские страны могли рассчитывать на получение оружия для обеспечения внутренней безопасности, но при условии отказа от противостояния с Израилем. На это в разговоре с сирийским премьер-министром обратил внимание американский посланник в Дамаске Д. Келли. Особенно он выразил недовольство по поводу жесткой позиции Дамаска в отношении проходивших тогда иордано-израильских переговоров⁷⁶. В ответ министр национальной экономики Сирии М. Давалиби сказал, что Сирия может пойти на развитие отношений с СССР и что «между США и Сирией самая острая проблема — палестинская. Общественное мнение таково, что любой министр, который выскажется за сотрудничество с Америкой, подвергнется острой критике со стороны оппозиции, так как США связаны с палестинской трагедией»⁷⁷.

Вскоре, беседуя с советским послом, Давалиби снова вернулся к этой теме: «Если американцы будут продолжать свою политику, то арабские страны предпочтут советский режим»⁷⁸. Эти слова вызвали широкий отклик в арабском обществе. На саммите Лиги арабских государств (ЛАГ), который проходил в Каире, прозвучало предупреждение: «Надо избегать выступлений с такой опасной пропагандой, какая содержалась в заявлении Давалиби». В ответ министр обороны Сирии, выступая перед журналистами, так прокомментировал слова Давалиби: «Если выступление Давалиби в пользу Советского Союза получило такую огласку и даже одобрение со стороны арабского общественного мнения, то это только потому, что Советский Союз является врагом наших врагов»⁷⁹. Премьер-министр Сирии, находившийся в это время в Каире, заявил: «Никто из арабских руководителей не хотел бы коммунизма в своей стране..., но США и Великобритания глухи к справедливым требованиям арабских народов, всемерно поддерживают Израиль», поэтому заявление Давалиби «не так важно само по себе, как те причины, которые стоят за этим высказыванием — разочарование в политике Запада»⁸⁰. В беседе с Д. Солодом он заметил, что Давалиби «сам не верит в то, что говорит», и его слова не отражают официальную позицию правительства. По существу, это был один из многих подобных эпизодов в политической жизни арабских столиц, ибо в ближневосточном отделе Госдепартамента США знали, что хотя и «в разной степени, но арабские страны, все же, ориентированы на Запад». Это обстоятельство отметил Г. Колко, указав, что арабскими властями «в целом успешно была сведена к минимуму или подавлена коммунистическая деятельность. Основной преградой для Запада, таким образом, был ультра-национализм»⁸¹. Как сообщалось в одном из документов ближневосточного отдела Госдепартамента, «наибольшую опасность для США скорее представляют ультра-националистические организации, такие, как Братья-мусульмане, Исламская социалистическая партия в Сирии...» и другие⁸².

Однако, по наблюдениям американских дипломатов в Сирии, позиции сторонников дружественных отношений с Советским Союзом в этой стране были надежнее, чем в Египте⁸³. Это было отме-

чено и советскими дипломатами, что позволило им сделать вывод, что поддержка Сирии станет «серьезной помехой в реализации планов США на Ближнем Востоке» и одновременно «усилит симпатии арабов к Советскому Союзу»⁸⁴. Однако сирийские руководители, скорее всего, были заинтересованы в использовании соперничества между США и СССР, чем в развитии дружественных отношений с СССР. Так, основатель партии Баас М. Афлаг считал, что «Сирия не должна бояться западной угрозы, она может использовать соперничество между Востоком и Западом в своих национальных целях..., политика СССР направлена против замыслов британских и американских империалистов»⁸⁵.

В 1951 г. США выступили с инициативой создания Организации обороны Среднего Востока (MEDO)⁸⁶. В отличие от английского варианта (MEC⁸⁷), новый план переносил центр тяжести на Турцию, которая должна была выступить в качестве связующего звена НАТО с арабскими странами. В связи с этим повышалась роль Сирии, как страны, которая имела общую границу с Турцией, причем в Вашингтоне рассчитывали, что Анкара могла бы оказать положительное влияние на Дамаск. В это время между Дамаском и Анкарой установились дружественные отношения, в военной Академии Турции обучались сирийские офицеры⁸⁸. На Западе сирийского президента Шишекли воспринимали с некоторой долей оптимизма, рассчитывая договориться с ним в отношении американского проекта переселения палестинских беженцев и идеи оборонительного союза. Не исключалась возможность продажи оружия Дамаску, хотя имели место опасения, что «существует риск больше, чем в отношении других стран»⁸⁹.

В начале 1951 г. Дамаск посетил заместитель госсекретаря по Ближнему Востоку Дж. Макги, который пытался убедить сирийское руководство отказаться от позиции нейтралитета в вопросе оборонительного союза: «Нельзя быть нейтральным, когда выбор идет между агрессией и защитой свободы»⁹⁰. Визит американского чиновника был встречен массовыми демонстрациями. В Вашингтоне это расценили, как «проявление роста левых сил в стране»⁹¹. Недовольство улицы создавало трудности для сотрудничества сирийских властей с США. В принципе, Шишекли был согласен присоединиться к оборонительному союзу, тем самым, он мог получить необходимое его режиму оружие, но в правительстве даже сторонники военного и экономического сотрудничества с Западом в качестве главного условия выдвигали изменение американской политики в отношении Израиля. Оппозиция, в свою очередь, считала, что этот курс не соответствует национальным интересам страны и что MEDO скорее полезно американцам для достижения их целей⁹². Макги проявил удивительное непонимание того, что для сирийцев палестинский вопрос был важнее, чем «советская угроза». Но это не была личная позиция Макги. Администрация Трумэна основное внимание в арабской политике, как и в целом, акцентировала на «советской угрозе». Этим можно объяснить поддержку американцами диктаторских режимов в Сирии, якобы, необходимых для сдерживания «советской экспансии»⁹³. Можно согласиться с оценкой Дж. Гэддиса, который писал, что «западное беспокорство по поводу советских достижений на Ближнем Востоке, по крайней мере, пока Сталин был жив, были весьма преувеличены»⁹⁴. В

этот период американцы сталкивались с арабским национализмом, который они, с одной стороны, рассматривали, как проявление иррационализма и ксенофобии, будто бы присущих арабам, а с другой — как происки Кремля⁹⁵. Эндогенную природу арабского национализма, возможно, начал осознавать Д. Эйзенхауэр, который в 1953 г. стал президентом США. Причем, в Белом доме обнаружили, что СССР активно «работает с азиатским национализмом»⁹⁶.

В мае 1953 г. новый госсекретарь Дж. Ф. Даллес совершил поездку по странам Ближнего Востока. Неудача в попытке уговорить руководство Египта присоединиться к MEDO заставила его сделать ставку на Сирию. 15 мая он посетил Дамаск и имел продолжительную беседу с сирийским диктатором, который на него «произвел хорошее впечатление»⁹⁷. В беседе с ним госсекретарь актуализировал тему «советской угрозы» для арабов, на что сирийский президент заметил, что «одинаково опасны и коммунизм, и Израиль», и что «у арабов были надежды на то, что новое американское правительство, пришедшее после выборов, изменит политику в отношении этой страны. Значительная часть встречи была посвящена обсуждению американского проекта MEDO, в результате Даллес пришел к заключению, что для Сирии эта проблема не главная»⁹⁸. Еще до поездки в Дамаск госсекретарь встретился с турецким президентом Дж. Баяром и в разговоре с ним затронул вопрос о позиции Дамаска в отношении оборонительного союза. Последний высказал сомнение по поводу того, что Сирия может быть реальным партнером, и добавил, что «у Шишекли много врагов, и очевидно, он скоро может потерять власть»⁹⁹. Неодобрительно к этой идее отнеслось и окружение Даллеса, считая, что Сирия не играет такой роли на Ближнем Востоке, как Египет. Тем не менее, Вашингтон не сразу отказался от мысли привлечь Сирию, о чем свидетельствовала беседа вице-адмирала Райта с Шишекли и частые визиты в Дамаск американских чиновников¹⁰⁰.

В феврале 1954 г. диктаторский режим пал. Прошедшие в сентябре 1954 г. выборы в парламент продемонстрировали победу сил, идеологией которых был синтез антиколониализма, панарабизма и социализма¹⁰¹. Впервые в арабском мире в числе депутатов оказался один коммунист. В декабре 1954 г. ближневосточный отдел Госдепартамента подготовил обзор о ситуации на Ближнем Востоке, в котором отмечалось, что «Сирия из всех арабских стран наиболее привержена политике нейтралитета с антизападным уклоном». К тому же сирийские коммунисты стали действовать легально. Даллес резюмировал: «Сирия превращалась в советскую марионетку»¹⁰². Как пишет Ж. Вогэн, «военный психоз холодной войны вполне мог убедить Запад, что коммунизм начинает марш на Ближний Восток»¹⁰³.

Неудачи с планами МЕС и MEDO заставили республиканскую администрацию сосредоточиться на формировании коалиции стран так называемого «северного яруса обороны», основой которой становились Турция, Иран и Пакистан. В. Румянцев отмечает, что участие в этой коалиции Ирака и Сирии не исключалось¹⁰⁴. Турция с этой целью даже оказывала давление на Дамаск. Однако расчеты Запада не оправдались. Против создания нового военного блока выступили Сирия, Египет и Саудовская Аравия, которые в марте 1955 г. начали переговоры об организации совместной оборонной системы и

подписали двусторонние оборонительные союзы: 20 октября 1955 г. — Сирии с Египтом, а 27 октября — с Саудовской Аравией¹⁰⁵. В этом же году Сирия приняла участие в Бандунгской конференции, а в ноябре 1956 г. было подписано торговое соглашение с СССР. США вынуждены были «опустить железный занавес» в виде Багдадского пакта — в ноябре 1955 г. состоялось учредительное заседание Организации Центрального договора¹⁰⁶. Из арабских стран к нему присоединился тогда только Ирак.

Таким образом, после окончания второй мировой войны США стали рассматривать вопрос о включении Сирии в свою ближневосточную стратегию. Но эта арабская страна отличалась от ведущих стран региона — Саудовской Аравии, Ирака, Египта. По сравнению с двумя первыми, она была более развитой, в том числе, и в общественно-политическом плане, но не обладала такими запасами нефти как они. По сравнению с Египтом Сирия была менее структурирована как государство, и поэтому для нее важной проблемой было определение своего места в соперничестве названных стран. Это делало Сирию слабым игроком в арабском мире. В то же время приверженность республиканским идеям не позволила реализоваться планам объединения с монархическими режимами в рамках «Великой Сирии» или «Благодатного полумесяца». Сирия занимала выгодное геостратегическое положение, что в условиях набравшей обороты холодной войны имело значение для США. При этом сирийская политическая элита использовала как американско-британские противоречия, так и американско-советские.

США не рассматривали Сирию в качестве равноправного партнера, как это было в случае с Саудовской Аравией, но включали эту страну в свою общую стратегию на Ближнем Востоке, тем более, что она граничила с такими важными для Запада государствами, как Израиль и Ирак. К тому же надо учитывать, что в выстраивании арабского направления в американской внешней политике важнейшей задачей была защита нефтяных ресурсов от возможной советской экспансии.

На позицию Вашингтона оказало влияние незнание арабского мира как такового — американцев мало интересовало, какие проблемы для арабов, в том числе и для сирийцев, были главными. В результате США не учли в своих отношениях с Сирией роль такого важного фактора, который определял в первые послевоенные годы внешнюю политику стран Арабского Востока, как национализм. В центре внимания арабов были вопросы деколонизации, а не проблемы противостояния между Западом и Востоком. Другими обстоятельствами стали решение палестинской проблемы и образование государства Израиль без учета мнения арабских правительств. Сирия заняла непримиримую позицию, отказываясь от компромиссов в этом вопросе. Именно в данный период в США стал создаваться образ Сирии как «неудобного» партнера, что сыграло существенную роль в решении Вашингтона отказаться от проекта MEDO и сделать ставку на модель «северного яруса обороны» по линии Турция — Пакистан.

Приверженность администрации Трумэна, а затем и Эйзенхауэра антикоммунизму и преувеличение «советской угрозы» Арабскому Востоку привели к непониманию сирийской политики нейтралитета

и ее жесткой позиции в отношении Израиля. В отличие от Вашингтона Советский Союз смог оценить значение сотрудничества с арабскими националистами, особенно после смерти И. Сталина, и, как результат, — с середины 1950-х гг. Сирия оказалась в орбите советской политики.

Примечания

1. Начало американо-сирийских отношений можно отнести к 1835 г., когда в Алеппо открылось американское консульство. В 1866 г. был создан первый Протестантский колледж, сейчас это Американский университет в Бейруте (АУБ). Впервые активный интерес США к Сирии был проявлен в 1919 г., когда отправленная в Сирию по инициативе президента В. Вильсона комиссия Кинга-Крейна предложила выдать США мандат на Сирию и Палестину. Однако это встретило резкие возражения со стороны Англии и Франции, и не было поддержано противниками Вильсона в самих Штатах. См.: Политика США на Арабском Востоке. М. 1961, с. 6—8.
2. Документы внешней политики (ДВП). Т. 23. М. 1995, кн. 1, с. 371, док. 223.
3. MOUBAYED S. Syria and the USA: Washington's Relations with Damascus from Wilson to Eisenhower. N.Y. 2012, p. X.
4. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. (FRUS). 1940. Vol. III. Wash. 1958, p. 895—943.
5. Ibid., p. 900—904. Вопрос заключался в том, перейдут ли французские офицеры на сторону англичан и уйдут в Палестину или окажутся на стороне правительства Виши.
6. Ibid., p. 906.
7. FRUS. 1941. Vol. II. Wash. 1959, p. 177—179.
8. Ibid., p. 166.
9. FRUS. 1943. Vol. IV. Wash. 1964. Белый дом взял курс на превращение Саудовской Аравии в своего союзника, что объяснялось огромными запасами нефти в этой стране.
10. FRUS. 1942, vol. IV, p. 26—30; HATHAWAY R. Ambiguous partnership. Britain and America, 1944—1947. N.Y. 1981, p. 135. Основные принципы Атлантической хартии арабами повсеместно были восприняты положительно, в отличие от У. Черчилля и Ш. де Голля, которые рассматривали ее как угрозу их имперским позициям.
11. Хоскинс Г. — подполковник американской армии, хорошо знал арабский язык, в качестве независимого эксперта был направлен в страны Ближнего Востока и Северной Африки, где в течение зимы 1942/43 гг. изучал ситуацию в регионе в связи с палестинской проблемой.
12. FRUS. 1943, vol. IV, p. 783.
13. RUBIN V. The Great Powers in the Middle East, 1941—1947. N.Y. 1980, p. 144.
14. FRUS. 1943, vol. IV, p. 965—968, 973, 975, 988.
15. FRUS. 1944. Vol. V. Wash. 1965, p. 788—789.
16. НОВИКОВ Н.В. Воспоминания дипломата: Записки о 1938—1947 годах. М. 1989.
17. FRUS. 1944, vol. V, p. 799.
18. Ibid., p. 786; RUBIN V. Op. cit., p. 144. У. Черчилль еще в сентябре 1941 г. дал понять генералу Катру, представителю де Голля в Сирии, что Франция имеет преимущества перед другими державами, при этом сами англичане были заинтересованы включить Сирию в сферу своих интересов. См.: SEALE P. The Struggle for Syria. A Study of Post-War Arab Politics, 1945—1958. L. 1987, p. 53.
19. FRUS. 1944, vol. V, p. 780, 783.
20. К американскому президенту Г. Трумэну обратился президент Сирии. См.: FRUS. 1945, vol. VIII, p. 1057, 1115, 1118.
21. FRUS. 1945, vol. VIII, p. 1056—1062; 1109—1110 etc.
22. Ibid., p. 1114—1115.

23. The Cambridge History of the Gold War. Vol. I. N.Y. 2010, p. 470; HATHAWAY R. Op. cit., p. 307.
24. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. М. 1948, с. 269; FRUS. 1945, vol. VIII, p. 1128.
25. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: Сб. документов. Т. 6. М. 1980, с. 38. За полтора месяца до Потсдама, де Голль был «оскорблен ультиматумом Черчилля, требовавшим прекращения военных действий в Сирии», а перед конференцией он узнал, что Франция исключена из числа ее участников. См.: ВЕРТ А. Франция 1940—1955. М. 1959, с. 226.
26. Там же, с. 163—164.
27. RUBIN В. Op. cit., p. 144, 150. Проблема присутствия иностранных войск в районах Ближнего и Среднего Востока в первый послевоенный год была наиболее острой. Английские войска были в Египте, Ираке и Ливане, французские — в Сирии и Ливане, советские — в Иране.
28. СССР и арабские страны. 1917—1960 гг. Документы и материалы. М. 1961, док. 23, 24.
29. RUBIN В. Op. cit., p. 145.
30. The Cambridge History of the Cold War, vol. I, p. 473.
31. СССР и арабские страны. 1917—1960 гг. ..., док. 23, 24.
32. История возникновения сирийского кризиса и позиции держав. См.: ОГАНЕСЯН И.О. Образование независимой Сирийской республики, 1939—1946 гг. М. 1968; ПИР-БУДАГОВА Э.П. Сирия в борьбе за упрочение национальной независимости (1945—1956 гг.). М. 1978; Очерки по истории арабских стран. Сб. статей. М. 1959; SPEISER E.A. The United States and the Near East. L. 1947.
33. The Department of State Bulletin. 1946, vol. XIV, № 348, p. 234.
34. СССР и арабские страны. 1917—1960 гг. ..., док. 23, с. 93.
35. В марте 1946 г. были заключены англо-французское и франко-ливанское соглашения, по которым все иностранные войска из Сирии были выведены к 17 апреля 1946 г., из Ливана британские — к 30 июня, французские — к 31 декабря 1946 года. См.: Дипломатический словарь. Т. 3. М. 1986, с. 39; SPEISER E.A. Op. cit., p. 105—106.
36. The Department of State Bulletin. 1945, vol. XIII, № 319, p. 198.
37. GARDNER L.C. Three Kings: the Rise of American Empire in the Middle East after World War II. N.Y. 2009, p. 16.
38. Очерки по истории арабских стран..., с. 203.
39. FRUS. 1943, vol. IV, p. 783.
40. HUREWITZ J.C. Middle East dilemmas. The Background of U.S. Policy. N.Y. 1953, p. 130—131; Меморандум о резолюции конгресса. См.: FRUS. 1944, vol. V, p. 642—643.
41. HUREWITZ J.C. Op. cit., p. 131.
42. FRUS. 1944, vol. V, p. 570.
43. Письма протеста от глав арабских государств см.: FRUS. 1945, vol. VIII, p. 692—693, 696 etc.
44. Существовало два варианта объединения — план короля Транс-Иордании «Великая Сирия» и премьер-министра Ирака Нури Саида «Благодатный полумесяц». См. подробнее: ЗЫБИНА А.Г. Планы создания «Великой Сирии» и «Благодатного полумесяца» в годы второй мировой войны. — Арабские страны. История: Сб. статей. М. 1963.
45. Memorandum by the Assistant Chief of the Division of Near Eastern Affairs (Merriam). — FRUS. 1943, vol. IV, p. 818.
46. «The Pentagon Talks» between the United States and the United Kingdom concerning the Middle East and the Eastern Mediterranean. — FRUS. 1947, vol. V, p. 485—626.
47. Район, отошедший к Турции по Лозаннскому договору 1923 года. Проблема Александретты осложняла взаимоотношения между Турцией и Сирией.
48. FRUS. 1947, vol. V, p. 605.
49. COHEN M.J. Truman and Israel. L.A. 1990, p. 98.
50. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН № 181, 29 ноября 1947 г. См.: ХОЖЛЫ-ШЕВА О.О. Проблемы войны и мира. Хрестоматия. Т. 4. Ч. 1. Н/Н. 2000, док. 114.

51. KROKOWSKA K. The Fall of Democracy in Syria. — *Perceptions*. Summer 2011, vol. XVI, № 2, p. 87, 90. URL: http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/01/katarzyna_krokowska.pdf.
52. SALIC N. Rethinking State–Society Relations in Syria until 1970: What Does the Center-Periphery Model Tell Us? — *Ortadoğu Etütleri*. March 2014, vol. 2, p. 59. URL: http://www.orsam.org.tr/en/enUploads/Article/Files/2014324_makale5.pdf.
53. Проект «Благодатного полумесяца» — план объединения Ирака, Сирии и Трансиордании (Иордании) в союз или единое государство под эгидой династии Хашимитов. По сути, являлся одним из вариантов плана «Великой Сирии». Был выдвинут в 1943 г. премьер-министром Ирака Нури-Саидом, хотя подлинным инициатором была Великобритания, рассчитывавшая с его помощью подчинить своему влиянию Сирию. Проект был отвергнут арабскими странами в конце 1940-х годов.
54. Во второй половине 1940-х гг. у власти в Сирии находились сменявшие друг друга правительства национальной буржуазии, объективно заинтересованные в создании буржуазно-демократического государства. В начале 1947 г., в период подготовки к очередным парламентским выборам, правящая партия Национальный блок распалась. Образовалась Арабская республиканская партия (позже переименованная в Национальную партию), которая представляла интересы национальной буржуазии Сирии, в том числе Дамаска, тесно связанные с египетским, палестинским и французским капиталом. Во главе ее стояли Шукри аль Куатли, Джамиль Мардам и Сабри аль Асали. Другая часть Национального блока во главе с Хашимом аль Атаси после выборов (сентябрь 1947 г.) объединилась в Народную партию, выражавшую интересы национальной буржуазии севера Сирии, выступавшей за укрепление отношений с Ираком, Трансиорданием и английским капиталом.
55. «Братья-мусульмане» (араб. «Аль-Ихван аль-Муслимун») — религиозно-политическая организация, созданная в Исмаилии (Египет) в 1928 г. Хасаном аль-Банной, как исламское реформистское движение в целях формирования общества, построенного на принципах строгого следования исламским нормам. С конца 1930-х гг. отделения организации появляются в Сирии, Ливане, Ираке, Иордании, Судане с целью объединения всех мусульман в борьбе против западного колониализма.
56. За 1949—1954 гг. в Сирии произошло 4 военных переворота, за 1946—1956 гг. сменилось более 20 премьер-министров. Подробнее о политической ситуации в Сирии после 1946 г. см.: ПИР-БУДАГОВА Е.Р. Сирия 1946—1985 гг. Новейшая история арабских стран Азии, 1917—1985. М. 1988, с. 41—56; SALIC N. *Op. cit.*, p. 51—59.
57. Department of State Bulletin. 1951, vol. XXV, № 642, p. 613.
58. *Ibid.*, 1946, vol. XIV, № 352, p. 503—505; Достаточно подробно эта тема освещена в монографии Дж. Вогана. См.: VAUGHAN J.R. *The Failure of American and British Propaganda in the Arab Middle East, 1945—57: Unconquerable Minds*. N.Y. 2005.
59. COPELAND M. *The Game of Nations. The Amorality of Power Politics*. N.Y. 1969, p. 45.
60. *Ibid.*, p. 48.
61. FRUS. 1949. Vol. VI. Wash. 1977, p. 1631.
62. «Таплайн» — англ. Tapline, сокр. от Trans-Arabian Pipeline — Трансаравийский (иначе Транс-арабский) нефтепровод. Пролегал от Аль-Кайсума в Саудовской Аравии до Сидона в Ливане. Являлся важной частью американской нефтяной торговли на Ближнем Востоке. Строительство трубопровода началось в 1947 году. Первоначально он должен был заканчиваться в Хайфе, которая находилась тогда под британским мандатом в Палестине, но в связи с созданием государства Израиль, был выбран альтернативный маршрут через Сирию (Голанские высоты) в Ливан с портовым терминалом в Сидоне. URL: <http://almashriq.hiof.no/lebanon/300/380/388/tapline/>.
63. TEITELBAUM J. The Muslim Brotherhood and the «Struggle for Syria», 1947—1958, Between Accommodation and Ideology. — *Middle Eastern Studies*. 2004, vol. 40, № 3, p. 138.
64. К весне 1949 г. из всех воевавших с Израилем арабских стран соглашение о перемирии не подписала только Сирия.
65. Ближневосточный конфликт..., док. 47, с; 94.

66. GANI J.K. *Understanding and Explaining US-Syrian Relations: Conflict and Cooperation, and the Role of Ideology*. L. 2011, p. 106.
67. SALIC N. *Op. cit.*, p. 66, 89; GANI J.K. *Op. cit.*, p. 106.
68. Department of State Bulletin. 1949, vol. XXI, № 527, p. 177—180; Ральф Банч — американский дипломат и политолог, в 1949 г. исполнял обязанности посредника ООН в урегулировании арабо-израильского конфликта.
69. Department of State Bulletin. 1949, vol. XXI, № 535, p. 515.
70. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 56/6, оп. 18, п. 685, л. 556, л. 154, 252; HUREWITZ J.C. *Op. cit.*, p. 141.
71. Программа предусматривала оказание технической и другой помощи слаборазвитым странам. Department of State Bulletin. January 30, 1949, p. 123; FRUS. 1949. Vol. I. Wash. 1976, p. 757—763; ACHESON D. *Present at the Creation. My Years in the State Department* N.Y. 1968, p. 265; *The Point Four program in the Near East*. — FRUS. 1950. Vol. V. Wash. 1978, p. 279—283. Подробную историю программы «Пункт-4» см.: ШЕНИН С.Ю. США — Третий мир: У истоков новых отношений (история «Пункта-4» 1949—1953). Саратов. 1997.
72. АВП РФ, ф. 566, оп. 18, п. 685, л. 555, ч. 1, л. 136; д. 557, ч. 3, л. 142; SEALE P. *Op. cit.*, p. 56—57. К спорным вопросам относился не только конфликт между Сирией и Израилем в районе линии перемирия, но и англо-египетский.
73. GANI J.K. *Op. cit.*, p. 107, 108; FRUS. 1952—1954. Vol. IX. Wash. 1966, p. 901, 909.
74. SEALE P. *Op. cit.*, p. 147; SPEISER E.A. *Op. cit.*, p. 151.
75. Tripartite Declaration. — Department of State Bulletin. 1950, vol. XXII, № 570, p. 886; FRUS. 1950, vol. V, p. 167—168.
76. Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947—1967. Т. 1. М. 2003, док. 67, с. 121, 122. Иордания решила аннексировать арабскую часть Палестины. В знак протеста Сирия намеревалась закрыть сирийско-иорданскую границу. Египет, Сирия и Саудовская Аравия предложили исключить Иорданию из ЛАГ. См.: МЕЛАМЕДОВ Г.А., ЭПШТЕЙН А.Д. Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история. М. 2008, с. 193.
77. SEALE P. *Op. cit.*, p. 146; FRUS. 1950, v. 5, p. 1205.
78. Ближневосточный конфликт..., док. 67, с. 121; док. 84, с. 142; LAQUEUR W.Z. *Communism and Nationalism in the Middle East*. N.Y. 1956, p. 256.
79. АВП РФ, ф. 566, оп. 17, п. 541, л. 462, л. 96, 99, 130.
80. The Ambassador in Saudi Arabia (Childs) to the Secretary of State. FRUS. 1950, vol. V, p. 909; Ближневосточный конфликт..., док. 67, с. 121.
81. В Сирии в период диктатуры Шишекли КПС была вне закона. Шишекли пришел к власти в результате военного переворота в декабре 1949 года.
82. Policy Statement Prepared in the Office of Near Eastern Affairs. — FRUS. 1950, vol. V, p. 271.
83. LAQUEUR W.Z. *Op. cit.*, p. 37.
84. Ближневосточный конфликт..., док. 91, с. 154—155.
85. GINAT R. *Syria and the Doctrine of Arab Neutralism: From Independence to Dependence*. L. 2005, p. 47.
86. Литерация Middle East Defense Organization (MEDO). Осенью 1950 г. план MEDO был представлен в общих чертах, а окончательно оформился в 1952 году.
87. Литерация Middle East Command (MEC). Командование британскими частями на Ближнем Востоке было создано для защиты английских интересов в регионе и в Восточном Средиземноморье. Находилось в Каире (Египет).
88. Outline of Proposed NSC Paper on Policy Toward the Arab States and Israel the Problem. — FRUS. 1951, vol. V, p. 45—66; MCGHEE G.C. *The US-Turkish-NATO Middle East Connection: How the Truman Doctrine the Soviets in the Middle East*. N.Y. 1990, p. 80—84, 115, 130, 137—138.
89. FRUS. 1951, vol. V, p. 1082.
90. SEALE P. *Op. cit.*, p. 147.
91. SALIC N. *Op. cit.*, p. 92.
92. АВП РФ, ф. 566, оп. 18, п. 685, л. 555, л. 52. В 1951 г. Шишекли пошел на новый переворот, чтобы установить единоличный режим. Диктатура Шишекли просуществовала до лета 1954 года.

93. BOBAL R.T. Stand up and Be Counted: Race, Religion, and the Eisenhower Administration's Encounter Nationalism. Texas. 2011, p. 71.
94. GADDIS J.L. The Cold War. A New History, p. 167.
95. BOBAL R.T. Op. cit., p. 70; Department of State Bulletin. 1953, vol. 28, № 722, p. 605.
96. Ibid., p. 88.
97. FRUS. 1952—1954, vol. IX, p. 56 etc.; Department of State Bulletin. 1953, vol. 28. № 729, p. 832.
98. Ibid., p. 56—57, 60—66, 1011.
99. MCGHEE G.C. Op. cit., p. 155.
100. Ближневосточный конфликт..., док. 118, с. 193—194.
101. По итогам выборов большинство мест в парламенте получила Партия арабского социалистического возрождения (Баас).
102. FRUS. 1955—1957, vol. IX, p. 513—514, 525—528.
103. VAUGHAN J.R. Op. cit., p. 101.
104. Историю создания Багдадского пакта см.: РУМЯНЦЕВ В.П. От Багдадского пакта к СЕНТО: создание и эволюция военно-политического блока (1955—1959 гг.). Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений. Сб. научных статей. М. 2012, с. 158—160.
105. SEALE P. Op. cit., p. 223.
106. 24 февраля 1955 г. в Багдаде между Ираком и Турцией был заключен военный союз («Багдадский пакт»), к которому присоединились Великобритания (4 апреля), Пакистан (23 сентября), Иран (3 ноября). В результате была образована Организация центрального договора — СЕНТО (англ. CENTO или CenTO — The Central Treaty Organization).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Александр Владимирович Сливинский

А.В. Ганин

Аннотация: В статье на основе документов российских, украинских, польских и американских архивов прослеживается жизненный путь и эволюция взглядов начальника украинского Генерального штаба в 1918 г. полковника А.В. Сливинского.

Ключевые слова: Генеральный штаб, Украинская держава, А.В. Сливинский, Гражданская война.

Abstract: The article is based on Russian, Ukrainian, Polish and American archival documents and traces the life and evolution of views of the Chief of Ukrainian General Staff in 1918 colonel A.V. Slivinskii.

Key words: General Staff, Ukrainian State, A.V. Slivinskii, Russian Civil War.

Судьбы и выбор русских офицеров в период революции и Гражданской войны, кажется, никогда не перестанут интересовать историков. Тем более, что биографии большинства представителей высшего командного состава противоборствовавших сторон еще не написаны. В частности, в поле зрения исследователей до сих пор не попадала биография начальника украинского Генерального штаба при гетмане П.П. Скоропадском — Александра Владимировича Сливинского. Между тем, на примере этого человека можно составить представление об одном из архетипов поведения офицерства в период 1917—1922 годов.

Александр Слива (Сливинский) родился 29 августа 1886 года. Он происходил из дворян Полтавской губернии, где у его отца было родовое имение¹. Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (1905 г.), Николаевское инженерное училище по 1-му разряду (1908 г.) с занесением имени на мраморную доску. Свою военную службу Александр начал 1 июня 1905 года. Первоначально он служил в 5-м понтонном батальоне в Киеве. В поручики офицер был произведен со старшинством с 24 марта 1910 года.

По аттестации 1912 г., данной полковником П.Ф. Рябиковым в императорской Николаевской военной академии, поручик Слива

Ганин Андрей Владиславович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

«способностей хороших. В поле недостаточно находчив. Старателен, тактичен, дисциплинирован. Несколько замкнутого характера»². В 1913 г. Рябиков к этому прибавил: «В поле работает хорошо и быстро»³. Академию Сливинский окончил в 1914 г. по 1-му разряду, при выпуске 8 мая 1914 г. был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. После академии он был прикомандирован для испытания к штабу Киевского военного округа, однако началась первая мировая война.

Знавший Сливинского с детских лет полковник С.Н. Ряснянский писал: «Он был на год моложе меня по Полтавскому кадетскому корпусу и тогда он носил фамилию: Слива. Кончил он корпус одним из первых и через 3 года⁴ пошел в академию Генерального штаба, так что окончил ее раньше меня. Во время Великой войны он был в штабе 10 кавалерийской дивизии, а позже в штабе 3 конного корпуса в то время, когда этими частями командовал знаменитый граф Келлер. Выказал себя Сливинский, рожденный Слива, во время войны очень хорошо и заслужил не только орден Св. Георгия, но и уважение чинов дивизии, а позже и корпуса, но... ему захотелось занять высокое положение и удовлетворить честолюбие. Случай представился. В начале 1917 он был назначен в штаб Румынского фронта и там же в начале революции был образован украинский комитет для самоопределения украинцев. Сливинский сразу же вошел в него и начал играть в нем значительную роль. Когда я упрекнул его при встрече в Яссах в том, что он занялся украинизацией, то он мне на это сказал, что его задача не дать захватить верх в комитете чистым самостийникам. Возможно, что в то время он и не думал о полной самостоятельности Малороссии, но уже несколько позже, когда он был выбран в раду, его первоначальные взгляды изменились, и он стал самостийником»⁵.

Сливинский выдвинулся уже в годы первой мировой войны, зарекомендовав себя как храбрый офицер. На фронт он пошел старшим адъютантом штаба 10-й кавалерийской дивизии. В 1914 г. исполнял должность ее начальника штаба. С 22 марта 1915 г. он — капитан, старший адъютант штаба III кавалерийского корпуса.

Боевой путь офицера был отмечен целым рядом наград. В начале 1915 г. он был награжден орденами Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Позднее последовало Высочайшее благоволение от 25 июня 1915 года. Сливинский был награжден Георгиевским оружием за то, что «будучи исправляющим должность начальника штаба 10-й кавалерийской дивизии в бою у д. Одржехова 10-го декабря 1914 года, исполняя должность начальника штаба, принимал ближайшее участие в руководстве боем, находясь под сильным ружейным и артиллерийским огнем противника и подвергая свою жизнь явной опасности, верной оценкой обстановки и выдающейся распорядительностью способствовал успешным действиям дивизии»⁶.

Затем офицер удостоился награждения орденом Св. Георгия 4-й ст. за то, что «в боях с 25-го по 29-е апреля 1915 года у д.д. Ржавенцы и Баламутовка, находясь на линии наших цепей и подвергая свою жизнь явной опасности, под сильным ружейным огнем и огнем тяжелой артиллерии противника, неустанно наблюдая за ходом боя, давал ценные сведения в штаб корпуса о группировке и передвижении против-

ника и этим способствовал успеху боя»⁷.

Впоследствии Сливинский вспоминал, что «в течение этой войны мне пришлось участвовать под непосредственным начальством выдающегося русского кавалерийского вождя генерала графа Ф.А. Келлера во всех боях 10-й кавалерийской дивизии, потом III конного корпуса, состав которого одно время достигал восьми кавалерийских дивизий. Приходилось видеть конные атаки русской кавалерии на неприятельскую пехоту, батареи, пулеметы и даже на укрепленные позиции»⁸. Безмерное уважение к графу Келлеру Сливинский сохранил на всю жизнь. Генерал также очень любил и высоко ценил Сливинского⁹. Думается, дружба с таким ярким монархистом, каким был граф Келлер, может говорить и о взглядах самого Сливинского, далеких от идеалов украинского национализма.

С 3 апреля 1917 г. Сливинский занимал пост штаб-офицера для поручений по авиации управления генерал-квартирмейстера штаба помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта и внес вклад в процессы украинизации на этом фронте. Есть сведения и о том, что некоторое время офицер даже занимал пост начальника штаба Киевского военного округа.

В старой армии Сливинский дослужился до чина подполковника (произведен 15 августа 1917 г.) По некоторым данным, он был среди арестованных следственной комиссией при петроградском революционном трибунале за деятельность в период выступления генерала Л.Г. Корнилова¹⁰.

Летом 1917 г. на II всеукраинском военном съезде, проходившем 5—10 июня 1917 г. в Киеве, Сливинский был избран в состав украинского генерального войскового комитета¹¹, председателем которого являлся С.В. Петлюра.

В сентябре-октябре 1917 г. Сливинскому предлагали генеральскую должность начальника штаба крепости Севастополь, однако он отказался. Выдвигал Сливинского на этот пост его прежний сослуживец по штабу Румынского фронта, и.д. коменданта крепости генерал В.М. Черемисин, впоследствии также служивший в гетманской армии. Однако 21 сентября генерал-квартирмейстер Ставки генерал М.К. Дитерихс сообщил, что офицер себя пока не зарекомендовал, «чтобы выдвигать его не в пример прочим»¹². Когда 18 ноября 1917 г. были утверждены штаты украинского войскового генерального секретариата и туда начали переманивать офицеров-генштабистов, Сливинский

винский значился вторым генерал-квартирмейстером ¹³, а затем помощником начальника Генштаба. Ему принадлежало авторство проекта развертывания украинской армии путем использования оставшихся на Украине частей и соединений старой армии Румынского и Юго-Западного фронтов. Планировалось из X армейского корпуса сформировать Киевский, из XXV — Волынский, из XXVI — Полтавский, из XXXI — Черниговский, из XXXII и III — Подольский, из VIII и XL — Одесский, из V Кавказского — Екатеринославский.

Участвовал Сливинский и в историческом военном совете в кабинете украинского генерального секретаря по военным делам Н. Порша 5 января 1918 г., когда обсуждался вопрос организации сопротивления красным. Там же присутствовали и другие офицеры, в том числе начальник Генштаба генерал Б.П. Бобровский, генштабист, подполковник Е.А. Кельчевский (как и Сливинский, он был помощником начальника Генштаба).

В то время Сливинский был молод для высоких должностей и не пользовался авторитетом в кругу генштабистов. К сожалению, точных причин его карьерного взлета установить не удалось. К своим обязанностям он относился весьма серьезно. Его будущая супруга вспоминала, что в период наступления красных на Киев в начале 1918 г. Александр Владимирович находился в подавленном настроении. «Он, всегда бодрый и энергичный, вдруг жалуется на инертность офицерства, безвластие и говорит, что с тем, что удалось ему собрать, ничего сделать уже нельзя» ¹⁴. С января 1918 г. Сливинский занимал пост начальника штаба Гайдамацкого коша Слободской Украины — военизированного добровольческого формирования. В те дни, спасая свою жизнь, он пешком ушел из Киева ¹⁵, возвратившись в город лишь с немцами.

10 марта 1918 г. Сливинский занял пост начальника Генштаба Украинской народной республики (УНР). Именно он осуществил в марте 1918 г. реорганизацию Генштаба, разделив его на оперативный и организационный отделы ¹⁶.

Есть данные о том, что австро-германские спецслужбы вели агентурную разработку Сливинского ¹⁷ как не вполне лояльного Центральной Раде видного военного деятеля, на которого можно было бы сделать ставку в дальнейшем. Сведения о Сливинском вошли в доклад о главнейших деятелях Украины, подготовленный уполномоченным штаба главнокомандующего австрийскими войсками при украинском правительстве для Генштаба 8 апреля 1918 г. и затем переданный в МИД. О Сливинском не вполне точно сообщали как о генерале, который «занимал во время войны несколько высших должностей в Генеральном штабе. Был начальником оперативного штаба кавалерийского корпуса Келлера. Молодой, образованный, очень энергичный генерал, ловкий и уверенный в себе. Несомненно, человек будущего... Несмотря на то, что Сливинский в военном отношении менее значительная личность, он доминирует в настоящий момент над начальником Генерального штаба ¹⁸ и старается ущемить его, не давая ему нужной информации, вмешиваясь в дела его ведомства и т.д.» ¹⁹.

Во время переворота 29 апреля 1918 г., завершившегося приходом к власти гетмана П.П. Скоропадского, Сливинский одним из первых поддержал гетмана, чем обеспечил себе сохранение занимае-

мой должности ²⁰. Более того, в начале мая 1918 г. Сливинский временно исполнял обязанности министра военных дел и флота. В дальнейшем он организовывал вечера, на которых происходили встречи с германскими офицерами ²¹.

Скоропадский практически не знал его. Впоследствии он вспоминал, что Сливинский «был еще при Центральной Раде. В то время я его видел один раз. Этот полковник ²² почему-то вызывал всеобщее недоверие и озлобление среди кругов собственников. Неоднократно ко мне приходили и предупреждали, что Сливинский опаснейшее лицо, что это человек, который стремится сам сделаться гетманом, что он нарочно тормозит создание армии, что он находится в связи со всеми элементами, готовящими восстание и т.д. Дошло дело до того, что Бусло, начальник особого отдела при штабе гетмана, представил мне рапорт, в котором уведомлял, что Сливинский чуть ли не убежденнейший большевик, что он покушался на убийство генерала Щербачёва, главнокомандующего Румынским фронтом, и все в таком духе. Последний рапорт, конечно, мне показался сплошным вздором, тем более, что я знал, что, наоборот, будучи на Румынском фронте, Сливинский умудрился арестовать как-то какого-то крупного большевика, кажется, Рошалья, если не ошибаюсь. Но все же эти разговоры о начальнике Генерального штаба, т.е. человеке, долженствующем явиться одним из ближайших моих помощников, конечно, не могли не отразиться на моем к нему доверии. Я решил предложить ему другое какое-либо место. Вопрос этот был решен, и я его больше к себе не приглашал, ожидая, что со дня на день он получит назначение, а потому мне делиться с ним своими мыслями не приходилось. Беда была в том, что у меня положительно не было кем его заменить... В это самое время ко мне явился мой начальник штаба и описал мне Сливинского совершенно не в том свете, как его мне очеркивали раньше. Я стал к нему приглядываться, и постепенно у меня складывалось убеждение, что это чрезвычайно честолюбивый, но одновременно с этим умный и работающий человек, что на украинский вопрос он смотрит так же, как и я, а, кроме того, очень работоспособный. Я его тогда оставил на его прежней должности и не раскаялся. По крайней мере, я никогда не слышал потом, чтобы Сливинский был замешан в чем-нибудь предосудительном с точки зрения нашего правительства. Даже во время восстания Петлюры его имени не упоминалось. Он был молод, конечно, многие из его же товарищей ему завидовали; но лучше, по-моему, иметь молодого помощника, нежели старого рутинера. И так мы уже сделали крупную ошибку, принимая в военное министерство старых деятелей, которые привыкли работать только в известных условиях организованного государства и армии, а выбираться из трудностей, в которых мы тогда находились, и самим творить заново были не в состоянии» ²³. Интересно, что характеристика Скоропадского совпадает со свидетельством его начальника штаба генерала Б.С. Стеллецкого, который и протезировал Сливинскому.

Сливинский участвовал в заседаниях правительства и находился в курсе украинской политики. 29 июня 1918 г. он был переименован в войсковые старшины со старшинством с 15 августа 1917 года. Весной-летом 1918 г. Сливинский выступал в качестве военного эксперта на переговорах с РСФСР.

Товарищ министра внутренних дел В.Е. Рейнбот свидетельствовал, что военный министр генерал А.Ф. Рагоза в силу преклонного возраста уже был номинальным министром, реальная же власть была в руках генералов А.П. Грекова, А.Г. Лигнау и подполковника Сливинского, которого Рейнбот охарактеризовал как талантливого. По мнению этого мемуариста, Сливинский «знал прекрасно свое дело, отлично говорил, настойчиво, убедительно проводил свои взгляды, был чрезвычайно честолюбив, властолюбив и далеко не чужд интриги в самом широком масштабе». Он, якобы, боролся с министром внутренних дел И.А. Кистяковским, для чего использовал свое влияние на гетмана Скоропадского и председателя Совета министров Ф.А. Лизогуба. Впрочем, утверждения того же мемуариста о поддержке Сливинским за счет военных ассигнований неких радикальных украинских группировок, о его двойной игре и чуть ли не потворстве свержению гетманской власти ²⁴ вызывают серьезные сомнения.

Генерал В.А. Мустафин считал Сливинского «молодым офицером Генерального штаба, несомненно умным и способным, большим карьеристом, пошедшим по указке самостийников и проводившим на высшей командной должности негодных, скомпрометированных людей, проявлявших угодливость перед “украинскими шовинистическими течениями” и ненависть (конечно, внешне напускную) ко всему русскому» ²⁵. Мустафин также подтверждал свидетельства о том, что Сливинский подчинил своему влиянию военного министра ²⁶.

Емкие характеристики Сливинского оставил в своих воспоминаниях генерал Б.С. Стеллецкий. По его свидетельству, Сливинский попал к Скоропадскому по наследству от предыдущего правительства Центральной Рады. «Товарищи Сливинского по кадетскому корпусу и академии Генерального штаба рассказывали о нем, что, будучи еще в корпусе, Слива (такова в то время была его фамилия) все время мечтал сделаться вторым Наполеоном. Корпус и академию Сливинский закончил одним из первых. И весь отдавался военному делу; вне этого дела для него не было жизни. Как человек крайне честолюбивый, он записывается в социал-революционеры, как наиболее сильную партию Временного правительства, и затем в качестве члена этой партии легко получает назначение начальником Генерального штаба в соц[иал]-рев[олюционном] правительстве проф. Грушевского.

Небольшого роста, с лицом, действительно напоминавшим Наполеона, энергичный и любящий свое дело, а главное не видящий ничего другого и не входящий ни во что, кроме военной карьеры, он производил очень приятное и симпатичное впечатление.

Скоропадский вначале относился к нему очень подозрительно и даже несколько раз выражал желание его арестовать и выслать, но Сливинский нашел себе поддержку в начальнике штаба гетмана ²⁷, который, ознакомившись с деятельностью Сливинского, устроил так, что Сливинский получил самостоятельный доклад у гетмана. Это обстоятельство совершенно не входило в планы [товарища военного министра генерала А.Г.] Лигнау, но он не мог открыто противодействовать начальнику штаба гетмана и должен был примириться; Скоропадский же очень скоро начал симпатизировать молодому и энергичному нач[альнику] Ген. штаба» ²⁸.

В нашем распоряжении нет данных о принадлежности Сливинского к эсерам, но стремление таких офицеров к карьере Наполеона было типичным явлением того времени. Как отмечал генерал Г.И. Гончаренко, «подполковник даровит и талантлив, а в маленькой фигуре и очертаниях профиля крупной, большой головы можно, пожалуй, усмотреть даже внешние признаки Бонапарта. Утверждают, будто начальник украинского Генерального штаба чрезвычайно гордится этим случайным сходством и пытается даже в манерах подражать великому корсиканцу»²⁹.

На плечи Сливинского легла организационно-оперативная работа. Причем, если верить Стеллецкому, Сливинский смог наладить работу ГУГШ, несмотря на оппозицию старших офицеров Генштаба. В намеченных им преобразованиях за основу была принята германская система корпусных округов, каждый из которых составляла губерния. Организация строилась от высших штабов к низшим. Однако этот план в итоге принят не был³⁰.

Как свидетельствовал сам Сливинский, «в ответственный момент обороны нашей родины, в час организации на Украине соответствующей принципам свободного демократического республиканского края военной силы я приступил к исполнению возложенных на меня обязанностей, не приняв от моих предшественников ни единого шага начатой работы. Даже самого аппарата — штаба, как такового, не было.

Немедленно я должен был просить на высшие должности штаба ответственных работников.

Несколько верных украинцев, офицеров Генерального штаба, отговорились до выяснения более твердой политики государства.

Удалось временно пригласить кое-кого из офицеров неукраинцев, известных творчеством в своей прежней работе, но их процент был весьма незначительный. Сейчас в составе Генерального штаба только 75 процентов украинцев.

Надеюсь, что в ближайшем времени мне удастся целиком сорганизовать управление штаба в желательном составе.

Сотрудники на низших должностях набираются начальниками отделов под их строгой ответственностью и, согласно моего приказа, из природных украинцев»³¹.

Несмотря на попытки Сливинского заигрывать с националистами, будущие петлюровские военачальники отзывались о нем скорее недоброжелательно. Генерал М.В. Омелянович-Павленко писал о переполнявшем его чувстве неприязни к начальнику Генштаба: «Надутая маленькая фигурка, заложивши руки накрест, величественно попросила меня сесть. Как раз помню меня особенно занимал его профиль, поскольку я предполагал, что он, как немало других из наших военных деятелей, также “болел Наполеоном”. В разговоре он был краток. Я поклонился и пошел себе в печали домой с впечатлением, что этому фавориту революции пороку не изобрести»³². Как бы то ни было, Омелянович получил назначение. По характеристике генерала В.Н. Петрова, Сливинский был «подвижный, стройный, невысокий офицер с быстрой речью категоричными выражениями, энергичными жестами». Когда Сливинский обратился к Петрову на русском языке, последний намеренно отвечал ему на «мове», чем вынудил и

Сливинского перейти на украинский язык ³³. По мнению генерала А.П. Грекова, Сливинский — «заурядный мелкий офицер Генштаба с большими наклонностями к мании величия и интриганству», причем назначен он был якобы по рекомендации партии эсеров ³⁴.

В свою очередь, разведчик белых в Киеве подполковник С.Н. Ряснянский вспоминал о своей встрече со Сливинским так: «В приемной украинского начальника штаба было довольно много ожидавших приема лиц, среди них было несколько мне знакомых военных, перешедших на службу в украинские войска, существовавшие, правда, только на бумаге. Докладывал о просителях штаб-офицер для поручений нач[альника] Г[енерального] шт[аба], бывший офицер 10 драгунского п[олка], во время войны штаб-офицер для поручений при интенданте 3 кав[алерийского] корпуса подп[олковник] Балтин, ставший по примеру своего сослуживца Сливинского ширым украинцем. Я довольно насмешливо отнесся к его новой роли и форме, что, по-видимому, несколько его обидело, но мало смутило, шепотом он обещал мне потом рассказать “много интересного”. Мое старое знакомство со Сливинским дало мне преимущество перед прочими ожидающими, а, может быть, сыграло роль и то, что я явился не в роли просителя, о чем сразу же заявил Болтину (так в документе. — А.Г.). Нужно сказать, что этот Балтин был большая пройдоха и проныра. Сливинский принял меня очень любезно и спросил о причине моего приезда в Киев (о том, что я служу в Добровольческой армии, он уже знал), я ответил, что приехал по своим личным делам. Открывать свои карты я не хотел до тех пор, пока не узнаю об отношении Сливинского к нашей армии. Сговорившись с ним о дне нового свидания, во время которого мы могли подробнее поговорить и спокойно посидеть, не тревожимые никем, я ушел от него. Он, насколько я помню, обещал мне содействие, если мне оно будет нужно» ³⁵.

Генерал М.А. Свечин, командированный в Киев в мае 1918 г. в составе военно-дипломатической миссии Всевеликого войска Донского, также оставил подробное описание встречи со Сливинским: «Ко мне зашел нач[альник] украинскаго Генштаба ген[ерал] ³⁶ Сливинский с приглашением к нему на завтрак, где я увижу ген. профессора Головина, что, вероятно, мне будет приятно.

Приехав, я уже застал Ник[олая] Ник[олаевича] Головина, моего старого друга, с которым я немало поработал в нашей академии, и мы были близки друг другу.

Садясь за стол, Сливинский сказал, что ему приятно видеть у себя профессора нашей академии Ник[олая] Ник[олаевича] и меня, руководителя академической группы, в которой он оказался. Им приглашены два офицера его управления, тоже питомцы нашей академии. Все мы, русские офицеры, можем спокойно и откровенно вести наши беседы, т.к. наши помыслы направлены, где бы теперь не находились, на пользу России.

Этим вступлением он согрел нашу встречу и дал понять, что мы можем свободно обмениваться мнениями.

После завтрака, когда мы перешли пить кофе в кабинет хозяина, я обратился к нему:

— “Пользуясь вашим любезным вступлением перед завтраком быть, как прежде, едиными в преданности нашей Родине, беру на

себя смелость задать, быть может, щекотливый вопрос. Вы, как занимающий ответственный военный пост, я полагаю, лучше всех могли бы осветить его. Цель[ю] моей поездки сюда является получение оружия и снаряжения для борьбы, которую ведет Дон с красными; удастся ли мне эта задача?”

“Охотно, не скрывая, отвечу: в вашей борьбе все мы должны помогать — кто чем может. Я в курсе ваших задач, Рагоза меня об этом уведомил. Могу вас заверить, что вы встретите сочувствие в управлениях воен. министерства. У нас остались огромные склады, как бывшие тылы двух фронтов. Все это имущество заготовлено еще императорской властью для наступления в 1917 г. А потому не есть принадлежность одной Украины. Часть их взорвалась, но очень незначительная. Между прочим, сейчас производится анкета, выясняются причины, ищут нет ли злого умысла со стороны немцев или петлюровцев? Причина, как я высказался в анкетной комиссии, заключается в небрежном хранении. Все чувствительные взрывчатые вещества требуют сугубой заботливости в их содержании. Химические составы их подвергаются разложению и от времени, и от атмосферы, и от массы причин. Требуют уход, как за больными людьми. А что делалось после революции и смены властей? Причину нужно искать в разложении и самосгорании от небрежного ухода. Но, простите, я отклонился от темы. Запасы принадлежат всей России, не поделиться с русскими частями, ведущими жертвенную, кровавую борьбу, было бы преступлением”.

— “Я очень рад, что встречаю у вас такую помощь, зная вас, не мог сомневаться в этом, но вижу большую опасность в получении запасов, о чем мне намекал и гетман, со стороны немцев”.

— “Как раз об этом я и собирался вас предупредить. Они ревниво наблюдают, чтобы ничего не попало Добр[овольческой] армии и установили контроль на жел[езных] дорогах. Но не унывайте, все наряды по отправке военных грузов проходят через мое управление, в крайности постараемся, что нужно замаскировать. Затем хочу вас информировать в следующем: мне гетман говорил, что вы будете приглашены Муммом ³⁷, предупреждаю, что вас пожелает видеть и ген[ерал] Эйхгорн, командующий оккупационными войсками, очень любезный старик, но при нем вероятно увидите его нач[альника] штаба ген[ерала] Греннера, который собственно и руководит всем. А он и Мумм — большие ненавистники России”.

Мне оставалось обнять Сливинского за такое теплое содействие и информацию немецкого возглавления здесь, с которыми приходится свидеться.

— “А твои какие намерения?” — Обратился я к Н.Н. Головину.

Но, прежде чем Головин ответил, Сливинский с жаром произнес, обратясь ко мне.

— “Вам Ник. Ник. не скажет, а я обязан сообщить, что должность, которую я занимаю, была предложена ему, как известному ученому, но, уклонившись, он указал на меня”.

— “Не люблю я именоваться ученым, просто посвятил себя военной науке и истории, помните мою борьбу в академии. Сознательно рекомендовал Сливинского — он не только прекрасный офицер Ген. штаба, а к тому же по происхождению Запорожец...”

— «Лучшего выбора гетман сделать не мог», — прибавил и я, «помню его прекрасные работы в академии...»...

Находясь у авторитетного лица, нач[аль]ника Генерального штаба, было интересно знать о положении в котором находилось формирование здешней армии, о чем мы и обратились к нашему хозяину.

— «Дело в том, начал Сливинский, что для личного вам сведения могу сообщить, у нас имеются большие для этого возможности. Мы имеем вооружение и снаряжение, не менее как на восемь корпусов. Украинское крестьянство — прекрасный элемент, для комплектования. Сюда сбежалось немало офицерства, много специалистов — Ген. штаба, артиллеристов, воен. инженеров и пр. По требованию гетмана я делал доклады в правительстве с представлением проектов и наставлений, не теряя времени приступить к формированию. Это нам крайне необходимо, но вовсе не нужно немцам иметь вооруженного соседа, и воля их в этом вопросе неуклонна. Все попытки нашего правительства убедить немцев в разрешении организовать хотя бы незначительную воинскую силу для ограждения границ от большевиков были безрезультатны. Немцы ведут двойственную политику: в Москве Мирбах поддерживает большевиков, кои теперь им не страшны, а здесь в Киеве Мумм поддерживает гетмана от тех же большевиков. По отношению донских казаков немцы не препятствуют красным вести борьбу, а здесь стараются войти в дружбу с казаками. Видимо, находят для себя полезным, чтобы обе стороны слабели от войны, а наружно остаются в добрых отношениях».

— Но неужели нельзя ничего предпринять, чтобы подготовить себе вооруженную силу, сказал Головин, хотя бы в скромном виде?»

— «Все, чего мы могли добиться, — продолжал Сливинский, — это сформировать штабы нескольких корпусов и дивизий. Понятно, штабы не защита, но все же готовое руководство. Кроме того, в засекреченном порядке мы установили работу быв. русских уездных воинских начальников, взятием на учет военнообязанных. А под видом полиции организовали небольшие команды».

Побывав еще раза два у Сливинского, мы видели, что с сильным давлением немцев о недопущении формирования армии было трудно справиться, что и послужило той драмой, которая разразилась для этого края при уходе немцев»³⁸.

Даже генерал П.Н. Врангель, побывавший у Скоропадского примерно в конце мая — начале июня 1918 г. упомянул Сливинского в нескольких строках своих воспоминаний: «Начальником Генерального штаба состоял полковник Сливинский, способный офицер, которого я знал по Румынскому фронту... У Сливинского я подробно ознакомился с вопросом формирования армии. Немцы, все обещая, фактически никаких формирований не допускали. Сформированы были лишь одни войсковые штабы и, кажется, одна «хлеборобская» дивизия. Никакой правильной мобилизации произведено не было, да и самый мобилизационный план не был еще разработан. Ни материальной части, ни оружия для намеченных формирований в распоряжении правительства не было»³⁹.

Посетителей Сливинский принимал по понедельникам, средам и пятницам с 10.30 до 11 час. по адресу: улица Банковая, 11, где располагалось ГУГШ⁴⁰. Его помощником стал известный отечественный

военный деятель полковник Н.Е. Какурин. Проблемой гетманской армии стало наличие только штабных структур без реальных войск в их подчинении. Сам же Сливинский как бы символизировал аполичность украинских войск.

В докладе Генштаба капитана Петрова начальнику разведывательного отделения штаба Добровольческой армии подполковнику С.Н. Ряснянскому от 14 (27) сентября 1918 г. о состоянии украинской армии сообщалось, что ГУГШ возглавлял молодой подполковник Сливинский, «по отзывам многих лиц, способный, а главное трудо-способный офицер»⁴¹. По свидетельству белого агента, при вступлении в должность военного министра генерала А.Ф. Рагозы было много разговоров о замене Сливинского генералом Н.Л. Юнаковым, однако эти разговоры остались на уровне слухов.

Помимо выполнения своих прямых должностных обязанностей Сливинский не чурался публичности и даже к ней стремился. Это стремление проявилось в его многочисленных интервью в киевских газетах, особенно частых на излете немецкого присутствия на Украине. По этим выступлениям можно проследить и его политические взгляды того периода.

Одна из бесед со Сливинским касалась создания украинской армии. Начальник Генштаба оптимистично заявил: «Вопрос существования украинской армии решен положительно и бесповоротно. Армия сформирована будет. Она создается с единственной целью — быть опорой и надежным обеспечением самостоятельности и независимости Украинской Державы, а потому ее формирование не должно рассматриваться в качестве угрозы какой-либо из воюющих в настоящее время групп держав, ни, тем более, какой-либо славянской народности. Осуществив заветные думы своих лучших сынов, в эпоху коренного пересмотра всех человеческих отношений, украинский народ нуждается в длительном мире для своего государственного строительства и поднятия хозяйственного благосостояния. Обеспечить ему в этом смысле полную возможность и является задачей формируемой армии.

Так как задачи такого масштаба могут решаться только всем населением, кровно и лично заинтересованным в их разрешении, то украинская армия и создается на принципе обязательной воинской повинности — всеобщей и личной. Выработывая устав об этой повинности, Генеральный штаб пользовался, как канвой, таким же российским уставом, внося в него целый ряд изменений на основании опытных данных всех стран, соответственные уставы которых выдержали испытание еще продолжающейся войны. В настоящее время этот устав рассматривается Советом министров, о чем уже сообщалось в печати. Что касается подготовки и использования армии, то все вопросы этой категории сосредотачиваются и разрабатываются Генеральным штабом, имеющим соответственную своей задаче организацию, степень самостоятельности и вполне достаточный кадр сведущих и опытных специалистов. Имея же в виду необходимость в дальнейшем его пополнения, создается державная военная академия, положение о которой выработано и законодательное утверждение которого — вопрос близкого будущего.

Со стороны некоторых кругов общества иногда раздаются недоуменные вопросы: почему, когда армии еще нет, так энергично раз-

рабатываются штаты центральных учреждений, академий и т.п. Вопросы такого рода являются плодом недоразумения: те призывы, которые будут взяты из населения, должны, вливаясь в армию, видеть в ней полную, законченную организацию. Иначе армейская жизнь никогда не выйдет из стадии формирования и не приобретет необходимой устойчивости, обеспечивающей планомерность работы. Кроме того, надо иметь в виду, что армии, построенные по принципу повинности, есть в сущности армии кадров: полностью они существуют только во время войны, в мирное же время они представляют собою школу, сквозь которую проходит в известном возрасте население, обучаясь азбуке военного дела

Именно поэтому, желая организовать вооруженные силы Украины так, чтобы они были силами, нужно всю работу начать с правильной организации их настоящего элемента, т.е. в первую очередь Генерального штаба, где сосредоточена вся военно-идейная работа центральных учреждений, ведающих прочими задачами формирования, затем офицерского и унтер-офицерского кадров и только тогда, когда все это будет сделано, можно призывать новобранцев, т.е. переменный состав армии.

В настоящую минуту мы уже стоим перед призывом, и он не явится для нас преждевременным, так как вся подготовительная работа выполнена. Вопрос об офицерском составе уже получил свое разрешение. Существовавшие до сих пор временные кадры легко перейдут на увеличенный постоянный штат, так как они имели количество офицеров, превышавшее временные штаты. Правовое положение офицерства в украинской армии таково, что их прежняя служба в России не пропадет, даже выслуга на производство в чине сохранена; разработан вопрос о наградах за службу на Украине и в особенности за участие в формировании армии, когда эта работа была особенно напряженной. Улучшение материального положения офицеров в военном ведомстве решено и ожидается только рассмотрение вопроса Советом министров, куда все нужные для этого законопроекты уже внесены. Правда, одним этим офицерский вопрос еще не решается. Для сплоченности необходимо придать этому корпусу известное единство. Это достигается в данное время подбором офицерского состава по образовательному цензу; что же касается его моральных качеств, то это регулируется соответственными аттестациями и товарищеским воздействием через суды чести, возрожденные волею ясновельможного пана гетмана.

Унтер-офицерский вопрос, очень важный в современных кадровых армиях, разрешается также вполне благополучно, благодаря хорошей оплате труда и полному обеспечению в прочих отношениях (квартира, одежд[а], довольствие и т.п.).

Что же касается самого призыва, то главный аппарат в этом деле — воинские начальники — справились с делом учета отлично. Работа на призывных пунктах в пору призыва новобранцев в Сердюкскую дивизию протекала совершенно нормально и без трений. В лице призванных до настоящего времени мы получили отличный элемент, который, пополнив сердюцкие части, в настоящее время проходит курс обучения, делая значительные успехи и вполне удовлетворяя требованиям, предъявляемым к современным новобранцам во всех армиях культурных государств.

Говоря об армии, в наше время нельзя ни на одну минуту забывать огромного значения техники, как разрушения, так и обороны, делающей поразительные успехи. Эта сторона дела не была нами забыта, и при Генеральном штабе уже созданы и работают особые инспекции артиллерии и технических войск, имеющие целью, с одной стороны, следить за всем, что появляется нового по их специальности в иностранных армиях, а, с другой, иметь контроль над тем, поскольку все признанное из этих новин полезным проводится в жизнь украинской армии. Будучи связан органически с Генеральным штабом и, находясь, таким образом, в самом центре биения военной мысли, эти инспекции несомненно принесут огромную пользу армии, поддерживая ее технику на уровне последнего слова науки.

Еще одно замечание. В странах с невысоким уровнем культуры, как Украина, армия всегда выполняет попутно еще одну задачу — она служит огромной народной школой. До призыва в кадрах велись занятия по украиноведению, будет налажена национально-просветительная работа и после призыва. С этой целью будет сохранено обучение украиноведению, основывается военная газета, военный журнал и намечается ряд изданий, имеющих целью популяризовать военное знание; намечается также и целая система организаций и пополнения войсковых библиотек — над этим делом сейчас работают особые офицеры в Генеральном штабе, и дело это уже подведено к возможности его полного разрешения. Таким образом, армия будет не только физической силой народа, его детищем по крови, но и по духу, так как воспитание молодежи, вливающейся в ее ряды, строится исключительно на национальной основе.

Придавая огромное значение гласности и имея в виду, что современная армия — есть прямое порождение народа, Генеральный штаб охотно делится с печатью всеми сведениями, поддающимися опубликованию, считая, что только этим путем возможна продуктивная борьба с распространенными среди горожан страхами, а среди селян пред-рассудками. Армия у нас будет, она будет национальной и в меру наших сил и возможностей организованной не хуже наших европейских соседей»⁴².

Интервьюируемый, судя по тексту, был явно завышенного мнения и о себе и о своей работе — отсюда широковещательные безапелляционные заявления и неприкрытое самолюбование. Увы, антибольшевистский лагерь породил немало подобных «наполеончиков». Столкновение с реалиями Гражданской войны моментально разрушило их фантастические построения.

Следующая беседа корреспондента со Сливинским состоялась через несколько дней. Предваряя новый материал, журналист отмечал: «Вчера начальник Генерального штаба А.В. Сливинский во время беседы с сотрудниками газет коснулся, главным образом, вопросов о тех формированиях, которые проектируются наряду с созданием армии. В Совете министров, как известно, подробно обсуждался проект образования так наз[ываемой] национальной гвардии. Как видно из беседы, начальник штаба разделяет точку зрения авторов этого проекта с той лишь разницей, что, по его мнению, элементы, способные войти в ряды национальной гвардии, должны пополнить кадры регулярных войск, а не выделены в особые формирования»⁴³.

По поводу опасности большевизма Сливинский заявил: «События привлекли внимание общества к вопросам обеспечения государственного порядка. Спокойствие на Украине, обеспечиваемое наличием дружественной нам силы ⁴⁴, не поколеблется, так как она наших границ не покинет. Большевистская агитация сейчас уже не имеет на Украине того успеха, каким она пользовалась раньше. Но ни то, ни другое, конечно, не исключает возможности выступления в отдельных случаях, что мы на деле и наблюдаем.

Противодействовать этим покушениям необходимо, но для этого необходима соответственная организация; каждый из разнообразных проектов в этой области имеет в виду свои построения, но ставши на путь государственности, нужно быть последовательным: решено иметь армию — следовательно, ее надо формировать, решено ввести воинскую повинность — значит, нужно делать призыв. Иначе, вступая в противоречия с широкими решениями, мы отдалили бы начало спокойной жизни, напряженно ожидаемой всеми» ⁴⁵.

Об армии и других формированиях начальник Генштаба сообщал: «Армия наша достигнет своего нормального состава и качества после полного ее укомплектования призывами, плюс время на их обучение. Интересы же государства требуют обеспечения его безопасности в каждую данную минуту. Поэтому в виде временной меры, впредь до окончания регулярных формирований, чрезвычайно желательно образовать на местах центры обороны и из непризывных элементов, тем более, что потребность этого ясно сознается и самим обществом.

Как бы ни относиться к большевикам как к партии, они как власть в вопросе вооружения народа достигли намеченной цели. Путем жестоких мер, они, поддерживая своеобразную дисциплину, все-таки двигают вперед свои части и даже достигают военных успехов. С этим нужно серьезно считаться, тем более, что январские дни в Киеве и опыт случайных формирований генерального секретариата и Центральной Рады убедили всех в полной непригодности их противостоять даже большевистской военной организации.

Все импровизации в этой области, как показывает опыт, кончаются тем, что во главе частей подобного рода часто появляются люди авантюристического склада, не признающие никакого командования и руководства; за их притязания же расплачивается, в конце концов, незащитное население. Дисциплина всех этих формирований обычно также не достигает уровня, необходимого для решительных и планомерных операций и без которой никакая защита порядка не мыслима.

Нельзя забывать, что вопрос сохранения порядка всегда может стать вопросом военной действительности, вопросом вооруженного столкновения. В бою же людей нужно кормить, нужно питать их патронами, оказывать им врачебную помощь, поддерживать связь для единства действий и управления. Все это требует слаженного и правильно устроенного аппарата. В формирующейся армии он полностью имеется налицо; параллельное создание его для каких-либо новых, особых формирований вызовет только задержку решения задачи и распыление необходимого для государства контингента специалистов» ⁴⁶.

Относительно милитаризации элементов порядка Сливинский отметил: «Эту задачу правильнее, проще и совершеннее разрешить

мобилизацией элементов порядка. Кадры наших войск налицо и представляют собой готовый ⁴⁷ для решения военных задач аппарат, связанный единым управлением в стройную систему и обеспеченный всеми органами снабжения. Для использования этих кадров с целями обороны державы нужно только насытить их живой силой. Это можно сделать и путем добровольной записи при кадрах, и в виде повинности для всего благонадежного элемента, годного и надежного в защите культуры. Распространение этой организации возможно в самых широких размерах на всю интеллигенцию городов и местечек, а также на хлебоборобские круги сельских местностей, так как элементы порядка существуют всюду, а кадры войск разбросаны по Украине широкою сетью.

Сплотив все элементы порядка и лояльности на основе аполитической обороны страны вокруг уже имеющихся кадров, военная власть смогла бы создать силу правильно организованную, грамотно руководимую и потому совершенно реальную. Формирование армии по принципу повинности этим не задержится: оно пойдет своим чередом и, надо думать, пойдет даже успешнее, раз сама идея защиты державы путем организации вооружено-обязанных будет широко популяризирована.

Дон и Финляндия создали свои регулярные силы в самый разгар борьбы с красными, и их формирования оказались очень удачными. Мы находимся в лучших условиях: мы имеем некоторый запас времени и дружественную помощь извне. Остается только этого времени не терять, верить в собственные силы и идти путем не распыления и параллелизма, а путем единства воли, мысли и организации. Намечаемая мною милитаризация интеллигенции и лояльного элемента не нарушит нормального течения жизни, так как вооружено-обязанные в период спокойствия только проходят в назначенное время свое обучение. Мобилизация же их, то есть влитие в ряды, происходит по первому знаку тревоги, поданному соответственным командованием для решения их основной задачи: защиты культуры и порядка от всяких на них покушений.

Могу добавить, что воплощение в жизнь идеи милитаризации элементов порядка — вопрос ближайшего будущего» ⁴⁸.

Как видим, начальник украинского Генштаба погряз в откровенном словоблудии. Не случайно, гетманский период новейшей украинской истории современники именовали опереткой.

Выделим из сказанного рациональное зерно. Начальник Генштаба был против отделения национальной гвардии от регулярных войск, справедливо отмечал невысокую дисциплину такого рода частей и наличие в них авантюристических руководителей. В то же время до окончания формирования регулярных войск, по его мнению, можно было иметь территориальные центры обороны из непризывных «элементов порядка» — лояльных украинскому государству представителей интеллигенции и хлебоборобов. Заслуживает внимания мысль о том, что армия Украине нужна по аналогии с Финляндией и Донской областью для защиты от красных.

Следует отметить, что Сливинский высоко оценивал уровень организации Красной армии, а его мнение на этот счет печаталось даже в советских газетах ⁴⁹.

Не прошло и десяти дней с предыдущей беседы, как Сливинский вновь осчастливил прессу своим интервью в связи с прошедшим совещанием корпусных командиров: «Совещание корпусных командиров, созывавшееся при Главном управлении Генерального штаба и закончившееся только вчера, в вопросе успешного хода формирования сыграет весьма значительную роль. Широкое участие представителей главных управлений в работах совещания сразу придало им характер необходимого взаимодействия при едином общем языке. Прямое и непосредственное сопоставление потребностей с возможностями установило ясную картину тех границ и пределов, в которых работа военного ведомства является отвечающей насущной необходимости для государств»⁵⁰.

О привлечении на службу офицеров Сливинский сообщил: «Вполне естественно, что старшие войсковые начальники в первую очередь выдвинули офицерский и унтер-офицерский вопросы, так как от их удовлетворительного разрешения на три четверти зависит успех формирования. В чем центральные органы могут удовлетворить желанья, идущие с мест — это сделано. Решено расширить доступ к офицерским должностям, весьма ограниченный установлением повышенного образовательного ценза. Что касается материального положения офицеров и, главное, их квартирного размещения, то здесь роль министерства слишком скромна. Благодаря отсутствию высшего военного законодательного органа, каким в России был Военный совет, законопроекты этого рода пока получают общее направление, что обуславливает и известный срок на их прохождение и необходимость особенно энергичного их поддерживания во всех промежуточных инстанциях. Несомненно, со стороны центральных учреждений будет сделано все необходимое и в этом направлении — в частности, увеличение жалованья, уже принятого бюджетной комиссией, а расширение кадров в принципе одобрено уже Советом министров»⁵¹.

Затронул Сливинский и вопрос боевого обеспечения создававшейся армии: «Сложная задача по наложению⁵² службы снабжений, как это выяснилось на совещании, по-видимому, решается благополучно, благодаря заблаговременному испрошению кредитов и огромной энергии, проявленной на местах. Уже во всех корпусах действует заготовительный аппарат и в этом отношении совещание лишь определило норму снабжения и длительность заготовительной кампании, установив необходимость к 15 ноября сосредоточить 4-х месячный запас, а позже обеспечить войско до нового урожая. Вопрос о снабжении войск также разрешается вполне благоприятно, так как представители центральных держав пошли нам на встречу, изъявив согласие на расход из складов до окончания раздела имущества по договору»⁵³.

Существенное внимание привлек вопрос о новом «Уставе о воинской повинности»: «Работы совещания совпали с рассмотрением в Совете министров устава о воинской повинности, что очень облегчило ориентировку представителей высшей военной власти на местах во взглядах и суждениях правительства по этому краеугольному закону в жизни армии, и с особенной яркостью подчеркнуло его многочисленные подробности, удовлетворение которых зависит от того же Совета министров.

Другим, еще более важным совпадением, явилась одновременность работ совещания и начала серьезного обсуждения проблемы

мира на западе. Ставший сам собою на очередь вопрос о защите неприкосновенности Украины был во всем его объеме обсужден при самом тесном сотрудничестве съехавшихся в Киев старых войсковых начальников, что также значительно облегчило работу Генерального штаба, избавив его от длительных сношений, заменившихся личным обменом мнений»⁵⁴.

Наконец, касаясь формирования армии, Сливинский констатировал: «Общий вывод из работ совещания может быть только один. Острая, я бы сказал, необходимость скорейшего создания армии чувствуется всеми. Главное управление Генерального штаба, с первого дня своего существования работавшее в этом направлении, нашло единодушную поддержку в лице представителей высшего украинского командования.

Возможность создания армии доказана успешным ходом формирования Сердюкской дивизии, осмотренной участниками совещания в ее обыденной обстановке. На местах все для формирования готово, и прием новобранцев возможен. Остается только одно — желать от общества как можно больше веры в работу офицерского состава, отдающего все свои силы на создание армии для защиты державы. В этом отношении офицерский состав всеми 4 годами войны и месяцами революции приобрел неотъемлемое право на уважение со стороны государственно-мыслящего элемента. Соответственное же этому отношение к нему широких общественных кругов даст офицерскому корпусу то нравственное удовлетворение, без которого никакая идейная работа не возможна»⁵⁵.

Через несколько дней состоялось следующее интервью, в котором был затронут вопрос о готовности страны к обороне на случай вторжения большевиков. Сливинский прокомментировал этот сюжет так: «Вопрос о политической опасности большевизма не входит в компетенцию Генерального штаба, всецело поглощенного организацией государственной обороны.

С этой точки зрения наша северная граница, безусловно, может быть признана угрожаемой. По вполне ясным соображениям не скажу вам, какими силами располагают большевики, но отмечу, что они вовсе не исчерпываются бандами, которые время от времени просачиваются через нашу границу. У них имеются и регулярные силы, образцово организованные и располагающие неплохим командным составом. Доказательством этому может служить то упорство сопротивления и даже натиск, которые со стороны большевиков встречают иногда даже такие совершенные войсковые объединения как Добровольческая и Донская армии. Именно поэтому я всегда настаивал и настаиваю на том, что борьба за безопасность Украины должна вестись не случайным, а организованным путем, т.е. путем скорейшего организации армии. Со стороны общества часто слышатся нетерпеливые требования немедленно дать силу какую бы то ни было, лишь бы это была сила»⁵⁶.

О том, какая Украине нужна армия, Сливинский сообщил: «Нервность и волнение общества для меня вполне понятны, но нужно помнить, что нельзя бороться против организации кустарными произведениями.

Собрание вооруженных людей без дисциплины — отнюдь не сила, в военном значении этого слова. Дисциплина достигается путем из-

вестного воспитательного процесса, постоянного воздействия, неусыпного контроля. Для осуществления этого нужен целый ряд условий: прежде всего, постоянное командование, обилие кадров и их насыщенность обученным элементом, казарменное расположение и специальная тренировка, не ослабляемая ни на минуту. Призванная в мае этого года молодежь достигнет этого через некоторое время, а сила нужна немедленно, поэтому и был разработан только что ставший законом проект об инструкторских частях и насыщении кадров сведущим составом.

Применение при этом принудительного начала призыва сделано совершенно намеренно: 1) этого требует государственная необходимость, 2) язык приказаний психологически гораздо ближе сердцу воински воспитанного элемента, чем язык воззваний, предполагающий добровольчество. В военных решениях, даже мирного времени, нет места колебаниям. Принятие решений вызывает приказ, указывающий каждому его место и задачи. Исполнение же должно следовать автоматически и немедленно, причем всякое отступление от этого должно быть наказуемо. Такова природа военного дела, все искажения которой во все времена вели к катастрофе.

Создавая инструкторские части при полках, мы достигаем двойной цели: мы усиливаем кадры, чем облегчаем обучение новобранцев и сразу же приобретаем некую силу, вполне годную для решения военной задачи»⁵⁷.

«Нужно помнить, что те условия жизни, которыми сейчас пользуются все устремившиеся на Украину, покоятся на силе, правда, не нашей, но тем хуже для нас, ибо сама жизнь ставится в зависимость от присутствия этой силы. Казалось бы, вывод отсюда простой: нужно все собственные силы и средства вложить в создание армии, которая отсюда никогда и никуда не уйдет, такую же будет только своя национальная армия, построенная на регулярных началах. И, я думаю, что в этом смысле все государственно мыслящие элементы должны определенно идти нам навстречу, ибо момент слишком серьезен, чтобы думать о личном удобстве. Время таково, что самым жизненным лозунгом будет только один: “Все для армии”, ибо если будет армия, все остальное приложится»⁵⁸.

Сливинский призывал к скорейшему созданию регулярной дисциплинированной армии на случай возможной войны. Упомянул он закон об инструкторских частях, которые формировались для усиления кадров и для скорейшего получения боеспособных частей при полках.

Интересно, что в этом интервью он открыто восхищался организацией Добровольческой и Донской армий. По его мнению, они были совершенными. При этом начальник украинского Генштаба удивлялся, как таким армиям могли сопротивляться красные. Как мы знаем сегодня, белые армии были далеко не совершенны, однако наблюдавшему со стороны офицеру старого Генерального штаба понимание этого, видимо, еще не могло прийти даже осенью 1918 года. Красных же Сливинский, очевидно, воспринимал как противника. 31 октября 1918 г. Сливинскому было установлено старшинство в чине с 24 декабря 1915 г., а сам он произведен в полковники.

Наконец, еще одна беседа со Сливинским была опубликована в военной газете «Армия» 10 ноября 1918 г. в связи с чрезвычайными

решениями гетманской власти в области обеспечения безопасности. Сливинский рассказал тогда корреспонденту о положении дел в сфере формирования армии: «С первого дня существования Генерального штаба это чисто воинское учреждение стоит на одном и том же принципе, неизблемость которого прочно установлена историей всех стран и народов: на принципе создания правильно организованной армии. Для достижения этой цели выполнена огромная работа, начиная с создания основного закона о воинской повинности и кончая созданием кадров для формирования армии. Все, что при крайне стесненном положении страны можно было сделать для возможно широкой организации войсковых ячеек, мы делали, события пока не приняли столь резкого и острого хода, каким они отличаются сейчас.

Начавшаяся революция в Австрии, усиление большевистской пропаганды внутри страны, явные признаки усиливающегося разбоя и грабежа, — все это факт такого значения и порядка, что размышлять об их значении и роли нет ни надобности, ни времени. Здесь нужно действовать. И действовать только решительно, не останавливаясь ни перед расходами, ни перед какими-либо затруднениями.

Первое условие такой решительности — концентрация власти, поэтому, когда объявляется военное положение, я говорю, что это только необходимо. Ибо, хотя наша армия сейчас еще находится в стадии формирования, но все ее организационные единицы имеются налицо, все они насыщены офицерским составом, то есть тем самым элементом, на который с надеждой и уверенностью смотрит общество в минуты опасности. Весь вопрос в их насыщении людским материалом. Но эта задача разрешается проще, чем это кажется в первые минуты опасности.

В самом обществе за последнее время крепнет идея вооруженного отпора анархии. Если весь поток людей, готовых отдать свои силы этому святому делу, направится в свои части, задача будет решена. Идти путем особых формирований каждого уезда, каждого города, а то и каждой волости, значит, дробить силы, подвергаясь опасности быть разбитыми по частям. Большевизм опасен не только в каком-нибудь одном уезде или городе, а всюду. Потому и борьба с ним возможна и целесообразна только в государственном масштабе, только путем объединения всех усилий в этом направлении в руках военного командования.

На основании имеющихся у меня донесений я знаю, что в руках военной власти может быть сосредоточено количество офицеров, измеряющееся тысячами. Это вполне обеспечивает и грамотность и силу сопротивления. Должен заметить, что наши кадры, даже в малом своем составе, выдержали испытание: в дни брожения австрийских частей они были широко привлечены к несению охранной службы и несут ее отлично. Осмотр Сердюкской дивизии участниками съезда хлеборобов вам известен. Нельзя ни минуты забывать, что это все достигнуто трудом офицеров и военного командования.

Если бы мы шли путем исключительно офицерских формирований, конечно, мы не имели бы ни этой дивизии, ни кадров войск на местах, совершенно готовых к принятию какого угодно контингента для пополнения их рядов. Мы твердо выдерживаем свою программу, вместе с тем ценя офицерский состав не как волевою силу, как его

рассматривают некоторые круги в минуты острого напряжения опасности, а как командный состав, служащий опорой страны, около которой должны быть сгруппированы все элементы порядка и могут дисциплинироваться аморфные массы населения. Допускать распыление этого ценного элемента недопустимо, и с нашей стороны принимаются все меры для широкого использования офицерского состава по его прямому назначению и ограждению прав тех из них, кто работает над созданием настоящей вооруженной силы.

Если иногда в обществе складывается мнение о недостаточной интенсивности нашей работы, то это не более, как недоразумение, вызванное отчасти тем, что не все в нашей работе поддается оглашению, отчасти же тем, что, прежде, чем мы приобрели право говорить о какой-нибудь своей готовности к сопротивлению, должно было пройти немало времени. Но оно нами потеряно не было. Повторяю, что оно ушло исключительно на подготовку кадра, которая теперь уже закончена. Придут люди и будет армия. Если это будут сырые новобранцы, понадобится время на их обучение и воспитание, если это будут полуобученные или поддающиеся ускоренному обучению контингенты — армия сложится раньше.

Но и в том и в другом случае важно главное: полная мочь специалистам в их работе, ибо эта работа нужна не им самим, а всей стране и всему ее населению. Когда человека берут за горло, он не цитирует преступнику уголовного кодекса, а бьет его тем оружием, какое нашлось при себе. И безопасность страны в смысле большевистском есть именно зажим горла, требующий от предусмотрительных людей запасливости оружия, а оружие государства — его армия.

Из этого не следует, что вся жизнь должна замереть в предвидении черных дней, напротив — жизнь продолжается, но вопросам вооружений должно быть отведено первое место в ряду различных потребностей страны»⁵⁹.

Интервью Сливинского отчетливо показывают, что это был, видимо, склонный к демагогии (во всех интервью не сказано практически ничего) офицер-антибольшевик, причем отнюдь не ориентированный на украинских националистов.

Поражение Германии в первой мировой войне и оставление Украины немецкими оккупационными войсками предопределило падение гетманского режима. Вскоре после капитуляции немцев, 14 ноября, Сливинский встретился с офицерами Генерального штаба и неожиданно заявил им: «Я собрал вас, господа, с единственной целью. Теперь настал момент, когда необходимо говорить откровенно и прямо. Вот уже шесть месяцев, как на Украине идет работа по созданию армии под руководством 200 или 300 офицеров Генерального штаба. За их и вашу работу моральная ответственность ложится на меня. Поэтому я считаю необходимым высказаться.

Настал час возрождения России. В каких формах это совершится — решать не нам, но что оно будет, не подлежит никакому сомнению. И в этом смысле работа Генерального штаба не может быть ни односторонней, ни неопределенной. Каждому из здесь присутствующих совершенно ясно, что только единство воли и действий обеспечит успех в борьбе. А потому я нахожу нужным ясно определить наше отношение к разнородным формированиям на территории быв-

шей России, и я знаю, что оно не может быть никаким, кроме братского. Против большевиков должен быть создан единый фронт, и на этом фронте Украина должна занять подобающее место.

Я прошу вас считать, что вы все работаете в этом смысле и в этом направлении, что ваша работа имеет целью участие наше в процессе возрождения России в тесном контакте со всеми силами, идущими к той же цели, как созданными в России, так и с державами Согласия»⁶⁰. Последовавший обмен мнениями выяснил полное единство взглядов на этот вопрос у офицеров-генштабистов.

Итак, речь шла о возрождении России, а не Украины и о едином антибольшевистском фронте. В одном из выступлений Сливинский даже заявил, что пора скинуть маску и провозгласить федерацию⁶¹. Участвовал он и в подготовке федеративной грамоты гетмана Скоропадского 14 ноября 1918 г., в которой говорилось о будущей Украине как автономии в составе федеративной России, освобожденной от большевиков.

Откровенное пророссийское заявление начальника Генштаба было, судя по всему, воспринято в украинских кругах неоднозначно. Уже в следующем номере газета напечатала разъяснение, производившее впечатление самооправдания: «В связи с появившимися в печати сведениями о собрании офицеров Генерального штаба и речью полк. А.В. Сливинского наш сотрудник получил сегодня из вполне осведомленного источника следующие дополнительные сведения.

Собрание было созвано ввиду сознававшейся необходимости установить точно и ясно свое отношение к вопросу борьбы с большевизмом, о чем до сих пор в виду официального пребывания в Киеве представителей Советской республики не могло быть речи. С их отъездом вопрос о признании необходимости единого фронта против большевистской опасности возник сам собою, и речь начальника Генерального штаба в этом смысле явилась лишь принципиальным утверждением этой необходимости.

К сожалению, благодаря некоторым неточностям передачи, самый факт произнесения этой речи принял характер, которого он в сущности совсем не имеет. Так, например, вопрос объединения России был затронут только как принцип и как военная возможность с целью уничтожения большевистской власти, и отнюдь не предрешая вопроса о той или иной его политической форме. Равным образом вовсе не затрагивался вопрос о форме объединения фронта, так как для этого пока нет необходимых конкретных данных, а было лишь установлено принципиальное отношение к такому объединению, очевидная необходимость которого не возбуждает сомнений.

Равным образом вовсе не упоминалось о каких-либо лицах или мероприятиях для осуществления признанного необходимым единства»⁶².

Таким образом, газета отметила, что идея создания единого фронта против большевиков, о которой заявил Сливинский, не предрешала будущих форм государственного устройства России и не предполагала конкретики, а являлась лишь намерением.

17 ноября 1918 г. Сливинский оставил должность начальника Генерального штаба. Возможно, причиной стала его слишком пророссийская позиция. В прощальном приказе № 198-а он отмечал: «17

сего ноября я сдал должность начальника Генерального штаба, на которой состоял более 8 месяцев. Только горячая любовь к Родине и вера в ее скорое возрождение руководили мною, уверен, как и всеми вами, мои сослуживцы и помощники, в нашей тяжелой и ответственной работе.

Единый лозунг вдохновлял нас — это скорейшее создание мощной армии, столь необходимой для спасения нашей Родины, армии, построенной на научных и исторических началах.

Работа наша не была безуспешна: в период величайшей разрухи нам удалось спасти, устроить и подготовить кадры более чем 60 полков старой русской армии с органами военного управления, со всеми специальными и вспомогательными частями. Работа по созданию армии в течение ближайшего времени должна завершиться.

Столь грандиозный труд мог быть исполнен лишь при полном напряжении Ваших сил, при дружной и самоотверженной Вашей работе. Не дождавшись счастливой минуты завершения нашей работы, я ухожу со своего поста с чистым сердцем и сознанием исполненного перед великой нашей Родиной долга и прошу Вас, мои сослуживцы и помощники, от лица службы и моего, принять искреннюю и глубокую благодарность за Вашу постоянную помощь и доверие.

Грущу, что расставаясь с Вами, не имею возможности видеть всех Вас и благодарно пожать Ваши руки.

Дай Бог Вам успешно продолжать работу по созданию армии. Родина ждет этого от Вас»⁶³.

Этот документ интересен хотя бы тем, что в нем ни разу не упомянуто слово «Украина». Кроме того, приказ был написан на русском языке и только заголовок на украинском. От должности Сливинский был уволен с назначением в распоряжение военного министра и с зачислением по Генштабу. Новым начальником Генштаба стал губернский староста Киевщины генеральный хорунжий П.М. Адрианов⁶⁴.

В конце 1918 г. Сливинского взял к себе генералом для поручений его прежний командир граф Келлер, руководивший добровольческими формированиями в Киеве⁶⁵.

Интересно, что в канун крушения гетманской власти, 24 ноября 1918 г., Сливинский и Вишневецкая обвенчались в домово́й церкви 2-й киевской мужской гимназии в присутствии графа Келлера. Сливинский усыновил ребенка супруги от первого брака.

Венчанию предшествовал следующий показательный диалог.

Сливинский: «И что вы предполагаете теперь делать? Ведь на днях здесь будут петлюровцы, и в лучшем случае всем удастся бежать».

Вишневецкая: «Я выйду за вас раньше замуж».

Сливинский: «А что если теперь я этого не захочу? Ведь сейчас ни положения, ни средств иметь я не буду».

Вишневецкая: «В этом случае мы совсем в одинаковом положении»⁶⁶.

Родственник супруги Сливинского, офицер Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка Ю.К. Мейер, вспоминал: «Гетман Скоропадский делал попытки создать собственные украинские воинские части. Начальником Генерального штаба при нем был полков-

ник Ген. штаба Александр Владимирович Сливинский, бывший начальник штаба дивизии, которой командовал граф Келлер. Сливинский незадолго до нашего приезда женился на моей тетке Марии Андреевне, у которой мы жили. Создание гетманской армии ни к чему не привело, так как после ухода немцев в декабре 1918 года эти части не смогли оказать серьезного сопротивления партизанским отрядам Симона Петлюры»⁶⁷. Интересно, что, по свидетельству Мейера, «под самый конец правления гетмана Келлер в сопровождении своего адъютанта полковника Пантелеева приехал в Киев и жил у Сливинских на Левашевской улице, где в то время жили и мы. При приходе украинцев Келлер и Пантелеев переселились в другое место»⁶⁸. По словам супруги Сливинского вообще их квартира была местом встреч антибольшевистски настроенных офицеров, а с переездом в начале декабря Келлера «превратилась в какой-то штаб: с раннего утра приходил народ, телефон не переставал работать»⁶⁹. Сам Сливинский вскоре нашел убежище в семье знакомой С.Ф. Русовой, а далее «часто перебегал от одних друзей к другим и при первом удобном случае вообще должен был покинуть Киев», причем даже супруга не знала, где именно он находился⁷⁰.

В декабре 1918 г., после крушения гетманской власти, Сливинский по охваченной Гражданской войной Украине с театральной труппой перебрался в Одессу. Затем туда же уехала его супруга, по свидетельству которой, удалось устроиться у знакомых «в большой хорошей комнате; обедали все вместе в большой кутящей компании, по вечерам развлекались в театрах, кинематографах; устраивали чаи, ходили на концерты»⁷¹. С переходом Одессы под власть большевиков весной 1919 г. Сливинские перешли на нелегальное положение, раздобыв чужие паспорта⁷². Впрочем, в дальнейшем пришлось легализоваться. Как вспоминала супруга Сливинского, «через печать вызывались отдельные лица в особую военную комиссию, якобы для регистрации и назначений на места. Одним из первых был вызван генерал Рогоза, бывший военный министр при гетмане, но вместо назначения он был посажен в тюрьму, а затем расстрелян. Все офицеры Генерального штаба были вызваны отдельно в три срока. Ни в один из них А.В. [Сливинский] не пошел, тогда его вызвали персонально, напечатав в официальной газете, что в трехдневный срок он должен явиться, т.к. такие способные офицеры в настоящее время крайне нужны, и его ожидает большое назначение, за неявку же грозят ему заслуженные последствия. Прочитали, подумали и пошли регистрироваться. Почти всюду ходили вместе и были очень хорошо приняты. Сразу же предоставили нам возможность получить из банка собственные деньги... Выдали нам также крупный аванс и литературу для поездки в Киев, куда назначили Ал[ександра] Вл[адимирови]ча в распоряжение штаба, где он якобы должен был получить видное место»⁷³.

И действительно, летом 1919 г. Сливинский был зарегистрирован красными в Одессе как генштабист и вызывался в резерв штаба наркомата по военным делам Украинской ССР⁷⁴. Впрочем, службы у красных он постарался избежать. Уже на вокзале Сливинские вошли в вагон, но перед самым отходом поезда соскочили и бежали. Пешком дошли вдоль побережья до колонии Люстдорф, затем возвратились в Одессу. После нескольких дней временного проживания у

знакомых решили спрятать Сливинского в доме умалишенных в двух верстах от города. Супруга Сливинского значилась по разным документам в трех местах, причем даже сотрудничала с разведывательной организацией «Азбука», работавшей в пользу белых. В работу был вовлечен и сам Сливинский, разрабатывавший планы операций. В итоге они дождались взятия Одессы белыми. При них Сливинский стал печатать в газетах военные обзоры и этим неплохо зарабатывал на жизнь и даже смог, благодаря заработкам, получить по реквизиции большую комнату в центре. При этом пасынок Сливинского служил у белых. Жизнь Сливинских в Одессе была в целом спокойной. Сливинская вспоминала: «Жилось нам в Одессе при добровольцах хорошо. Зарботков Ал[ександра] Вл[адимировича] нам хватало на нашу скромную жизнь с избытком, так что даже откладывали. Всегда были в курсе политических дел и военных действий нашей Добровольческой армии, которая победоносно шла на Орел»⁷⁵. Сливинские даже вновь побывали в Киеве, разыскивая родственников. Тогда Сливинский перенес тяжелейший сыпной тиф и едва не умер, причем в горячке кричал, что ему нужно спасти офицерство⁷⁶. Затем Сливинские эвакуировались из Одессы в Севастополь.

В качестве курьеза следует отметить, что вплоть до июля 1919 г. Сливинский значился как канцелярист 3-го ранга в военном министерстве Украинской народной республики, причем, когда военным министром стал полковник В.Н. Петров, он неудачно пытался реабилитировать Сливинского перед петлюровским руководством как начальника Генштаба при гетмане⁷⁷.

В конце 1919 — начале 1920 г. Сливинские эвакуировались из Севастополя на корабле «Великий князь Александр Михайлович». В устройстве личных дел пригодилось знакомство Сливинского с Врангелем. По данным на май 1920 г. они находились в Югославии. Затем Сливинский получил назначение от Врангеля для связи в Польшу. Отправился он туда вместе с супругой, но в Каменце-Подольском застал отступавших поляков и возвратился в Белград⁷⁸.

После этого Сливинский получил от Врангеля вызов в Крым, куда прибыл с супругой за несколько дней до эвакуации белых. Осенью 1920 г. он вновь эвакуировался из Севастополя на пароходе «Сегед» как прикомандированный к отделу генерал-квартирмейстера штаба Русской армии, вместе с ним ехали еще два человека⁷⁹. Характерно, что в 1921 и 1923 гг. Сливинский испрашивал у штаба Врангеля денежную компенсацию за вызов его в 1920 г. в Крым⁸⁰.

В эмиграции Сливинский поселился в Сербии, в Приеполе, работал инженером-строителем. Уже в первые годы эмиграции он, позабыв бывшее увлечение украинством, вступил в общество русских офицеров Генерального штаба⁸¹. Впрочем, к 1925 г. Сливинский значился среди тех, кто утратил связь с обществом. В ноябре 1926 г., однако, он нашелся и восстановился в обществе, из которого был за утратой связи исключен. Для этого пришлось внести 20 динар⁸².

Жизнь в изгнании, очевидно, пробудила ностальгию по прежней службе, причем в русской армии. Сливинский занялся военно-историческими исследованиями. В 1921 г. в Сербии он издал брошюру

«Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8/21 августа 1914 года у д. Ярославлице». Мотив, двигавший автором, изложен в самом начале книги: «Глубокая признательность и светлая память о незабвенном моем боевом учителе генерале от кавалерии графе Фёдоре Артуровиче Келлере и о славных полках 10-й кавалерийской дивизии (новгородские драгуны, одесские уланы, ингерманландские гусары, оренбургские казаки и донские батареи), с которыми я провел почти три года Великой войны и с которыми делил лишения, опасности и славу, заставили меня написать свои воспоминания об одном из блестящих дней их боевой жизни.

Пусть современники и потомки ведают об их подвигах недавнего прошлого»⁸³. Здесь очевидно влияние пушкинских строк из «Бориса Годунова» — «Да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу».

В этой небольшой работе Сливинский провел глубокое научное исследование конного боя, а также изложил собственные впечатления в качестве его участника. Помимо аналитической части брошюра содержала схемы и боевые расписания. Из этой работы мы можем несколько лучше представить взгляды самого автора на различные вопросы. Среди прочего он отмечал, что «бой, прежде всего, есть человеческая драма, в которой психика достигает величайшего напряжения, где она могуче борется со сковывающими и регулируемыми ее формами и формулами, разорвав которые, дух побеждает чисто математически точные расчеты материи»⁸⁴. При этом итоговые рассуждения автора о характере будущих войн достаточно интересны. Важный вопрос, который его волновал, касался возможности использования конницы в войнах будущего. Опыт Гражданской войны показал, что ее широкое применение вполне возможно, на вопрос о том, будет ли у конницы подобная возможность в дальнейшем, Сливинский однозначного ответа не дал⁸⁵.

В эмиграции Сливинскому пришлось сменить профессию. Есть данные о том, что он занимался подрядями по проведению шоссе в Боснии⁸⁶. В 1925 г. переехал в Германию, почему, видимо, утратил связь с товарищами по обществу офицеров Генштаба. В 1951 г. он перебрался в традиционную для украинской эмиграции Канаду и умер в Монреале 21 декабря 1953 года.

Современники характеризовали Сливинского как рассудительного человека, оказавшегося на трудном, с точки зрения отстаивания русских интересов, посту. Его биография демонстрирует непростой жизненный путь русского по духу, языку и культуре офицера, временно связавшего свою жизнь и карьеру с украинской идеей, но так и не прибывшего к украинскому национальному движению. Сливинский, несомненно, хотел играть роль, мечтал о наполеоновских лаврах, что было распространено среди молодых офицеров эпохи Гражданской войны. На своем посту он поддерживал белых. Как и у ряда других деятелей гетманской эпохи, взгляды Сливинского отличались противоречивостью, неустойчивостью и сочетали в себе как русский патриотизм и антибольшевизм, так и определенные проукраинские симпатии. С падением гетманского режима Сливинский завершил и украинский эпизод своей карьеры, так и оставшийся эпизодом.

Примечания

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

1. Центральный военный архив Польши им. майора Болеслава Валигоры. 1.380.2.230, л. 239.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 409, оп. 3, д. 8500, л. 1об.
3. Там же.
4. Явная ошибка мемуариста — в академию можно было поступать через три года службы в офицерских чинах, то есть после окончания военного училища, а не кадетского корпуса.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-5881, оп. 2, д. 606, л. 16–17.
6. Высочайший приказ от 10 ноября 1915 г.
7. Высочайший приказ от 30 декабря 1915 г.
8. СЛИВИНСКИЙ А.В. Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8/21 августа 1914 года у д. Ярославце. Сербия. 1921, с. 49.
9. СЛИВИНСКАЯ М.А. Мои воспоминания. В кн.: «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб. 2013, с. 89.
10. ГА РФ, ф. Р-336, оп. 1, д. 398.
11. SKRUKWA G. Formacje Wojskowe Ukraińskiej «Rewolucji Narodowej» 1914–1921. Тогуń. 2008. s. 162–163.
12. РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1269, л. 300–301; д. 1313, л. 51–52.
13. Там же, д. 1257, л. 50.
14. СЛИВИНСКАЯ М.А. Ук. соч., с. 78.
15. Там же, с. 81.
16. ГОЛУБКО В. Армія Української народної республіки 1917–1918. Утворення та боротьба за державу. Кальварія-Львів. 1997, с. 195.
17. СІДАК В.С. Національні спецслужби в період Українсько революції 1917–1921 рр. (невідомі сторінки історії). К. 1998, с. 68.
18. Смысл не вполне ясен, так как Сливинский и был начальником Генштаба.
19. Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов). М. 1936, с. 116.
20. СКОРОПАДСЬКИЙ П.П. Спогади. К.-Філадельфія. 1995, с. 157.
21. Ведомственный архив Службы безопасности Украины, ф. 6, д. 67093-ФП, т. 54, л. 22.
22. Правильно — подполковник.
23. СКОРОПАДСЬКИЙ П.П. Ук. соч., с. 181–182.
24. Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. Сб. документов. М. 2014, с. 85, 115, 121.
25. Там же, с. 451.
26. Там же, с. 479.
27. Этот пост занимал сам мемуарист.
28. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦДАВОУ), ф. 4547, оп. 1, д. 1, л. 93–94. Опубликовано в: Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе, с. 677.
29. Красный хоровод: Повести, рассказы. М. 2008, с. 148.
30. ЦДАВОУ, ф. 4547, оп. 1, д. 1, л. 96, 99; Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе, с. 678–679.
31. ТЕРАСПОЛЬСКИЙ К. Организация украинской армии. — Известия народного комиссариата по военным делам. № 81, 04.08.1918, с. 3.
32. ОМЕЛЯНОВИЧ-ПАВЛЕНКО М. Спогади командарма (1917–1920). К. 2007, с. 90. Перевод наш.
33. ПЕТРИВ В. Військово-історичні праці. Спомини. К. 2002, с. 363, 570. Перевод наш.
34. ГРЕКОВ А.П. Переговоры украинской Директории с французским командованием в Одессе в 1919 году (1918 и 1919 гг. на Украине). З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ (Ки в). 2004, № 1/2 (22/23), с. 143.
35. ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 606, л. 17.
36. Тогда подполковник.

37. Мумм фон Шварценштейн Филипп Альфонс (1857—1924) — барон, германский посол на Украине.
38. СВЕЧИН М.А. Записки старого генерала о былом. Ницца. 1964, с. 176—179.
39. ВРАНГЕЛЬ П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Ч. 1. М. 1992, с. 98—99.
40. Армия. Ежедневная военно-морская газета (Киев). № 3, 07.11.1918, с. 3.
41. ГА РФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 43, л. 105об.
42. Украинская армия (беседа с начальником Генерального штаба). — Последние новости (Киев). № 5224, 05.10 (22.09).1918, с. 3—4.
43. Беседа с начальником Генерального штаба. — Там же. № 5232, 10.10 (27.09).1918, с. 3.
44. Речь идет о немецком военном присутствии.
45. Беседа с начальником Генерального штаба, с. 3.
46. Там же.
47. В тексте несогласованно — готовность.
48. Беседа с начальником Генерального штаба, с. 3.
49. Военное дело (Москва). № 21, 25.10.1918, с. 24.
50. Беседа с начальником Генерального штаба, с. 2.
51. Там же.
52. Так в тексте.
53. Беседа с начальником Генерального штаба, с. 2.
54. Там же.
55. Там же.
56. Там же, с. 3.
57. Там же.
58. Там же.
59. Беседа с начальником Генерального штаба. — Армия. № 6, 10.11.1918, с. 1—2.
60. В Генеральном штабе. — Там же. № 10, 15.11.1918, с. 1.
61. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦДАГОУ), ф. 269, оп. 2, д. 128, л. 49.
62. В Генеральном штабе. № 11, 16.11.1918, с. 3.
63. ЦДАГОУ, ф. 269, оп. 2, д. 267, л. 1.
64. Там же, ф. 1077, оп. 1, д. 1, л. 215.
65. СЛИВИНСКАЯ М.А. Ук. соч., с. 88.
66. Там же, с. 89.
67. МЕЙЕР Ю.К. Записки последнего кирасира. Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. 6. М. 1995, с. 614.
68. Там же, с. 618.
69. СЛИВИНСКАЯ М.А. Ук. соч., с. 89.
70. Там же, с. 91.
71. Там же, с. 94, 96.
72. Там же, с. 97.
73. Там же, с. 98—99.
74. Российский государственный военный архив, ф. 6, оп. 4, д. 918, л. 297; д. 921, л. 64об.
75. СЛИВИНСКАЯ М.А. Ук. соч., с. 105.
76. Там же, с. 111.
77. Процесс генерала Мирона Тарнавського в 1919 р. Вінніпег. 1976, с. 19.
78. СЛИВИНСКАЯ М.А. Ук. соч., с. 119.
79. ГА РФ, ф. Р-5982, оп. 1, д. 52, л. 50.
80. Там же, ф. Р-7518, оп. 1, д. 7, л. 1.
81. Там же, ф. Р-5945, оп. 1, д. 3, л. 71.
82. Там же, д. 14, л. 31, 45.
83. СЛИВИНСКИЙ А.В. Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8/21 августа 1914 года у д. Ярославлице. Сербия. 1921, с. 3.
84. Там же, с. 28.
85. Там же, с. 54.
86. Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры, Колумбийский университет. V.M. Pronin collection.

Семья и брак накануне и в годы Великой Отечественной войны

Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина

Аннотация. Статья посвящена эволюции брака и семьи накануне и во время Великой Отечественной войны. Авторы анализируют советскую семейную политику в предвоенное и военные годы, особенно меры по охране материнства и детства, борьбу с детской беспризорностью в 1941–1945 гг. Главное внимание уделено изменениям в количестве браков, динамике рождаемости и детской смертности, численности разводов и аборт. На основе широкого комплекса источников, в первую очередь, статистических данных, сделаны выводы о том, что под влиянием различных обстоятельств менялись форма и структура семьи, но она сохранялась как социальный институт.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, брак, семья, развод, советское общество.

Abstract. The article studies the evolution of the family and marriage before and during the Great Patriotic War. The authors analyze the Soviet family policy in the prewar and war years, focusing particularly on the steps towards the protection of motherhood and childhood, as well as the struggle against child homelessness in 1941–1945. The main attention is paid on the changes in the number of marriages, the fertility dynamics, the infant mortality rates and the number of divorces and abortions. Basing on a wide range of sources, firstly on the statistical data, the authors draw a conclusion, that the forms and structure of family changed under the influence of various circumstances, but it continued to be a social institution.

Key words: Great Patriotic War, marriage, family, divorce, Soviet society.

Советская эпоха оказала значительное воздействие на развитие брачно-семейных отношений. Существенную роль в этом сыграла политика руководства страны. Она прошла в своем развитии ряд этапов: от либерализации брачно-семейных отношений в первые годы — к их стабилизации в последующие десятилетия. Стремясь расстаться как можно скорее с ненавистным царским прошлым, советское правительство повело решительную борьбу за разрушение основ старого общества, к которым первоначально была отнесена и семья. После революции 1917 г. в России были отменены все социальные, религи-

Кринко Евгений Фёдорович — доктор исторических наук, заместитель директора; *Хлынина Татьяна Павловна* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории истории и этнографии. Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. Ростов-на-Дону.

озные, национальные, расовые ограничения, связанные с заключением брака, установлена моногамия, провозглашено полное равенство личных и имущественных прав мужа и жены. Церковь вытеснялась из этой сферы: церковный брак не запрещался, но юридические последствия признавались только за гражданским браком, регистрировавшимся в загсе. Была также введена свобода разводов. Дети, рожденные в браке и вне его, уравнивались в правах ¹.

В 1918 г. был принят специальный Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Он закрепил нормы первых декретов советской власти, конкретизировав и уточнив ряд положений ². В русле либеральных тенденций лежало и принятое в 1920 г. специальное постановление наркоматов здравоохранения и юстиции РСФСР, разрешавшее искусственное прерывание беременности в медицинских учреждениях — первое в мире официальное решение, легализовавшее аборт. Новый Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР в 1926 г. официально приравнивал фактическое сожительство к зарегистрированному браку, а внебрачных детей — к рожденным в браке. Основой брака считалась взаимная симпатия супругов, а сама регистрация перестала быть обязательной. Запрещались калым и многоженство, ранние и принудительные браки. Устанавливалась общность супружеского имущества. Упростилась процедура развода: судья единолично расторгал брак при наличии желания одного из супругов (второму лишь сообщалось о факте развода, его присутствие при разводе было необязательным), а при обоюдном согласии брак можно было расторгнуть в загсе ³.

Кардинальным поворотом к укреплению семьи оказалось принятое в 1936 г. постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». По нему были увеличены размеры государственного пособия на обзаведение необходимыми предметами ухода за новорожденным и пособия матери на кормление ребенка. Многодетным матерям, имевшим 6 детей, при рождении каждого следующего ребенка выплачивалось государственное пособие в размере 2 тыс. руб. ежегодно в течение пяти лет. Матерям, имевшим 10 детей, выплачивалось единовременное государственное пособие при рождении каждого следующего ребенка в 5 тыс. руб., а со второго года — ежегодное пособие в 3 тыс. руб. в течение четырех лет. Усложнялась процедура развода: требовалось личное присутствие обоих супругов, в паспортах ставилась специальная отметка, взималась пошлина, а на содержание детей после развода взыскивались алименты.

Ужесточение государственного контроля над семейной жизнью отразил фактический запрет абортов, допускавшихся только в больницах и родильных домах по медицинским показаниям. Разрешение на них давала специальная комиссия из трех врачей. За незаконные аборт как уголовное преступление вводилось наказание в виде тюремного заключения (от 1 до 2 лет — врачу при совершении аборта в больницах, не менее 3 лет — при его проведении в антисанитарных условиях или лицом, не имевшим специального медицинского обра-

зования). Наказанием для самой беременной женщины в первый раз служило общественное порицание, при повторном нарушении — штраф до 300 рублей ⁴. В ноябре 1936 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) перечень медицинских показаний при аборте был ограничен наследственными заболеваниями или случаями, когда беременность для женщины представляла смертельную угрозу ⁵.

Поворот в советской семейной политике хорошо вписывался в общую стратегию модернизации страны, сочетавшую ломку патриархальных устоев и создание новой социально-экономической системы путем ускоренной индустриализации с отказом от ценностей прошлой эпохи. Свою роль играли и внешнеполитические обстоятельства: в условиях нарастания угрозы новой мировой войны советское руководство сделало ставку на крепкую семью с большим количеством детей, как на основную ячейку общества.

Курс на стабильность в семейных отношениях нашел поддержку у значительной части советского общества. В начале 1940-х гг. семейные ценности оставались значимыми для большинства советских граждан. Всего в СССР к 1941 г. насчитывалось 42,7 млн семей, в которых проживало 89,4% населения страны. В РСФСР по переписи населения 1939 г. с семьями проживали 83,2% горожан и 91,9% жителей сел. В то же время тип и форма семьи, ее состав и структура существенно менялись. К началу Великой Отечественной войны в стране преобладали простые (двухпоколенные) семьи из супругов и детей, состоявшие из 2—4 чел. в городах и 3—5 чел. в селах. Сократилось количество совместно проживавших родственников и детей, вследствие постепенного снижения рождаемости и все еще остававшейся достаточно высокой, хоть и постепенно снижавшейся на протяжении всего предвоенного периода, детской смертности. В 1939 г. семья состояла в среднем из 4 человек. Постепенно сокращалось количество крупных семей, в которых насчитывалось 5 чел. и более — в 1939 г. они составляли 35%. Многодетные семьи сохранялись в основном в сельской местности ⁶.

Постепенно уходили в прошлое прежние брачно-семейные традиции, молодые люди отказывались от сватовства, торжественной свадьбы и других обрядов. Значительные изменения произошли в семейной иерархии, распределении статусов и ролей внутри семьи. Развитие женского образования и вовлечение женщин в производство способствовали повышению их самостоятельности, росту потребностей, изменению положения в семье. Именно работавшие женщины, приобретавшие собственные источники дохода, профессиональные и общественно-политические статусы, нередко становились инициаторами разводов ⁷. Но, как правило, за женщинами сохранились и домашние обязанности, вследствие чего на них «легло двойное бремя: полная рабочая неделя и безвозмездная домашняя работа» ⁸. В наибольшей степени влияние религиозных и этнических традиций продолжало сказываться на селе, особенно у народов Средней Азии, Кавказа и Сибири.

Зигзаги советской семейной политики 1920—1930-х гг. отразились в динамике разводов. До революции 1917 г. их в России было крайне немного. В 1897 г. на 1000 браков среди православного населения Российской империи приходилось всего 0,06, а в 1913 г. — 0,15 разводов. После революции количество разводов стало быстро расти. В 1926—1927 гг. расторгалось уже 11 из 1000 браков в европейской

части СССР. Однако в 1938—1939 гг. количество разводов сократилось более чем в два раза — до 4,8 на 1000 браков ⁹.

К началу Великой Отечественной войны в СССР уделялось мало внимания вопросам социальной защиты материнства и детства. Была создана широкая сеть женских консультаций, родильных домов, детских домов, интернатов и других детских учреждений. К середине 1930-х гг. было объявлено о том, что в стране ликвидирована массовая детская беспризорность. Принятые еще в 1920-е гг. решения ограничивали использование женщин на тяжелых работах. Важным достижением советского государства в социальной сфере стало создание бесплатной системы медицинского обслуживания населения. Ее возможности позволяли оказывать медицинскую помощь женщинам при родах в городах на 100%, в селах — на 75—80 ¹⁰.

В годы Великой Отечественной войны в условиях крайней ограниченности материальных ресурсов и снижения общего уровня потребления важнейшим направлением социальной политики в СССР стала поддержка семей фронтовиков. 26 июня 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». Семьи военнослужащих получали ежемесячные пособия при наличии одного нетрудоспособного в размере 100 руб., двух — 150 руб., трех и более — 200 рублей. Если в семье имелись три и более нетрудоспособных при одном трудоспособном, пособия выдавались в размере 180 руб. в месяц в городе, 50 руб. — в сельской местности. При наличии в семье двух детей, не достигших 6-летнего возраста, при одном трудоспособном пособия выплачивались в размере 100 руб. в месяц в городе и 50 руб. — в сельской местности ¹¹. Были повышены размеры пенсий семьям, потерявшим кормильца, дополнительные денежные выплаты производились семьям лиц, награжденных орденами и работавших до призыва рабочими и служащими.

Семьям военнослужащих действующей армии были предоставлены также различные льготы: по налогам, обязательным поставкам сельскохозяйственной продукции, жилищные и др. Постановлением СНК СССР от 2 июля 1941 г. дети рядового и младшего начальствующего состава Красной армии и Военно-морского флота освобождались от платы за обучение в 8—10 классах средней школы, техникумах и вузах ¹². 5 августа 1941 г. СНК СССР принял постановление «О сохранении жилой площади за военнослужащими и о порядке оплаты жилой площади семьям военнослужащих в военное время». Военнослужащие не оплачивали занимаемую площадь, а члены их семей вносили квартплату и коммунальные платежи по льготным ставкам. Все иски к лицам, призванным в Вооруженные силы и членам их семей по жилищным делам, а также исполнение судебных решений приостанавливались до конца войны. В случаях, когда жилищная площадь военнослужащего оставалась незаселенной, квартирная плата не взималась. За семьями призванных в Вооруженные силы СССР педагогов, медицинского и ветеринарного персонала, работавших в сельских районах, сохранялось на время войны право на бесплатное пользование не только квартирами, но и отоплением, освещением. Временные жильцы были обязаны по возвращении военнослужащего немедленно освободить жилплощадь ¹³. Постановление СНК СССР

от 4 июня 1943 г. утвердило дополнительные льготы для семей военнослужащих, погибших и без вести пропавших на фронтах. В декабре 1944 г. от оплаты за обучение в вузе были освобождены дети офицеров-инвалидов войны и офицеров, погибших, пропавших без вести, умерших от ран и заболеваний, полученных на фронте, иждивенцы рядового и младшего командного состава. В случае гибели военнослужащего на фронте за его семьей сохранялись все предоставленные льготы.

Напротив, семьи «неблагонадежных» граждан лишались права на дополнительное социальное обеспечение. В первую очередь, к ним относились семьи военнопленных, лишившиеся льгот на основании приказа Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 года. По приказу наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г., объявлявшего изменниками командиров и политработников, отступивших с боевых позиций без приказа, их семьи подверглись репрессиям. По Постановлению ГКО № 1926сс от 24 июня 1942 г. аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на пять лет подлежали семьи лиц, перешедших на сторону противника, служивших в его карательных или административных органах, оказывавших содействие немецким оккупантам или добровольно ушедших с ними при освобождении захваченной территории. К членам семей изменников Родины относились отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно или находились на их иждивении к моменту совершения преступления или к моменту мобилизации в армию в связи с началом войны. От ареста и ссылки спасало наличие в таких семьях военнослужащих Красной армии, партизан и лиц, награжденных орденами и медалями СССР¹⁴.

На бездетных холостяков, одиноких и малосемейных граждан был введен специальный налог. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. не имевшие детей мужчины 20—50 лет и замужние женщины 20—45 лет должны были отчислять государству 6% с зарплаты более 91 руб. в месяц (с заработка менее 70 руб. налог не взимался). Освобождались от налога лица, не имевшие возможности завести ребенка по состоянию здоровья, родители, дети которых погибли, умерли или пропали без вести на фронте. Льготы существовали для учащихся средних специальных и высших заведений (до 25 лет), для Героев Советского Союза, полных кавалеров ордена Славы, военнослужащих и членов их семей и т.д.

Острой проблемой советского общества в годы войны стала детская беспризорность. 23 января 1943 г. было принято постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», возлагавшее на местные власти решение указанных вопросов. 8 сентября 1943 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усыновлении», упорядочивавший данную процедуру. На усыновление дети передавались только в случае, если гибель их родителей была установлена, при этом по желанию усыновителей они могли быть записаны в качестве родных родителей ребенка. Усыновление детей, оставшихся без родителей, в годы войны приняло широкий размах, многие семьи взяли на воспитание сразу по несколько детей.

Серьезным изменением в советской семейной политике стал принятый на завершающем этапе войны — 8 июля 1944 г. — Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной

помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и утверждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». Указ значительно расширил круг матерей, получавших государственные пособия по многодетности, повысил его размеры, ввел дополнительные льготы для беременных женщин и женщин, имевших детей, установил пособие одиноким матерям на содержание и воспитание детей. Единовременное пособие по многодетности составляло от 400 руб. на третьего, до 5 тыс. руб. на одиннадцатого и каждого следующего ребенка. Ежемесячное пособие от 80 до 300 руб. в зависимости от количества детей, устанавливалось матерям при рождении четвертого и следующих детей и выплачивалось со второго года жизни ребенка до пяти лет. Дети, рожденные многодетной матерью, учитывались независимо от регистрации брака, их возраста и совместного проживания с матерью или содержания в детских учреждениях. Одиноким матерям выплачивалось государственное пособие от 100 до 200 руб. до достижения ребенком восьми лет. Предусматривалось увеличение количества домов матери и ребенка, специальных домов отдыха для беременных женщин и кормящих матерей, детских садов, яслей и других учреждений.

В то же время указ закрепил права и обязанности супругов только в зарегистрированном браке, отменив прежнее равенство фактического и юридического браков. Не состоявшей в зарегистрированном браке женщине запрещалось устанавливать отцовство и требовать алименты с фактического отца. В паспорте появилась специальная отметка о семейном положении, одновременно усложнялась процедура развода, ставшая многоступенчатой — через суды различного уровня, дорогостоящей — пошлина составляла от 500 до 2000 руб. и публичной — объявления о разводе печатались в местных газетах ¹⁵.

Последним решением военного времени, касавшимся вопросов материнства и детства, стал принятый 18 января 1945 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об освобождении от наказания осужденных беременных женщин и женщин, имеющих детей дошкольного возраста». От дальнейшего отбывания наказания освобождались осужденные беременные женщины и женщины, имевшие при себе детей дошкольного возраста в местах заключения, а также осужденные женщины, имевшие в семье детей дошкольного возраста, при условии отбытия половины срока наказания. Указ не распространялся на женщин, осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм, убийства по закону от 7 августа 1932 г. и рецидивисток ¹⁶.

В развитии брачно-семейных отношений с началом Великой Отечественной войны проявились новые тенденции. Вследствие массовых мобилизаций и добровольного ухода на фронт мужчин сократилось общее количество заключаемых браков, особенно в сельской местности. В предвоенном 1940 г. органы загса регистрировали 1082 тыс. браков: 538 тыс. (49,7%) в городах и 544 тыс. (50,3%) в сельской местности. В 1941 г. было зарегистрировано 609 тыс. браков, большая часть которых пришлось на первую половину года. Это составило 56,3% от количества браков в 1940 году. Однако эти данные не учитывают западные территории СССР, оккупированные противником, данные по которым отсутствуют. Соотношение же коли-

чества браков на 1000 чел. учтенного населения по сопоставимым территориям в 1940—1941 гг. не изменилось и составило в среднем 6 (9 для городского и 4 для сельского населения).

Резкое снижение количества браков пришлось на 1942 г., когда было зарегистрировано 297 тыс. браков. С 1943 г. статистика фиксирует их постепенное увеличение: было зарегистрировано 347 тыс. браков, в том числе 175 тыс. в городах (50,4%) и 172 тыс. в сельской местности (49,6%). Разумеется, надо учитывать, что именно в 1942 г. была оккупирована наиболее значительная часть территории СССР, а с 1943 г. началось ее освобождение. Но и количество зарегистрированных браков на 1000 чел. учтенного населения в 1942 г. по сравнению с 1941 г. сократилось в два раза, составив 3 (4 для городского и 2 для сельского населения) и сохранилось на данном уровне по сопоставимым территориям в 1943 году. В 1944 г. органы загса зарегистрировали 582 тыс. браков, в том числе 325 тыс. в городах (55,8%), 257 тыс. в селе (44,2%). При этом в первом полугодии было заключено 265 тыс., во втором — 317 тыс. браков. Количество зарегистрированных браков на 1000 чел. выросло до 4 (6 для городского и 3 для сельского населения). А в 1945 г. вследствие демобилизации было зарегистрировано 1106 тыс. браков — на 24 тыс. больше, чем в 1940 г., в том числе 637 тыс. в городах (57,6%) и 469 тыс. в селах (42,4%)¹⁷. Количество зарегистрированных браков на 1000 чел. учтенного населения составило 7 (в городах — 12, в селах — 4)¹⁸. В значительной степени это объясняется принятием указа от 8 июля 1944 г., вводившего обязательную регистрацию брачных отношений, в том числе уже фактически существовавших.

Накануне войны в сельской местности РСФСР на 100 женщин приходилось 88 мужчин¹⁹. В 1943 г. доля мужчин в возрасте до 50 лет в составе сельского населения сократилась более чем в два раза. Среди возрастной категории 18—24 лет мужчины составляли 21,9%, 25—49 лет — 23,6%, 50—54 лет — 37,7%²⁰. На каждого мужчину брачного возраста, таким образом, приходилось в среднем по 2—3 женщины, а то и больше. В результате снизилось количество женщин, состоявших в браке, выросло количество незамужних и вдов. Эти тенденции вели к изменениям в мотивации брака. Среди женщин чаще, чем среди мужчин, усиливался страх одиночества из-за ограниченности возможностей выбора супруга, снижалась ценность самого брака, что не способствовало стабильности семьи²¹.

Изменился и возрастной состав вступающих в брак мужчин и женщин. В городах выросло количество мужчин, женившихся в 30—34 года. Однако в этой возрастной группе сократилось количество первых браков и выросло количество повторных. В возрастной когорте старше 35 лет численно преобладали повторные браки. Женщины, как и до войны, чаще вступали в ранние браки. В первый брак активнее других вступали женщины в возрасте 20—22 лет. В то же время в средних возрастных группах женщины значительно реже мужчин выходили замуж. В меньшей степени у женщин были распространены и повторные браки²².

В селах преобладающее количество мужчин женилось в молодом возрасте — в 20—26 лет, на их долю приходилось около половины всех браков. Лишь в самом тяжелом 1942 г. доля 20—26-летних сократилась до 39,6% за счет возрастания доли 18-летних: «многие сель-

ские парни, едва достигнув совершеннолетия, перед отправкой на фронт торопились жениться и завести семью». Более половины всех женщин на селе вступало в брак в возрасте 18—24 лет, но в 1941—1942 гг. до 20% среди невест выросла доля 18-летних ²³.

В годы войны значительно сократилась рождаемость, хотя и не сразу. Первоначально сказывались демографические тенденции предвоенного времени. Только с марта 1942 г. последовало резкое снижение рождаемости, продолжавшееся до 1943 года. В 1941 г. в РСФСР родилось 33,3, в 1942 г. — 20,2, в 1943 г. — 9,9 детей на 1000 жителей. Всего в СССР без учета оккупированных районов в 1941 г. родилось 4,6 млн, в 1942 г. — 2,1 млн, в 1943 г. — 1,4 млн детей. По подсчетам Б.Ц. Урланиса, в целом за 1942—1943 гг. родилось почти вдвое меньше детей, чем в 1938—1940 годах ²⁴.

С 1944 г. рождаемость постепенно возрастала в городах и в целом по стране, составив в РСФСР 10,5, а в 1945 г. — 10,8 ребенка на 1000 человек ²⁵. В сельской местности рождаемость начала расти только с 1945 года.

Детская смертность в годы Великой Отечественной войны возросла, особенно в самом тяжелом 1942 году. За первые шесть месяцев 1942 г. коэффициент детской смертности вырос более чем в 3 раза, и к августу достиг 61%: из каждых 10 родившихся младенцев 6 детей умирало, не дожив до 1 года. Самое значительное увеличение детской смертности было зафиксировано в районах массового размещения эвакуированных — в Кировской, Архангельской, Свердловской, Омской областях, Татарской и Чувашской АССР ²⁶. Если в 1940 г. детская смертность составляла 16,9 детей, то в 1942 г. — 19,5, в 1943 — 16,2, а за 8 месяцев 1944 г. — 14,9 детей на 1000 человек ²⁷.

В условиях войны многие медицинские учреждения были перепрофилированы под военные нужды, превращены в госпитали. В результате количество родильных коек с 15 000 в 1940 г. сократилось до 11 524 в 1941 году. В 1942 г. их количество уменьшилось в городах по сравнению с 1940 г. на 22%, а в сельской местности — на 9,9%. Впрочем, вследствие снижения рождаемости это количество вполне могло обеспечить оказание необходимой медицинской помощи беременным женщинам и роженицам ²⁸. Однако часть из них предпочитала не пользоваться услугами медицинских учреждений.

Под влиянием различных обстоятельств военного времени менялись форма и структура семьи. Многие семьи фактически распались, сократилась их численность. Большинство семей с уходом мужчин на фронт лишилось своих глав и кормильцев, эти роли приходилось выполнять женщинам или старшим детям. Существенно возросла доля неполных семей, состоявших в основном из матерей с детьми, пожилых родителей, потерявших детей и детей, оставшихся без родителей и проживавших с другими родственниками.

Часть офицеров стремилась продолжать службу в армии, находясь вместе со своими семьями, но начальство, как правило, стремилось пресекать данные практики. В конце июня 1943 г. генерал А.И. Ерёмченко отмечал в своем дневнике: «Много семей комсостава приехало к мужьям — народ начал перестраиваться на мирный лад. Это очень плохо влияло на поднятие боеспособности войск, пришлось принимать меры по удалению непрошенных гостей» ²⁹.

Об изменении в эволюции брачно-семейных отношений в 1941—1945 гг. отчетливо свидетельствует и динамика разводов. В последний предвоенный год развелись почти 400 тыс. чел. — около 200 тыс. семейных пар. В 1941 г. в СССР было зарегистрировано 92 515, в 1942 — 71 440, в 1943 — 75 314, в 1944 г. — 66 555 разводов. В РСФСР в 1940 г. было зарегистрировано 104 848, в 1941 — 53 637, в 1942 — 28 490, в 1943 — 42 839, в 1944 г. — 41 742 развода. В цитируемых документах ЦСУ СССР за 1941 г. учитывались данные только по 43, в 1942 — 35, в 1943 — по 47 областям РСФСР. В 1944 г. не были учтены данные по Пензенской и Костромской областям РСФСР.

В данной связи целесообразно сопоставить цифры по отдельным республикам Закавказья и Средней Азии, которые имеются в полном объеме за весь период войны. Например, в Таджикской ССР в предвоенный 1940 г. было зарегистрировано 5582 развода, что сделало ее лидером по количеству разводов на 1000 жителей (3,8). В 1941 г. здесь было расторгнуто 5062, в 1942 — 5299, в 1943 — 4488, в 1944 г. — 3210 браков. В Азербайджанской АССР в предвоенном 1940 г. было зафиксировано 10 083 развода (3,2 на 1000 жителей). В 1941 г. их количество уменьшилось на четверть, составив 7528, в 1942 г. еще на четверть с лишним — 4810, в 1943 г.росло до 5644, а в 1944 г. сократилось до 4174. Примерно такая же динамика характерна и для Армянской ССР, в которой в 1940 г. было расторгнуто 1055 браков, что составляло 0,8 разводов на 1000 жителей — один из самых низких показателей в предвоенном СССР. В 1941 г. количество разводов сократилось до 685, в 1942 — до 323, в 1943 выросло до 446, а в 1944 г. вновь сократилось до 336. Представляется, что более высокие показатели разводов в 1941—1942 гг. в республиках Средней Азии обеспечили не только мусульманские традиции, упроощавшие их процедуры, но и эвакуированное население.

Резкое сокращение разводов произошло после принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., превратившего их в сложную, длительную и дорогую процедуру. Практически по всем союзным республикам их количество за год сократилось более чем в 10 раз. В 1945 г. по 74 областям РСФСР было зарегистрировано 3840 разводов, а всего в СССР — 6437 разводов. В отдельных республиках разводы превратились в настоящую редкость. Так, в Киргизской ССР в 1945 г. развелось всего 22, в Карело-Финской ССР — 33, а в Армянской ССР — 40 семейных пар. Обращает на себя внимание и возникшая в 1945 г. диспропорция в численности разводов между городом и селом. Если в городе количество разводов сократилось примерно в 5,5 раз по сравнению с 1944 г., с 31 888 до 5820, то в селе — в 56,2 раза, с 34 667 до 617, а по сравнению с 1940 г., когда было зарегистрировано 95 122 развода — в 154,2 раза!³⁰

Тем не менее, принудительное ограничение разводов административными мерами не могло коренным образом изменить развитие событий. Начавшаяся демобилизация и возвращение с фронта миллионов мужчин неизбежно создавало новую ситуацию в развитии советской семьи. Уже с 1947 г. количество разводов вновь начало расти, несмотря на все запретительные меры советского руководства.

Мобилизация, призыв и добровольный уход на фронт, эвакуация, депортация и угон на работу в Третий рейх миллионов советских граждан, их гибель в ходе боевых действий, бомбардировок, от голода

и болезней не могли не сказаться на развитии семейно-брачных отношений. Многие семьи фактически распались, существенно возросло количество неполных семей и незарегистрированных браков. Вследствие возникших диспропорций в демографической структуре значительно увеличилась численность одиноких женщин — незамужних и вдов, что вело к изменениям самой мотивации вступления в брак и его сохранения. Увеличилось и количество детей, оставшихся без родителей, а также пожилых родителей, потерявших своих детей. Несмотря на все трудности военного времени, семья сохранилась как социальный институт и продолжала выполнять свои главные функции в данном качестве.

Примечания

Статья подготовлена в рамках проекта «Исторические формы и современные способы функционирования социокультурных институтов на Юге России» (базовое бюджетное финансирование, № госрегистрации 01201368164).

1. Декрет ВЦИК и СНК о расторжении брака. 16 (29) декабря 1917 г. В кн.: Декреты Советской власти. Т. I. М. 1957, с. 237; Декрет ВЦИК и СНК о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния. 18 (31) декабря 1917 г. Там же, с. 247.
2. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Принят на сессии ВЦИК 16 сентября 1918 г. URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_346/doc346a690x330.htm.
3. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. М. 1926, № 82.
4. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических республик. М. 1936, № 34.
5. ХОФФМАН Д.Л., ТИММ А.Ф. Биополитическая утопия. Репродуктивная политика, гендер и сексуальность в нацистской Германии и Советском Союзе. В кн.: За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М. 2011, с. 143.
6. АРАЛОВЕЦ Н.А. Городская семья в России, 1927—1959 гг. Тула. 2009, с. 67—69.
7. Там же, с. 79, 100.
8. ХОФФМАН Д.Л., ТИММ А.Ф. Ук. соч., с. 161.
9. Эволюция семьи и семейная политика в СССР. М. 1992, с. 10.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-8009, оп. 22, д. 9, л. 64.
11. Законодательные и административно-правовые акты военного времени: с 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М. 1942, с. 66—68.
12. Там же, с. 62—64.
13. Там же, с. 69.
14. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М. 1993, с. 93—94.
15. Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических республик. М. 1944, № 11, ст. 162.
16. Дети ГУЛАГа. 1918—1956. М. 2002, с. 426.
17. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 1562, оп. 41, д. 89, л. 128.
18. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1871, л. 109.
19. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. Т. I. М. 1992, с. 23.
20. РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1009, л. 18.
21. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. 1940—1959. М. 2001, с. 221.
22. Там же, с. 220.
23. Там же, с. 245—246.
24. УРЛАНИС Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М. 1963, с. 30.
25. Население России в XX веке. Исторические очерки, т. 2, с. 100—101.
26. Там же, с. 88—89.
27. ГА РФ, ф. Р-8009, оп. 22, д. 53, л. 1—2.
28. Там же, д. 14, л. 59.
29. Маршал Советского Союза А.И. Ерёмченко. Дневники, записки, воспоминания. 1939—1946. М. 2013, с. 155.
30. РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 222, 283, 365, 442, 523, 597.

Кабардинское общество во второй половине XIX — начале XX в.

Д.Н. Прасолов

Аннотация. Особенности развития кабардинского общества во второй половине XIX — начале XX в. рассмотрены в контексте углубляющейся интеграции Северного Кавказа в социально-политическую систему Российской империи. Реорганизация поземельных отношений и хозяйственного быта, традиционной социальной структуры, адаптационные и протестные реакции на социокультурные изменения рассмотрены как факторы, оказывающие воздействие на этнокультурную идентичность кабардинцев.

Ключевые слова: Российская империя, кабардинцы, интеграция, модернизация, традиционализм, межсословные отношения, привилегированные сословия, мухаджирство, этнокультурная идентичность.

Abstract. The features of development of the Kabardian society in the second half of XIX — the beginning of the XX century are considered in the context of the going deep integration of the North Caucasus into socio-political system of the Russian Empire. The reorganization of the land relations and economic life, traditional social structure, adaptation and protest reactions to the sociocultural changes are considered as the factors making impact on ethnocultural identity of Kabardians.

Key words: Russian Empire, Kabardians, integration, modernization, traditionalism, interclass relations, exclusive estates, muhajirun, ethnocultural identity.

Реформы 60—70-х гг. XIX в. стали наиболее масштабными мероприятиями по интеграции традиционных обществ Северного Кавказа в социально-политическую систему Российской империи, однако «масштабы и глубина воздействия реформ на внутренний строй, хозяйственно-бытовой уклад и религиозную жизнь местных обществ были весьма незначительны».

Это было характерно и для кабардинского общества, хотя оно еще со второй половины XVIII в. оказалось в орбите прямого интеграционного воздействия Российской империи. Строго говоря, до начала XX в. результаты модернизации в социально-культурной жизни кабардинцев были малозаметны. Административно-политическая система, дестабилизируя систему традиционных общественных инсти-

Прасолов Дмитрий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик.

тутов, окончательно их не разрушила. Поэтому во второй половине XIX — начале XX в. в кабардинском обществе в несколько измененном виде продолжали действовать многие элементы традиционной, дореформенной социокультурной системы¹. Сложность их воспроизводства состояла в том, что реформы и последующая политика царской администрации существенно изменили их привычную среду функционирования.

Определяющая роль в экономическом развитии принадлежала внешним факторам: мероприятиям Кавказской администрации и процессам модернизации в России. Одно из основных изменений в хозяйственном быту кабардинцев, как и других народов Северного Кавказа в пореформенный период, определялось фактом вовлечения их в систему всероссийского экономического развития². Интенсификация хозяйственных контактов с «окружающим миром», усвоение агротехнического опыта пришлого населения, благоприятная конъюнктура развивающегося сельскохозяйственного рынка Северного Кавказа и прогресс региональной транспортной инфраструктуры, вызванный вводом в эксплуатацию железной дороги Ростов — Владикавказ (1875), обусловили отраслевые сдвиги в скотоводстве и земледелии.

Традиционная культура хозяйствования приспосабливалась к новым социально-экономическим условиям и системе податного обложения, ежегодно требовавшей весомых денежных отчислений на казенные, земские и общинные нужды. В пореформенные годы началось изменение принципов организации сельского хозяйства и освоение новых форм экономической деятельности.

Результатом экономической адаптации кабардинцев к реалиям пореформенной эпохи стало формирование смешанных типов хозяйственной деятельности. В животноводстве, земледелии и домашних промыслах сочетались элементы традиционализма и частного предпринимательства, что было естественно для экономики в состоянии перехода от феодальных принципов хозяйствования к товарному производству.

Изъятие всего земельного фонда Кабарды в собственность государства и последующее создание общинного и частного землевладения, упразднение вотчины и передача ее административно-хозяйственных функций общинному самоуправлению привели к становлению новых принципов хозяйствования и поземельных отношений.

Среди общинников, преимущественно привилегированных, сложилась немногочисленная категория обладателей крупных скотоводческих и земледельческих хозяйств, которые арендовали (иногда — захватывали) землю у односельчан или частных владельцев, использовали вольнонаемный труд и ориентировали свою деятельность на запросы региональных рынков.

Новым элементом экономической системы стали помещицы хозяйства. Еще в 60—70-х гг. XIX в. сложились определенные особенности организации хозяйственной деятельности частных землевладельцев. Первоначально начальник Кабардинского округа запрещал им селиться одиночными хуторами на отведенных участках³. Впоследствии многие из частных землевладельцев (в основном, князей и дворян) оставались пользователями общинных угодий. Основой их хозяйственной деятельности было коневодство, в котором использо-

вались не столько частные, сколько общинные угодья (прежде всего пастбища), а главное, хозяйственный персонал состоял из общественных пастухов, сторожей и т. п.

Собственно помещичьи хозяйства не играли в пореформенной экономике доминирующей роли. Это объяснялось тем, что переход кабардинских князей и дворян от вотчины к новому типу помещичьего хозяйства для большинства из них оказался чрезвычайно трудным. Они не знали, как правильно распорядиться полученными землями, и поэтому вынуждены были сдавать их в аренду или продавать⁴. Кризисное состояние помещичьего землевладения отмечали в конце XIX в. Е. Максимов и Е. Баранов⁵. К началу XX в. из более чем 110 тыс. десятин от 50 до 80 % земель кабардинских помещиков были проданы, а свыше 70 % хозяйств разорились⁶. Темпы этого процесса значительно опережали общероссийские, а главными покупателями помещичьих земель выступали зажиточные крестьяне. Только за долги кредитным организациям и недоимки по поземельному налогу в начале XX в. 122 частных владельца потеряли более 42 тыс. десятин⁷.

Отмена крепостной зависимости положила начало перевороту в традиционных хозяйственных отношениях. Разделение экономических функций, при котором основные виды домашних и сельскохозяйственных работ выполняли зависимые сословия, ушло в прошлое, заставив прежних владельцев обратиться к производительному труду. В пореформенные годы расширилась сфера применения вольнонаемного труда, который затронул и традиционные формы хозяйствования, основанные на принципах кооперации и взаимопомощи. Начал складываться рынок рабочей силы. Отходники стали осваивать близлежащие области России, хотя кабардинцам и балкарцам это явление было свойственно меньше, чем осетинам⁸.

Отмена крепостного права сократила число рабочих рук, находившихся в распоряжении владельцев-коннозаводчиков. Неоднократные пересмотры правил пользования пастбищными угодьями и попытки установить на Зольских и Нагорных пастбищах общинное распределение земли пропорционально количеству дворов в селениях, а не поголовья, экстенсивный характер коневодства, зависящего от обширности пастбищных угодий, не способствовали заботам о сохранении и улучшении породы лошадей. С конца XIX в. наблюдалось расширение социального состава лиц, занимавшихся этой некогда элитарной отраслью, стал наблюдаться ее количественный прогресс, в том числе за счет появления небольших конских заводов «бывших табунщиков и даже крепостных»⁹. Развитие коневодства стимулировалось участием представителей Кабарды в региональных выставках и учреждением в 1905 г. кабардинского поощрительного скакового общества¹⁰.

Произвольное обращение царской администрации с пастбищным фондом, неоправданное изменение порядка его использования, вовлечение части угодий в субарендные спекуляции и их хищническая эксплуатация привели к необратимым нарушениям природно-хозяйственного баланса и качественному упадку традиционно-приоритетного для Кабарды коневодства. На этом фоне возросло значение товарного скотоводства и овцеводства и, особенно, возделывания зерновых культур — пшеницы и кукурузы. Критические отзывы о качестве кабардинского земледелия в основном указывали на его второстепен-

ную роль, по сравнению со скотоводством¹¹. Но, как писал в 1899 г. Г. Баев: «Нужно отдать полную справедливость Кабарде: она весьма разумно воспользовалась своими пастбищами и землями, создав такое скотоводство, которое является недостижимым идеалом для почти всего сельского населения Европейской России. Они не увлеклись подобно соседям своим — казакам, осетинам и русским крестьянам-поселенцам — высокими ценами на хлеб, культурой льна и других хлебов, не выпахали хищнически свою территорию, а напротив, создали скотоводство, продукты которого не только одевают все население, но дают ему и денежный доход, так как Кабарда является поставщиком скота почти для всего Северного Кавказа»¹².

Активизация торговых связей с другими регионами России способствовала развитию торговли промышленными товарами и сельскохозяйственным инвентарем. Это вело к падению собственного кустарного производства кабардинцев и вместе с тем к определенной интенсификации земледелия. Но в массе своей горское крестьянство оставалось «при прежних отсталых способах труда»¹³. Тем не менее, в 1910-х гг. зерновое земледелие стало ведущей отраслью в селениях Малой Кабарды.

Расширение сети частных торговых заведений и базаров в сельских обществах, увеличение разнообразного товарообмена с другими регионами стимулировали рыночное производство местных промыслов, связанных с переработкой продуктов животноводства, но привели в упадок некоторые виды кустарной металлообработки, не способной конкурировать с привозными фабричными изделиями. Активизация денежного обращения сопровождалась распространением ростовщичества. С начала XX в. в противовес им стали создаваться кредитные товарищества и сельскохозяйственные кооперативы, организационно и финансово содействовавшие развитию индивидуальных хозяйств.

В начале XX в. на Северном Кавказе, как и по всей России, развивалась сельская кооперация. Выход на новый уровень хозяйственных связей обозначился с формированием кооперативного движения в форме кредитных товариществ, объединявших несколько селений. Оно рассматривалось как одно из перспективных направлений хозяйственного развития, его проблемы оживленно обсуждались в региональной прессе, а в «Терских ведомостях» действовала специальная колонка «Кооперативная жизнь»¹⁴. В основном эти организации предоставляли кредитно-финансовую помощь в приобретении фабричных орудий труда. Ее необходимость подчеркивалась тем обстоятельством, что Кабардинская общественная сумма не использовалась для нужд сельского хозяйства, а местные ростовщики взымали непомерные проценты¹⁵. Первое товарищество в Кабарде было создано в 1906 г. в с. Ахлово. Булатовское и Атажукинское товарищества объединяли жителей нескольких сельских обществ при учредительном капитале в 90 тыс. рублей. Крупнейшим было Нальчикское товарищество, куда входили 7 селений¹⁶. К 1917 г. в Нальчикском округе их было уже 22.

Отмена крепостного права поставила перед традиционными обществами проблему перехода к хозяйственной системе без использования труда зависимых сословий. Вольнонаемные трудовые отношения затронули практически все сферы хозяйства — от скотоводства и

земледелия до традиционных промыслов. Наибольшим спросом наемный труд пользовался у представителей привилегированных сословий. Важным нововведением конца XIX — начала XX в. стало хозяйственное делопроизводство и формализация трудовых отношений, в том числе и в области найма рабочих. В годы первой мировой войны больше всего наемных работников было в селениях с наиболее развитым товарным земледелием¹⁷, при этом их труд нередко оплачивался не деньгами, а частью урожая¹⁸.

Один из самых важных качественных сдвигов в культуре хозяйствования заключался в переходе от обеспечения «себя в продолжение одного года»¹⁹ к товарному производству. В результате хозяйственного развития Кабарды в пореформенные годы пришел в упадок «патриархальный, в высокой степени оригинальный жизненный уклад этических и экономических взаимоотношений различных классов в Кабарде»²⁰. Вместе с тем, постепенно адаптируясь к новым формам экономической деятельности, культура хозяйствования пореформенной Кабарды во многом сохраняла некоторые традиционные черты. Наряду с деньгами на протяжении пореформенного периода сохранялась практика использования их натуральных эквивалентов, преимущественно крупного и мелкого скота. До начала XX в. продолжали действовать элементы внеэкономического принуждения, при котором в хозяйствах некоторых князей и знатных дворян на безвозмездной основе использовался труд их бывших крепостных крестьян.

В рамках административно-политической системы Российской империи кабардинцы обладали некоторыми правами местного самоуправления в форме сельских обществ и съезда доверенных Кабарды и пяти горских обществ, в осуществлении полицейских функций и взимания податей, а также судопроизводства на основе обычного права. В стратификационной системе империи они фактически имели статус инородцев, но формально приближались к государственным крестьянам (после 1860-х гг. — к «сельским обывателям», управлявшимся «по законам и обычаям, каждому племени свойственным»)²¹.

В пореформенный период происходило становление новых форм социальной стратификации, которые не совпадали с сохранявшейся традиционной сословной иерархией. Важнейшим фактором формирования новой общественной структуры и индивидуальной социальной мобильности стала имущественная дифференциация, затронувшая все слои общества. Материальный успех способствовал повышению общественного авторитета многих разбогатевших крестьян. Тем не менее, подавляющее большинство кабардинцев, добившихся успехов в аграрном предпринимательстве и отмеченных наградами региональных хозяйственных выставок, были представителями привилегированных сословий. С другой стороны, процессы обнищания вели к образованию категории сельских пролетариев и деструктивно отражались на положении наименее адаптированных представителей кабардинской знати, сделав необратимым их маргинализацию, а во многих случаях и растворение в крестьянской среде.

В 1870-х гг. по рекомендации Терской сословно-поземельной комиссии в правительственных учреждениях России начал рассматриваться вопрос о предоставлении высшим кабардинским сословиям

(пши, тлекотлеш и диженуго) права потомственного российского дворянства. Однако после долгих обсуждений в различных инстанциях этот вопрос не получил разрешения²². Тем не менее, их фактический общественный статус по-прежнему оставался очень высок. В административном и судебном делопроизводстве сохранялось вошедшее в употребление после реформ 60-х гг. XIX в. понятие «привилегированные лица». Так обозначали членов сельских обществ из высшей аристократии и офицеров царской армии, которые имели некоторые привилегии, главным образом, в сфере налогообложения. Вместе с тем, в социальных отношениях продолжали соблюдаться отдельные принципы межсословной субординации, внутри кабардинского общества сохранялись, хотя и формально, аристократические титулы и традиционные представления о сословных различиях.

Все наиболее влиятельные привилегированные лица имели собственное хозяйство, занимали руководящие должности в сельском правлении, либо совмещали экономическую и административную деятельность. Многие княжеские и первостепенные дворянские фамилии обладали господствующим влиянием в своих селах, даже не занимая никаких должностей в общинном самоуправлении. Такое положение позволяло им и эксплуатировать односельчан, и развивать свое хозяйство, нередко в ущерб остальным общинникам, произвольно пользуясь общественной землей, пастбищными и лесными угодьями. Именно они стали основой формировавшейся сельской буржуазии и заняли первенствующее положение в социальной структуре. Лишь немногие крестьяне вошли в состав этой новой социальной группы. Даже наиболее преуспевающие из них не имели объективных возможностей достигнуть уровня крупнейших скотоводов и землевладельцев из аристократических фамилий.

Резкая ломка традиционного жизненного уклада и трудности адаптации к новым административно-политическим и экономическим условиям жизнедеятельности обострили социальные противоречия. Непоследовательная земельная политика администрации привела к тому, что особенно остро они проявлялись в сфере землепользования, порождая различные конфликты: от частных столкновений соседей-общинников до массовых волнений. Наиболее ярким примером явилось Зольское восстание 1913 г. в Кабарде, ставшее апогеем многолетнего противостояния частных владельцев и рядовых общинников.

Сопrotивление пореформенным преобразованиям выражалось в многочисленных акциях неповиновения официальным властям, несоблюдении правительственных распоряжений и полицейских распоряжений, саботаже податных сборов и т. д. Серьезной проблемой в процессе социокультурной адаптации являлось негативное отношение к нововведениям: освобождению зависимых сословий, земельной реформе, вопросу о воинской повинности, попыткам централизовать и упорядочить «по-имперски» религиозную жизнь. Неприятие российских преобразований проявилось в устойчивом стремлении «уйти»²³ от новой, во многом враждебной традиционным представлениям кабардинцев, социокультурной среды. Такой формой протеста явилось мухаджирство — переселенческое движение в Османскую империю, предвосхитившее депортации XX века²⁴. Для многих народов Северного Кавказа оно стало «специфической формой “катастрофическо-

го” восприятия нагрянувших перемен и стремления уйти от их пугающей новизны»²⁵. Переселенческое движение второй половины XIX — начала XX в. нанесло непоправимый ущерб этнокультурному развитию народов Северного Кавказа, препятствовало их адаптации к новым социально-политическим условиям, усугубив трагические итоги Кавказской войны. Вместе с тем, оно явилось невосполнимой утратой для социокультурного развития северокавказских провинций, поскольку лишило Российское государство значительной массы потенциальных подданных.

В отличие от Западной Черкесии, где мухаджирство совпало с трагическим финалом Кавказской войны и обернулось депортацией большей части адыгов, массовые переселения из Кабарды и Балкарии были вызваны начавшимися еще в первой половине XIX в. ограничениями свободы вероисповедания и шариатского судопроизводства²⁶, а также введением репрессивных распоряжений колониального режима.

«Переселенческие волны питались и неприятием осуществляемых российской властью реформ, и влиянием религиозного фактора»²⁷. В январе 1867 г. в Кабарде часть владельцев отказалась освободить крестьян, угрожая переселиться вместе с подвластными в Турцию. В ходе проведения реформ одной из основных форм мухаджирства стало паломничество к мусульманским святыням. Многие не возвращались обратно и затем исключались из числа населения Кабарды «как не возвратившиеся из отпуска в г. Мекку»²⁸.

Опасение потери религиозной идентичности стало одним из решающих аргументов к переселению горского населения во время всего рассматриваемого периода. Его следует учитывать вместе с другими факторами потери этнокультурной самобытности: введением воинской повинности или записью в казачество, обращением в православие. До конца XIX в. мысль о выселении поддерживалась обедневшими князьями и узденями²⁹. В 1888 г. для современника было очевидно, что продолжавшееся переселенческое движение в Турцию «указывает на то, что туземное население Терской области недовольно своим положением, что оно не освоилось с новым порядком жизни»³⁰.

Сохранялось стремление избавиться от опеки российской администрации и обрести религиозную свободу в единой Турции, даже несмотря на то, что и там они зачастую попадали в еще более «ненормальные условия»³². Понимая это, начальник Терской области в 1898 г. тем не менее был убежден, что необходимо устранить препятствия к переселению всех желающих³².

Новые волны мухаджирства вызывали озабоченность среди общественных деятелей, указывавших на истинные причины стремления горцев в Турцию. Балкарский просветитель М. Абаев в 1910 г. не отрицал, что среди переселенцев были люди, которых «тянут в мусульманское государство и религиозные чувства». Но главной причиной этой трагедии он справедливо считал «экономические, политические и иные условия»³³. Учитывая, что с каждой новой волной переселения Россия теряла своих потенциальных подданных, мухаджирство можно по праву отнести «к числу крупнейших геополитических неудач»³⁴ царского правительства.

Важнейшим фактором устойчивости общественной ситуации в Кабарде являлась сельская община, обеспечивавшая оптимальные ус-

ловия для сохранения этнокультурной самобытности кабардинцев при взаимодействии традиционного уклада с социально-экономическими и политическими новациями. В масштабах всего общества это способствовало адаптации к социально-политической системе Российской империи.

Даже после введения к началу 1870-х гг. новых принципов общинной организации в пореформенных сельских обществах Кабарды сохранялись многие элементы ее прежнего дореформенного устройства. Главным образом, они действовали в организации сельской власти, общинном землепользовании, социальной структуре и системе управления. Их сохранение в неформальной сфере общинной жизни способствовало эффективной деятельности официальных общинных структур и их взаимодействию с окружной администрацией.

В 1860-х гг. с упразднением вотчины в кабардинской деревне была ликвидирована организационная структура, которая обеспечивала синхронизацию сезонных сельскохозяйственных работ. Хозяйство получило импульс к развитию многоукладности и более широкие возможности реализации частной инициативы. В хозяйственной жизни сельской общины сохранялись многие традиционные черты, особенно в сфере регулирования землепользования и земледельческих работ, в формах организации животноводческого хозяйства, а также найма хозяйственного персонала. Вместе с тем, возросла самостоятельность семьи при выборе характера хозяйственной деятельности и форм использования земельного пая, выделенного общиной. Наиболее трудолюбивые хозяева находили возможность проявления экономической инициативы, не ограничиваемой жестко регламентирующей опекой коллектива. Происходило становление принципиально новых экономических функций общины. Она стала юридическим лицом, сдающим в аренду земельные угодья и общественные здания, отвечающим по налоговым и другим финансовым обязательствам. Складывалось хозяйственное делопроизводство, которое отличало общину в качестве хозяйствующего субъекта от отдельных общинников, которые при различных сделках по-прежнему ограничивались устными договоренностями при свидетелях. В экономической жизни сельских обществ закреплялись вольнонаемные трудовые отношения, рыночная и лавочная торговля, товарный и денежный кредит, а также новые формы сельскохозяйственной кооперации ³⁵.

Укрупнение селений в 1865 г., формирование квартальной обособленности, которая носила преимущественно фамильно-патронимический характер, часто ставили родовые интересы выше общинных ³⁶. Возникавшие в связи с этим сложности отражались на системе общинного землепользования, раскладке денежных повинностей и препятствовали выработке консолидированного общественного мнения. В конце XIX — начале XX в. во внутриобщинной интеграции возрастало значение экономических интересов и новых форм стратификации, связанных с имущественным положением, должностями в общинном правлении, уровнем образования и т. д. Существенной унификации подверглась официальная сторона жизнедеятельности кабардинской сельской общины, связанная с выполнением функций низовой административной единицы и юридического лица, отвечавшего по налоговым обязательствам.

Несмотря на существенные изменения социально-политических и административно-правовых условий жизнедеятельности во второй половине XIX — начале XX в., в кабардинском обществе не произошло окончательного разрыва с традиционными основами. Большинство пореформенных преобразований воспринимались кабардинцами через призму традиционных представлений о принципах хозяйствования, управления, судопроизводства и соционормативного регулирования. В социальной практике кабардинцев продолжали функционировать многие традиционные институты общественной саморегуляции.

В определенной степени соблюдалась сословная субординация, прежде всего в отношении представителей княжеских и знатных дворянских фамилий. Учитывая частично сохранявшуюся традиционную сословную иерархичность, окружная администрация использовала авторитет привилегированных сословий при назначении сельских старшин, формировании Нальчикского горского словесного суда и Съезда доверенных сельских обществ. Однако далеко не все смогли найти себе место на административной службе. Значительная часть оказалась не готова к изменившимся правилам организации экономического быта. Чрезвычайно сложный характер адаптации к новым условиям жизни обладал существенным деструктивным потенциалом. В частности, представители привилегированных сословий, не сумевшие приспособиться, становились вдохновителями новых волн переселений в Османскую империю, увлекая за собой бывших зависимых крестьян. Некоторые из тех, кто не смог найти своего места в новом социокультурном контексте, пополняли криминальную среду ³⁷.

Противоречивость социально-экономических, политических и культурных процессов нарастала в период революции 1905—1907 гг. и первой мировой войны. На фоне ужесточения административно-политического режима происходила определенная интенсификация экономической деятельности, оживление общественной и культурной жизни. В среде российских мусульман распространялись идеи джадидизма, ориентированные на синтез традиционных, исламских и общегосударственных социально-политических и культурных ценностей. Создание на основе этих идей новометодного образования стало одним из признаков социокультурной интеграции кабардинцев в российское мусульманское сообщество ³⁸.

Наряду с этим в общественный быт проникали элементы общегосударственной праздничной культуры. Начиная со второй четверти XIX в., в практику входили торжественные мероприятия, к участию в которых привлекали представителей этнических элит, а впоследствии и широкие народные массы. Это проявлялось в организации регулярных общественных молений, собраниях и скачках в общероссийские праздничные дни, а также в событийных торжествах, например, в связи с пожалованием в 1844 г. кабардинцам Почетного знамени, во встречах высокопоставленных государственных деятелей, проезжавших через Кабарду ³⁹. Характерно, что конные состязания в конце XIX — начале XX в. выросли до регулярных масштабных мероприятий, пропагандирующих достижения кабардинского коневодства ⁴⁰.

Таким образом, к началу XX в. кабардинское общество, усваивая новый хозяйственный опыт, адаптируясь к утвердившимся полити-

ческим порядкам, но при этом не расставаясь со многими традициями, продолжало интегрироваться в социокультурную систему российского государства. В большей степени эти изменения затронули формировавшуюся национальную интеллигенцию, военных и административных служащих, состоявших в основном из представителей привилегированных сословий. Однако они не оказывали решающего влияния на отношение к модернизационным изменениям подавляющего большинства кабардинцев. Этнокультурная идентичность последних оказалась затронута в значительно меньшей степени и оставалась преимущественно традиционалистской, с настороженностью и сопротивлением воспринимавшей социокультурные новации.

Примечания

1. КУШХОВ Х.С. Общественный быт кабардинцев во второй половине XIX — начале XX в. Автореф. дис. канд. ист. наук. Нальчик. 2004.
2. КУМЫКОВ Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик. 1962, с. 120.
3. Крестьянская реформа в Кабарде. Сб. документов. Нальчик. 1947, с. 167.
4. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР), ф. 22, оп. 1, д. 340, л. 13—13об., 18—18об.
5. МАКСИМОВ Е.Т., ВЕРТЕПОВ Г. Туземцы Северного Кавказа: Историко-статистический очерк. Владикавказ. 1892, с. 187; БАРАНОВ Е. По поводу эксплуатации кабардинцами частновладельческих земель. — Терские ведомости. 1891, № 99.
6. МЕСЯЦ С.И. Население и землепользование Кабарды. Воронеж. 1926, с. 79.
7. МАМБЕТОВ Г.Х. К вопросу о проникновении капиталистических отношений в экономику Кабарды и Балкарии во второй половине XIX — начале XX в. Сб. статей по истории Кабарды и Балкарии. Нальчик. 1961, с. 121.
8. ШНАЙДЕР В.Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. М. 2005, с. 104.
9. ПОЖИДАЕВ В.П. Хозяйственный быт Кабарды: Историко-этнографический очерк. Воронеж. 1925, с. 57.
10. Местные известия. — Терские ведомости. 3.III.1905, № 48.
11. ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 237, л. 56; ТУЛЬЧИНСКИЙ Н. Кабарда. — Казбек. 1899, № 456.
12. БАЕВ Г. Из жизни горцев: Кабарда. — Там же, № 440.
13. АРДАСЕНОВ А.Г. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Избранные труды. Владикавказ. 1997, с. 79.
14. БАЕВ Г. Об организации кредитных учреждений среди горцев. — Терские ведомости. 1900, № 67, 68.
15. ТУЛЬЧИНСКИЙ Н. Кабарда. — Казбек. 1899, № 456—458.
16. Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, ф. 1, оп. 2, д. 386, л. 2, 3.
17. КРИКУНОВ В.П. К истории социально-экономического развития Кабарды в период мировой империалистической войны. УЗ КБНИИ. Т. 8. Нальчик. 1953, с. 21.
18. ЦГА КБР, ф. 34, оп. 1, д. 4, л. 4.
19. КРИГЕР Б. Состояние хозяйства и промышленности у туземцев Терской области. — Терские ведомости. 1864. № 34; БИРЮЛЬКИН А. Кое-что о сельском хозяйстве в Кабарде. — Там же. 1889, № 63.
20. ПОЖИДАЕВ В.П. Ук. соч., с. 104.
21. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.). Т. 1. СПб. 2000, с. 32.
22. АРАПОВ Д.Ю. Мусульманское дворянство в Российской империи. — Международный исторический журнал. 1999, № 3.
23. БОРОВ А.Х. Северный Кавказ: социокультурные механизмы исторического процесса. ИВ КБИГИ. Нальчик. 2006, вып.3, с. 24.

24. КАППЕЛЕР А. Россия — многонациональная империя. М. 1997, с. 136.
25. БОРОВ А.Х. Ук. соч., с. 25.
26. КУДАШЕВ В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик. 1991, с. 84, 88.
27. БОРОВ А.Х. Ук. соч., с. 25.
28. ДУМАНОВ Х.М. Вдали от Родины. Нальчик. 1994, с. 38—47.
29. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 330, оп. 46, д. 1291, л. 34об.; ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 167, л. 17.
30. КАЗБЕК Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис. 1888, ч. 2, с. 3.
31. АБРАМОВ Я. Кавказские горы. В кн.: Из истории Русско-Кавказской войны (документы и материалы). Нальчик. 1991, с. 211.
32. РГВИА, ф. 330, оп. 46, д. 1291, л. 9об.
33. КУМЫКОВ Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX — начале XX в. Нальчик. 2002, с. 259—260.
34. МАТВЕЕВ В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства: Дис. канд. ист. наук. Ростов на Дону. 2005, с. 173.
35. КУШХОВ Х.С. Ук. соч., с. 15—16.
36. АРДАСЕНОВ А.Г. Ука. соч., с. 73.
37. ДЫШЕКОВ М.В. Трансформация традиционной элиты Кабарды и Балкарии во второй половине XIX — начале XX в. Дисс. канд. ист. наук. Нальчик. 2001, с. 106—126.
38. ЧЕРНОУС В.В. Статус русской культуры и проблемы региональной безопасности на Северном Кавказе. В кн.: Проблемы региональной безопасности и регионального развития в условиях дифференцированной среды. Ростов на Дону. 2000.
39. Приезд Его Императорского Высочества государя великого князя Михаила Николаевича в Кабардинский округ Терской области. — Терские ведомости. 4.VI.1869, № 23.
40. Значение конских скачек для Кабарды. — Там же. 20.XII. 1884, № 102.

О месте расположения села Домонтовского Московского княжества

В.Н. Рожков

Аннотация. В статье на основе письменных, археологических, картографических и других данных, проведена локализация княжеского села Домонтовского, известного с первой половины XIV века. В статье приведены аргументы и обоснования в пользу наиболее вероятного места расположения села на территории Московского княжества.

Ключевые слова: археологические свидетельства, историческая реконструкция, исторические карты, курганный комплекс, месторасположение, старая Можайская дорога, Московское княжество, локализации, средневековое село, территория.

Abstract. The article on the basis of written, archaeological, cartographic and other data, carried out the localization of the princely village called Domontovskoe, known from the first half of the XIV century. The article presents the arguments and justifications in favor of the most probable location this of the village on the territory of the Moscow Principality.

Key words: archaeological evidence, historical reconstruction, historical maps, burial mound complex, quiet location, old road in Mozhaisk, the Moscow Principality, location, medieval village, territory.

Локализация известных по письменным источникам сельских поселений, существовавших на территории Московского княжества, его уездов, станов и волостей, относится к одному из перспективных направлений региональных исторических исследований. Определение мест расположения древних сел и деревень позволяет получить дополнительную информацию, необходимую для реконструкции значимых событий прошлого, связанных с их историей, временем, причинами появления и исчезновения с подмосковной земли. Кроме того, проведение подобного рода исторических исследований может послужить основой для выявления общих закономерностей взаимосвязанных процессов освоения обширных лесных территорий и развития сети дорожного сообщения Московского княжества XIV—XVI веков.

Рожков Вячеслав Николаевич — кандидат технических наук, профессор Московского авиационного института (Национальный исследовательский университет).

Особый интерес для локализации представляют исчезнувшие села Московского княжества, впервые упоминаемые в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей. Одним из таких сел, о расположении которого высказываются различные и порой противоречивые соображения, является великокняжеское село Домонтовское. Приведенные в духовных и договорных грамотах сведения об этом селе ограничиваются лишь упоминанием его названия в перечне поселений, выделяемых великими и удельными князьями своим сыновьям-наследникам.

Впервые село Домонтовское упоминается в первой духовной великого московского князя Ивана Калиты (ок. 1339 г.): «А се даю сыну своему Ивану:... село Вяземское, село Домонтовское, село в Замошьской слободе...»¹. С незначительными лингвистическими изменениями название села (Домонтовское) приводится и в его второй духовной грамоте. В XIV в. название села (с вариантами написания Демонтовское и Домантовское) упоминается также в духовных великого князя Ивана Ивановича (ок. 1358 г.) и Дмитрия Ивановича (ок. 1389 г.)².

В XV в. название села содержится лишь в духовной второго сына Дмитрия Донского князя Юрия Дмитриевича (ок. 1433 г.), по которой он завещал его своему старшему сыну Василью (Косому): «А из Московских сел даю сыну своему Василью: село Домантовское, и з деревнями, и со всем, что к нему потягло, как и за мною было»³. В более поздних княжеских грамотах название села не встречается. Однако производные от него топонимы «Домантовские пожни» и «Домантовская волость» упоминаются в разъезжей грамоте великого князя Ивана Васильевича князю Юрию Ивановичу на города Дмитров, Рузу, Звенигород с Московскими станами и волостями (1504 г.)⁴.

В настоящее время название княжеского села фактически исчезло со страниц научных публикаций и справочных изданий. К сожалению, до настоящего времени не установлено подкрепленное археологическими данными и другими объективными доказательствами конкретное место его расположения. Нам ничего не известно ни о его истории, ни о причинах потери им княжеского статуса и исчезновения с подмосковной земли. В работе будет использоваться принятое в источниках XIX—XX вв. название села, приведенное во второй духовной Ивана Калиты — Домонтовское (за исключением названий, взятых из цитируемых источников).

В работах, опубликованных во второй половине XIX — начале XX в., локализация села Домонтовского, как правило, ограничивалась указанием обширной территории (области или района) его предполагаемого месторасположения. Так, историк Н.П. Барсов, осуществивший привязку к картам современной ему России более 1200 исторических объектов, писал: «Домонтовское — село в Московской области»⁵. В начале прошлого века В.Н. Дебольский сузил область возможной локализации села, определив его расположение между речками Нахабной и Большой Вяземкой (далее по тексту — Вяземка): «Домонтовское находилось между притоками Москвы, речками Нахабной и Вяземкой. Точнее указать место расположения села мы не можем, так как среди современных поселений такого названия не встречается»⁶. Таким образом, согласно В.Н. Дебольскому, площадь,

на которой могло располагаться село Домонтовское, достигала едва ли не ста квадратных километров, что не позволяет говорить даже о его условной локализации.

В первой половине XX в. определенные трудности с локализацией села Домонтовского, по всей видимости, испытывал С.Б. Веселовский, который впервые подготовил (совместно с В.Н. Перцовым) исторические карты Подмосковья. Однако на опубликованных лишь в 1993 г. картах место расположения села Домонтовского указано не было ⁷. При этом другие древние села, существовавшие в совместимых с селом Домонтовским хронологических рамках, были четко обозначены. Среди них расположенное поблизости от Вяземки село Вяземск (впервые упоминается в духовной Ивана Калиты вместе с селом Домонтовским в 1339 г.), Солослово (впервые упоминается в 1504 г.) ⁸, Сареево (впервые упоминается около 1401—1402 гг.) ⁹ и др. Очевидно, во время подготовки исторических карт вопрос о вероятном расположении села Домонтовского оставался для исследователя открытым, и он не считал возможным указать даже ориентировочно место его расположения.

Необходимость в локализации исчезнувших сельских поселений Подмосковья, в частности, села Домонтовского, возникла в конце XX в., когда коллективными усилиями историков, археологов, краеведов, картографов и других специалистов готовились к публикации сборники «Энциклопедия российских деревень», а также заглавная книга серии «Энциклопедия сел и деревень Подмосковья» под названием «Одинцовская земля». В то время о месте расположения села Домонтовского исследователями также высказывались различные предположения, которые сами авторы не называли гипотезами (чтобы соблюсти корректность, в отношении высказанных предположений в исследовании также не будет использован данный термин). Так, К.А. Аверьянов указывал на то, что село Домонтовское находилось на месте расположения Горок X (ныне поселок Успенского сельского округа Одинцовского района) ¹⁰. О селе Домонтовском автор пишет: «Оно представляло собой небольшой городок с земляным валом ... Во время событий феодальной войны он сильно пострадал, и в документах XVI в. мы видим на этом месте лишь деревню с характерным названием Городище» ¹¹. О расположении села на месте современных Горок X автор сообщает, как о хорошо известном и общепризнанном историческом факте ¹². Однако каких-либо данных и фактических обоснований, поясняющих свою позицию, он, к сожалению, не приводит.

Действительно, на месте Горок X вблизи Вяземки располагалась деревня под названием Городище, упоминание которой приводится в разъезжей грамоте 1504 г.: «... и по ямам, к дороге Звенигородской, что лежит от Городища к Звенигороду» ¹³. Свое название деревня сохраняла вплоть до начала XX в., когда после организации в деревне Московского конного завода № 1 было изменено ее название на Горки X. О возможности расположения села Домонтовского на месте этого поселка позволяют говорить также обнаруженные вблизи него курганные группы, датированные XI—XIII вв. ¹⁴, которые свидетельствуют о располагавшихся поблизости древних поселениях славяновятичей. Однако указанные данные вряд ли могут считаться вполне

достаточными, чтобы только на их основании можно было делать однозначный вывод о расположении села Домонтовского на месте поселка Горки Х. Более того, можно привести факты, которые не согласуются с высказанным утверждением.

По всей видимости, автор предполагал, что во время феодальной войны, которая велась великим князем Василием II с владельцем звенигородских земель князем Юрием Галицким и его сыновьями, село Домонтовское было полностью или частично разрушено. Затем оно пришло в запустение, и на его месте через какое-то время возродилась деревня с новым названием — Городище. Однако в летописных и других письменных источниках не содержится сведений о крупных сражениях, происходивших в XV в. на территории Звенигородского удела. Ничего не известно о якобы имевших место событиях, в результате которых подвергались разорению и исчезали княжеские села. А если нельзя привести соответствующие доказательства, следовательно, нет оснований говорить и о возникновении на месте якобы «сильно пострадавшего» княжеского села сельского поселения под другим названием.

Предположение о появлении поселения на месте села Домонтовского с названием Городище встречает не только исторические, но и существенные лингвистические трудности. Как правило, у сельских поселений появление новых названий не было связано с войнами, пожарами и другими бедствиями, которые могли негативно повлиять на традиционный уклад жизни их обитателей. Переименование того или иного сельского поселения на Руси обычно происходило после возведения новой церкви¹⁵. Например, после постройки церкви по-новому стало называться расположенное на правом берегу Москвы-реки ниже устья Вяземки село Вяземск (ныне село Успенское одноименного сельского округа). В начале XVII в. на его месте располагался дворцовый приселок села Иславского (ныне село Аксиньинского сельского округа) под названием Ирнинский, Вяземск тож¹⁶. Однако после возведения в приселке Успенской церкви село стало называться Успенское-Вяземское. Это название оно носило вплоть до середины XIX века. Можно привести примеры других расположенных к западу от Москвы сельских поселений, подобным образом изменивших свои названия¹⁷.

Переименования сельских поселений нередко были связаны также с появлением у них новых владельцев. В результате поселения получали новое название по их именам (прозвищам)¹⁸, либо фамилиям¹⁹ (в данном случае при выборе названия поселения использовался так называемый антропонимический принцип номинации). Нередко в результате переименований сельских поселений появлялись сложные лингвистические конструкции, которые, как в случае с селом Вяземск, включали в себя их прежние названия²⁰. Новые названия сел (точнее их измененные написания) происходили также от прежних названий с сохранением словарных основ. Так, расположенная при слиянии речек Медвенки и ее правого притока Закзы деревня Сареево (ныне деревни Большое и Малое Сареево) имела не менее четырех лингвистически схожих написаний: Сарьевское, Сарьево, Царево и, наконец, Сареево. Подобным образом произошли изменения названий расположенных к западу от Москвы древних

сел: Воиславское — Иславское, Кляповское — Кляпово и др. Важно отметить, что при использовании различных способов переименований и принципов номинации сохранялась возможность исторической идентификации поселений спустя многие годы после того, как такие изменения происходили. Но, даже допустив в качестве исключения возможность исчезновения села Домонтовского и появления на его месте поселения под названием Городище, появляется другая проблема. А именно: необходимо найти рациональное объяснение факту сохранения названия Домантовской волости по историческому названию села после того, как это село якобы перестало существовать.

Предположение о расположении села Домонтовского на месте деревни Городище не вполне соответствует также картографическим данным, содержащимся в упомянутой разъезжей грамоте 1504 года. Очевидно, данное предположение может считаться правдоподобным лишь в том случае, если можно с уверенностью говорить, что деревня Городище располагалась на территории Домантовской волости. Однако текст разъезжей не дает нам для этого каких-либо оснований, а скорее говорит об обратном.

Действительно, согласно грамоте, в 1504 г. небольшой участок границы между московскими и звенигородскими землями проходил по Звенигородской дороге, связывавшей деревню Городище с городом Звенигородом. Причем справа от этой дороги (если двигаться из Звенигорода в Городище) располагались «земли Якова Дмитриева сына Овчина»²¹, а слева — в сторону Москвы-реки — звенигородские земли Воиславского села. Не доходя до деревни Городище, граница отклонялась от Звенигородской дороги влево к «катавищу, к реке к Москве». При этом справа и слева от границы располагались земли тех же собственников, соответственно Якова Овцына и владельца Воиславского села. Таким образом, от места поворота границы к Москве-реке дорога к деревне Городище проходила по земле Якова Овцына, причем о землях Домантовской волости в этом месте разъезжей грамоты не упоминается. Приведенные данные дают основания полагать, что в начале XVI в. деревня Городище располагалась вне границ Домантовской волости и принадлежала Якову Овцыну, а княжеское село находилось где-то в другом месте.

Видимо, в силу названных исторических, лингвистических и картографических несоответствий многие специалисты, в том числе, В.Н. Дебольский, С.Б. Веселовский, А.Н. Смирнов, Ю.А. Краснов и др., не усматривали преемственной связи между селом Домонтовским, с одной стороны, и деревней Городище (поселком Горки X) — с другой.

Некоторые исследователи справедливо полагают, что княжеское село Домонтовское должно было располагаться где-то вблизи большой дороги. При этом сельского поселения на его месте могло не сохраниться, и оно, как и многие другие древние села и деревни, могло исчезнуть с подмосковной земли. В частности, было высказано предположение, что «Домантовская волость и Домантовские пожни... находились где-то вблизи Можайской дороги и верховьев р. Нахабны. Там, видимо, располагалось и село Домонтовское»²².

Однако приведенные в разъезжей грамоте 1504 г. картографические данные о границе московских и звенигородских земель говорят о том, что Домантовская волость вряд ли могла простирается до верхо-

вьев речки Нахабны, вблизи которой в то время действительно проходила Можайская дорога. Как следует из текста грамоты, к востоку от ее истока располагались «Зубаревские деревни, что за Волком за конюхом»²³. При этом вдоль участка границы от Можайской дороги до Домантовской волости в грамоте названы несколько урочищ (овраг и два болота) и лесной массив, а о селе Домонтовском вблизи от данного участка границы в разъезжей грамоте ничего не говорится.

Судя по всему, волостное село располагалось восточнее границы московских и звенигородских земель и тяготело к бассейну Вяземки. Данного мнения придерживался, в частности, хорошо знавший средневековую историю региона А.Н. Смирнов²⁴. Недостатком рассмотренного предположения о расположении села Домонтовского является также отсутствие вблизи верховий Нахабны значительных археологических объектов, что говорит о малой вероятности нахождения здесь древних поселений, подобных княжеским селам.

В заключение отметим, что рассмотренные предположения о месте расположения села Домонтовского имеют определенную логику, исторические и топографические предпосылки. Тем не менее, они не вполне обоснованы и подкреплены историческими фактами, а также слабо согласуются с данными, содержащимися в исторических и картографических источниках.

Как известно, сведения о сельских поселениях времен позднего средневековья, приведенные в письменных источниках, почти всегда носят случайный и отрывочный характер. В сложившихся условиях решение задач по локализации сельских поселений, как и любой другой исторической поисковой задачи, возможно лишь при использовании комплексного подхода, основанного на использовании совокупности различного рода источников и методов исследования (исторического источниковедения, археологии, картографии, лингвистики, упорядоченного исторического поиска и др.)²⁵.

Определение ориентировочных границ Домантовской волости будем проводить на основе разъезжей грамоты 1504 г. — единственного надежного источника информации о ее границах на начало XVI века. Согласно данной грамоте, в 1504 г. западная граница Домантовской волости совпадала с границей московских и звенигородских земель и разделяла волостные московские земли и звенигородские землевладения семьи Тоболиных. С учетом гидрогеологических особенностей данной территории (вдоль этой границы располагались болота и болотца), есть основания полагать, что она проходила вблизи линии водораздела речек Вяземки и Нахабны.

Как было отмечено ранее, на севере волость, вероятнее всего, граничила с землями Якова Овчина. Причем эта граница проходила где-то между большим оврагом, по которому протекала безымянная речка — левый приток Вяземки, и деревней Городище (ныне, как отмечалось, на ее месте расположен посёлок Горки X). Расстояние между оврагом и деревней Городище составляло около полутора-двух километров.

К сожалению, сведений о восточной границе волости в разъезжей грамоте не приводится. Однако, как правило, границами землевладений в средние века являлись природные преграды — урочища (болота, овраги, речки и др.). Поэтому наиболее правдоподобным может

считаться предположение о прохождении восточной границы Домантовской волости по руслу Вяземки.

Приведенные в разъезжей грамоте сведения не позволяют также сказать что-либо определенное о южной границе Домантовской волости. Некоторые исследователи высказывали мысль, что «в состав обширной Домантовской волости» входила известная с XVII в. деревня Назарьево (ныне поселок одноименного сельского округа). Отметим, что Назарьево расположено на правом берегу Вяземки примерно в трех километрах южнее Горок Х²⁶. Однако если судить всего по двум упоминаниям о волости и ее землях (пожнях) при описании западной границы московских и звенигородских земель, то можно ожидать, что ее площадь была не слишком большой. Следует иметь также в виду, что волость в древней Руси являлась низшей подчиненной преимущественно княжеской власти административно-территориальной единицей. Более крупной, чем волость, единицей являлся входившей в состав уезда стан (например, вблизи Вяземки располагались Вяземский и Сетунский станы Московского уезда и Городской стан Звенигородского уезда). Вероятно, южная граница Домантовской волости отступала от большого оврага, по которому протекает левый безымянный приток Вяземки, примерно на такое же расстояние, как и северная (то есть не более чем на один или полтора километра).

Если высказанные предположения о границах Домантовской волости верны, то ее территория в начале XVI в. располагалась по обеим сторонам указанного оврага и простиралась от его вершины, находившейся вблизи водораздела Вяземки и Нахабны, до Вяземки. Полученные выводы об ориентировочных границах Домантовской волости позволяют сузить (по сравнению с указанной В.Н. Дебольским) область локализации села Домонтовского. Тем не менее, содержащиеся в разъезжей грамоте сведения не позволяют произвести более точную его локализацию в ориентировочно определенных границах Домантовской волости.

Для начального периода становления централизованного Московского государства характерными являлись два взаимосвязанных и активно развивающихся исторических процесса: развитие сети дорожного сообщения и освоение его обширных лесных территорий. Появление новых езжалых дорог и рядом с ними сельских поселений было вполне естественным, поскольку предоставляло их жителям и владельцам определенные экономические и бытовые преимущества. Со временем из таких поселений вырастали села, некоторые из которых входили в состав княжеских владений, становились административно-территориальными центрами, важными узловыми пунктами дорожной сети Московского княжества.

Как известно, к западу от Москвы располагались удельные Звенигородское и Можайское (с 1389 г.) княжества, а еще западнее — Литовское великое княжество. В связи с этим местоположение княжеских сел вблизи главной дороги, ведущей из Москвы к столицам соседних княжеств, являлось вполне объяснимым и закономерным. Таким образом, задача локализации села Домонтовского напрямую связана с задачей исторической реконструкции существовавших в XIV—XVI вв. маршрутов больших дорог вблизи Вяземки (прежде всего, Можайской) и, соответственно, с определением мест расположения

переправ через эту речку. Совместное решение двух названных задач позволит сократить число рассматриваемых вариантов локализации села Домонтовского, а полученные согласованные решения и выводы, как ожидается, будут наиболее обоснованными и правдоподобными.

Из письменных источников известны две мостовые переправы на Вяземке, через которые проходил маршрут большой Можайской дороги:

1. В верховьях Вяземки — в месте расположения села Никольское-Вяземы (ныне городское поселение Большие Вяземы), время появления переправы — конец XVI века. В настоящее время по мосту через Вяземку проходит Можайское шоссе.

2. В среднем течении Вяземки вблизи впадения в нее правого притока речки Малая Вяземка, на которой на рубеже XV—XVI вв. появился остановочный Вяземский ям²⁷, первое упоминание о котором содержится в Посольских книгах за 1520 г.²⁸ (в настоящее время переправы в этом месте не сохранилось, а ближайшее к нему поселение — деревня Ямщина Большевяземского сельского округа).

В разное время на Вяземке существовали и другие переправы, однако с момента их возникновения по ним никогда не проходила большая Можайская дорога. Например, в середине XIX в. мостовая переправа появилась в нижнем течении Вяземки (ныне через нее проходит Рублево-Успенское шоссе). Существовали также переправы вброд и по гатям, которые устраивались жителями располагавшихся поблизости сельских поселений с хозяйственными целями и для местных сообщений (например, одна из таких переправ существовала на дороге, ведущей из деревни Папушево справа от Вяземки к деревне Городище и селу Иславскому, расположенным слева от этой речки)²⁹.

Таким образом, наиболее ранней из известных по письменным источникам переправ на Вяземке, располагавшихся на большой Можайской дороге, являлась переправа вблизи впадения в нее речки Малая Вяземка, известной по источникам с 1520 года. Однако правобережный маршрут дороги из Москвы в Можайск и Звенигород должен был появиться значительно раньше этого времени. По дороге из Москвы в Можайск (и далее в Смоленск) осуществляли поездки московские, можайские и звенигородские князья, бояре, служилые люди, посланники в Литовское великое княжество. Чтобы попасть к месту назначения по большой дороге, ведущей вдоль правого берега Москвы-реки, они обязательно должны были пересекать Вяземку.

В пользу существования более раннего маршрута большой Можайской дороги свидетельствует расположение Домантовской волости и села Домонтовского слева по течению Вяземки. Очевидно, к занимавшей важное стратегическое положение на границе московских земель волости должен был быть удобный и надежный подъезд из Москвы с минимальным числом переправ через Москву-реку. Альтернативный путь из Москвы в село Домонтовское вдоль левого берега Москвы-реки и далее через переправу у Звенигорода являлся более протяженным и менее удобным³⁰. При движении по этому маршруту необходимо было минимум три раза на плотках или по так называемому «живому мосту» переправляться через Москву-реку³¹. Первую переправу нужно было произвести у границы Москвы (например, переправиться по Сетуньской переправе), вторую — выше

устья Истры (в месте, где на левом берегу Москвы-реки ныне расположено село Уборы, а в начале XVI в. находился луг Избореск). Наконец, третья плотовая переправа располагалась у города Звенигорода. Причем, чтобы попасть от этой переправы в Домантовскую волость и ее центральное село, необходимо было двигаться в сторону Москвы, то есть в обратном направлении на восток, что заметно увеличивало путь. Вряд ли в XIV—XV вв. столь неудобным маршрутом для поездки в село Домантовское пользовались московские князья, если мог существовать более короткий и удобный маршрут через переправу на Вяземке.

К сожалению, каких-либо письменных свидетельств о существовании до начала XVI в. правобережного маршрута Можайской дороги и располагавшейся на Вяземке переправы не сохранилось. Однако косвенным образом о них свидетельствуют многочисленные археологические объекты, обнаруженные вблизи Вяземки и соседних с ней правых притоков Москвы-реки.

Известно, что наиболее крупный археологический памятник на Вяземке расположен у деревни Горышкино (Назарьевский сельский округ). Из писцовых книг известно, что на месте этой деревни в 1624 г. располагалась пустошь, «что была деревня Синеусова», которой владел стрелецкий сотник Ф.С. Горышкин³². Позднее возродившаяся на месте пустоши деревня по фамилии своего нового владельца стала называться Горышкино. Археологический комплекс у Горышкино включает одиночные курганы и курганные группы XI—XIII вв., а также останки нескольких древнерусских поселений XI—XIII и XVI—XVII вв. (обследованы Ю.А. Красновым³³ и А.А. Юшко³⁴ соответственно в 1956 и 1981 гг.).

К востоку от Вяземки на левом берегу соседней речки Слезни у деревни Таганьково (Назарьевский сельский округ) также выявлены компактно расположенные курганные группы XI—XIII вв. и несколько селищ X—XI, XII—XIII вв. (обследованы С.С. Ширинским³⁵ и Н.В. Тухтиной³⁶ соответственно в 1957 и 1960 гг.).

Аналогичное по своим размерам скопление археологических объектов было выявлено восточнее деревни Таганьково на правом берегу речки Слезни у деревни Дарьино Назарьевского сельского округа (обследованы Ширинским³⁷ в 1963 г.).

Археологические памятники, относящиеся к XI—XIII вв., были обнаружены также к востоку от речки Слезни у правого притока Москвы-реки речки Медвенки недалеко от деревни Солослово Назарьевского сельского округа (обследованы Р.Л. Розенфельдт³⁸ в 1988 г.).

Однако наиболее крупный по сравнению с названными и самый большой в Подмосковье Одинцовский курганный комплекс (почти 250 курганов, датируемых XI—XIII вв.), был выявлен к востоку от Медвенки. Комплекс простирается от речки Самынки и деревни Подушкино Барвихинского сельского округа до села Лайково Горского сельского округа (обследован А.Г. Векслером³⁹ в 1959 и 1974 гг., а также Розенфельдт⁴⁰ в 1988 г.). Судя по размерам и количеству объектов Одинцовского комплекса, освоение прилегающих к речке Самынке лесных территорий могло начаться даже раньше, чем на других правых притоках Москвы-реки.

Весьма примечательно, что названные выше курганные комплексы у Вяземки, Слезни, Медвенки и Самынки сформировались в

их средних течениях в пределах довольно узкой полосы шириной до трех километров, которая тянется от села Подушкино к деревне Горышкино и имеет явно выраженное З-Ю-З направление. Причем ни выше, ни ниже по течению названных речек подобных по своим размерам археологических памятников обнаружено не было.

Курганные комплексы на правых притоках Москвы-реки свидетельствуют о располагавшихся поблизости от них общинных поселениях славян-вятичей. Со временем из таких поселений выросли крупные для своего времени административные и хозяйственные центры Подушкино, Лайково, Сареево, Солослово, к которым «тянули» расположенные поблизости деревни, починки и другие более мелкие сельские поселения. Судя по обнаруженным на берегах Слезни селищам, вблизи этой речки также располагалось исчезнувшее древнерусское поселение, однако о его названии и владельце остается лишь догадываться ⁴¹.

Анализ картографических источников показывает, что расстояние между соседними курганами, расположенными на всем протяжении от Самынки до Вяземки, составляет не более трех-четырёх километров, что позволяет говорить о довольно высокой плотности поселений, располагавшихся вблизи курганных комплексов и правых притоков Москвы-реки. Так, например, из Списка с писцовой книги поместных и вотчинных земель Сетунского стана за 1627 г. следует, что на речке Самынке, протяженностью всего около 10 км, располагались не менее пяти тянувших к селу Подушкино пустошей, на месте которых прежде стояли деревни ⁴².

Территориальная близость поселений, расположенных на всем протяжении от Вяземки до Самынки, говорит о том, что они не могли являться замкнутыми анклавами. Очевидно, многочисленные поселения на этих речках связывала развитая дорожная сеть, которая позволяла поддерживать их жителям устойчивые общинные и хозяйственные связи. Учитывая большие размеры названных археологических объектов, представляется весьма правдоподобным, что по переправам через Вяземку, Слезню, Медвенку и Самынку проходила главная на западном направлении дорога, которая позволяла обеспечить не только связь поселений между собой, но и устойчивое их сообщение с Москвой, Звенигородом и Можайском.

Существование маршрута старой Можайской дороги, проходившего вблизи села Подушкино на речке Самынке, подтверждает Список с межевой книги 1673 года. В это время по участку старой Можайской дороги проходила межа, разделявшая земли окольничего А.С. Матвеева и владевшего селом Рождественным Подушкино тож стольника М.Б. Милославского: «У Можайской старой большой дороги яма и столб, а от той ямы и от столба едучи к Москве шестьдесят четыре сажени до вражка, а у вражка в правой стороне дуба нанесены грани. А от дуба через овражек старой Можайской дорогой восемьдесят сажень на дуб же...» ⁴³.

Как известно, в конце XVI в. сформировался новый, более короткий и удобный, маршрут большой Можайской дороги, проходивший через села Одинцово, Перхушково и Никольское-Вяземы (ныне по нему проходит Можайское шоссе). Поэтому старой большой дорогой для поездок из Москвы в Можайск через села Подушкино, Лай-

ково и Саларево пользоваться перестали. Однако отдельные участки этой дороги продолжали использоваться для обозначения границ землевладений и местных сообщений между поселениями, сохранившись до наших дней вдоль всего ее маршрута.

От села Подушкино старая Можайская дорога вела к селу Лайкову, известному с 1627 г. как Мелтихино, Лайково тож. О существовании проселочной лесной дороги из Подушкина в Лайково упоминается в Археологической карте⁴⁴, она же показана на Топографической карте Московской губернии⁴⁵. На ней же можно видеть продолжение дороги, ведущей от Лайкова к деревням Царево (ныне Сареево), а далее к Солослово (Саларево). О существовании старой дороги, ведущей от Саларево на речке Медвенке в Звенигород, содержится упоминание в письменных источниках XVII века. В частности, о ней говорится в сообщениях польских послов, направлявшихся в Москву в 1672 году⁴⁶. Вероятно, о той же дороге, ведущей через село Перхушково и деревню Лапино к Саларево (все на речке Медвенке) и далее к Вяземе говорится в сообщениях русских разведчиков в 1618 году⁴⁷.

Проселочная дорога от Лайково к Саларево и далее к деревням Таганково и расположенной на правом берегу Вяземки деревне Папушево (Назарьевский сельский округ) показана на Специальной карте западной части России⁴⁸. Напротив деревни Папушево на противоположном левом берегу Вяземки расположена деревня Горышкино. Вполне возможно, что появление деревень Горышкино и Папушево в указанном месте могло быть связано с располагавшейся между деревнями переправой на Вяземке. В наши дни эти деревни связывает мост через Вяземку, на месте которого или поблизости от него могла располагаться древняя переправа на старой Можайской дороге.

Приведенные выше данные дают необходимые основания говорить, что с XI и по конец XV в. маршрут главной в западном направлении Можайской дороги проходил через переправы, расположенные в средних течениях названных правых притоков Москвы-реки. Таким образом, более раннюю переправу на Вяземке (по сравнению с известными по письменным источникам) можно локализовать в месте пересечения предполагаемой трассы старой Можайской дороги с руслом этой речки вблизи деревни Горышкино.

Возможность существования указанной переправы подкрепляется ландшафтными и гидрогеологическими особенностями местности вблизи деревни Горышкино:

— правый и левый берега Вяземки во многих местах пологие, позволяющие осуществить удобный подъезд к речке и выезд на противоположный берег;

— грунт на левом и правом берегах речки и на ее дне плотный песчаный, что способствует быстрому его высыханию и организации переправы даже в сырую и дождливую погоду;

— ширина речки вблизи деревни местами составляет всего около 3—3,5 метров, а глубина ее — примерно 35—40 см, что создавало необходимые условия для обустройства на этом месте мостовой переправы⁴⁹.

Вероятно, по аналогии с более поздними маршрутами Можайской дороги (через остановочный ям на Малой Вяземке и позднее — через село Никольское-Вяземы) за переправой вблизи деревни Го-

рышкино дорога разветвлялась. Можайская дорога вела в юго-западном направлении к истокам Нахабны, а Звенигородская — в северном направлении в деревню Городище и от нее в Звенигород. О звенигородской дороге, ведущей от деревни Горышкино к Звенигороду, свидетельствуют упомянутые картографические источники, а также расположенная вдоль предполагаемого маршрута цепочка одиночных курганов, которые тянутся в направлении от деревни Горышкино к поселку Горки X⁵⁰.

Вряд ли можно признать случайным совпадение письменных, картографических и археологических данных, свидетельствующих о маршруте старой Можайской дороги, проходившем через переправы на правых притоках Москвы-реки. Прослеживается прямая связь между маршрутом старой Можайской дороги и расположением вблизи него переправ, курганных насыпей и средневековых славянских поселений. Следовательно, с большой уверенностью можно предположить, что по аналогии с поселениями у переправ на Самынке, Медвенке и Слезне у переправы на Вяземке также мог появиться крупный для своего времени общинный и хозяйственный центр, которым могло являться княжеское село Домонтовское.

Данный вывод подтверждают сведения, приведенные в Приправочном списке с писцовых книг Звенигородского уезда 1558—1560 гг. — наиболее информативном источнике о сельских поселениях, землях и землевладельцах Звенигородского уезда доопричного периода⁵¹. Сопоставление приведенных в разъезжей 1504 г. и Приправочном списке сведений показывает, что за время, разделяющее их написание, изменились не только состав административно-территориальных единиц Московского государства, но и их границы. Как следствие произошедших изменений прекратила свое существование Домантовская волость, а ее земли вошли в состав Звенигородского уезда и перешли к другим собственникам.

В Приправочном списке упоминается о «Девятого Ондреева сына Тоболина деревне Синеусова». Отцом владельца деревни, очевидно, являлся Андрей Тоболин, чьи землевладения в 1504 г. располагались на Звенигородских землях у западной границы Домантовской волости. Примечательно, что при описании землевладений Тоболина-младшего помимо деревни Синеусова названы также «на царя великого князя земли на волостной погост, а в нем церковь Введение Причистые»⁵². Очевидно, речь в данном случае идет о погосте бывшей Домантовской волости, располагавшемся вблизи ее центрального села и деревни Синеусова. Как известно, других волостей в рассматриваемый промежуток времени вблизи Вяземки не существовало. Видимо, упоминание о сохранившихся ко времени написания писцовых книг землях «на волостной погост», прежде входивших в состав Домантовской волости, является едва ли не последним, приводимым в исторических документах. Скорее всего, указанные земли — это все, что к середине XVI в. осталось от великокняжеских землевладений у Вяземки.

В указанном списке содержится также упоминание о другой деревне с весьма примечательным названием — Доманово, которая в середине XVI в. находилась в собственности Никиты Захарьева сына Сатина: «Деревня Доманово. Пашни дватцать четвертей в поле, а в дву по тому же. Сена дватцать копен» (орфография сохранена. —

В.Р.)⁵³. Обращает на себя внимание написание названия деревни. Как нетрудно видеть, оно лингвистически весьма схоже с написанием названия княжеского села в духовной галицкого князя Юрия Дмитриевича (Домантовское). Столь же близко оно к написанию производных названий «Домантовская волость» и «Домантовские пожни», приводимых в разъезжей 1504 года. Лингвистическое подобие написаний названий села и деревни, а также их отличие от типичных для топонимии Звенигородской земли названий сельских поселений позволяет предположить, что Доманово и есть та деревня, в которую в XVI в. превратилось княжеское село. Вероятно, трансформация написания Домантовское в Доманово происходила по той же схеме, что и написания располагавшихся поблизости сел Сарыевское в Сарыево и Кляповское в Кляпово. Потеряв на рубеже XV—XVI вв. свой княжеский статус, село Домантовское постепенно превратилось в обычную, ничем не приметную деревню, которые, по словам историка И.Е. Забелина, в Подмоскovie «были рассыпаны повсюду». Приведенные в Приправочном списке сведения не позволяют определить точное место расположения села, однако дают все необходимые основания утверждать, что оно располагалось у Вяземки вблизи деревни Горышкино⁵⁴. Второй этап локализации села Домантовского хотя и не привел к определению конкретного места его расположения, однако позволил сократить предполагаемую область локализации села Домантовского до минимальных размеров (порядка одного квадратного километра).

При проведении заключительного этапа локализации села Домантовского предпримем попытку обосновать возможность его расположения на месте одного из обнаруженных у деревни Горышкино археологических объектов. Главным образом, речь должна идти о селищах, на которых, как известно, прежде располагались средневековые сельские поселения. Анализ данных о селищах, выявленных вблизи деревни Горышкино, позволяет предположить, что наиболее вероятным местом расположения поселения, которое может быть идентифицировано как село Домантовское, может являться Селище 1 (согласно принятой в археологических источниках нумерации)⁵⁵.

Селище 1 отнесено к XIV—XVII вв. и располагается к северу от деревни Горышкино на противоположном левом берегу большого оврага, по которому протекает впадающая в Вяземку безымянная речка. Глубина оврага в этом месте составляет не менее 10 м, а его ширина (у основания) — не менее 250—300 метров. В настоящее время Селище 1 представляет собой заросший травой и редким кустарником пустырь площадью около 5000 кв. метров. Территория селища огорожена металлической сеткой, а вдоль его южной границы параллельно оврагу проходит проезжая грунтовая дорога, ведущая от его вершины к Вяземке, расстояние до которой от границы селища составляет примерно 200—250 метров.

Вполне возможно, что активная хозяйственная деятельность, проводимая на территории селища и вблизи него (селище неоднократно распаивалось), привела к тому, что его площадь по сравнению с площадью располагавшегося на нем средневекового поселения могла значительно уменьшиться.

Картографические данные и проведенные на месте обследования территории указывают на то, что в прежние времена протекавшая по

оврагу речка в нескольких местах была запружена земляными плотинами, образуя цепочку прудов вдоль всего ее русла. По одной из таких плотин могла проходить дорога, напрямую связывавшая деревни Синеусово и Доманово (или село Домонтовское). В настоящее время центральная части этой плотины полностью разрушена, поэтому деревенский пруд и дорога, которая вела по плотине на другой берег большого оврага, фактически перестали существовать.

Как известно, при выборе мест расположения для сельских поселений предпочтение отдавалось высоким берегам рек, речек, оврагов и других природных объектов. Однако важной отличительной особенностью Селища 1 как раз является его расположение на высоте примерно 15 м над Вяземкой. С данного места можно было наблюдать не только за окрестной территорией, но также за участком ведущей вдоль оврага Можайской дороги и переправой через Вяземку, что давало определенные преимущества жителям располагавшегося на нем поселения.

Кроме того, расположение поселения на противоположной по отношению к Можайской дороге стороне оврага, обеспечивало защищенность от набегов приходивших с востока и запада по этой дороге захватчиков. При этом у жителей поселения сохранялась возможность удобного выезда вдоль левого берега оврага на дорогу, ведущую направо в Звенигород (через Городище) и налево на Можайскую дорогу (через безымянную речку).

Анализ ландшафтных и гидрогеологических особенностей местности вблизи деревни Горышкино позволяет говорить о том, что по сравнению с другими альтернативными вариантами расположения княжеского села территория Селища 1 имела существенные преимущества. Она находилась: вблизи границы московских и звенигородских земель; у развилки старых Можайской и Звенигородской дорог; вблизи переправы через Вяземку; у источников питьевой воды, которых хватало для удовлетворения потребностей его жителей; на возвышении; в относительно безопасном месте за большим оврагом, который защищал жителей деревни от нападения со стороны Можайской дороги.

Удачное расположение села Домонтовского позволяло ему выполнять не только административные и хозяйственные функции как центра Домантовской волости, но и являться важным с политической и военной точек зрения узловым пунктом дорожной сети Московского княжества XIV—XVI веков.

В статье не обсуждались причины превращения известного с начала XIV в. княжеского села Домонтовского в неприметную деревню Доманово середины XVI века. Однако в процессе его локализации стало понятно, что главная из них была связана не с военными действиями или постигшими село стихийными бедствиями, а с изменением маршрута большой Можайской дороги, которая стала пересекать Вяземку выше по ее течению. Тем не менее, могли существовать и другие, вторичные, причины, в той или иной мере связанные с произошедшими в XVI в. вблизи Вяземки административно-территориальными изменениями. Их анализ и обоснования могут являться самостоятельной темой для проведения исследований по истории сельских поселений Московского государства.

Примечания

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. (ДДГ). М.—Л. 1950, с. 7, 9.
2. Там же, с. 15, 33.
3. Там же, с. 73.
4. Там же, с. 381.
5. БАРСОВ Н.П. Материалы для историко-географического словаря России. Т.1. Вильна. 1865, с. 65.
6. ДЕБОЛЬСКИЙ В.Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. СПб. 1901, с. 16.
7. История сел и деревень Подмосковья XIV—XX вв. Исторические карты Подмосковья. Энциклопедия российских деревень. М. 1993, с. 24, 31.
8. ДДГ, с. 381.
9. Там же, с. 46.
10. Статус упомянутых в статье сельских поселений указан в соответствии с Законом Московской области № 64/2005-ОЗ от 28 февраля 2005 г. «О статусе и границах Одинцовского муниципального района и вновь образованных в его составе муниципальных образований».
11. Одинцовская земля. Энциклопедия сел и деревень Подмосковья. М. 1994, с. 155—156.
12. В другой опубликованной примерно в то же время работе К.А. Аверьянов локализует село Домонтовское на карте Звенигородского удела 1336 г. (по духовной грамоте Ивана Калиты) примерно в 7 км к юго-западу от села Вяземского вблизи верховий Нахабны ориентировочно на месте деревни Хлюпино (Захаровский сельский округ). См.: История сел и деревень Подмосковья XIV—XX вв. Энциклопедия российских деревень. М. 1993, с. 11.
13. ДДГ, с. 381.
14. Археологическая карта России. Московская область. Ч. 1. М. 1994, с. 139.
15. Об основных принципах номинации при образовании названий древних поселений см.: СМОЛИЦКАЯ Г.П. История формирования топонимии Москвы. — Вопросы географии. Вып. 126, с. 19.
16. ХОЛМОГОРОВ В.И., ХОЛМОГОРОВ Г.И. Исторические материалы. Звенигородская десятина. М. 1882, с. 109.
17. Одинцовская земля, с. 313—316, 339—344, 429—433, 446.
18. Там же, с. 54—69, 73—77, 269—273.
19. Там же, с. 157—158, 261—268, 285—289, 327—331, 333—337, 402—405.
20. Там же, с. 54—69, 114—119, 269—273, 402—405.
21. О родословии Овцыных см.: ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. СПб. 2014, с. 558—560.
22. ЮШКО А.А. Звенигород Московский и удел Звенигородских князей. М. 2005, с. 9.
23. ДДГ, с. 381.
24. СМIRHOV A.H. Вяземы и Вяземский ям. В кн.: Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М. 2005, с. 140.
25. БУРЦЕВ И.Г., ШЕКОВ А.В. О методе комплексного использования источников в исторической географии (на примере Окско-Донского водораздела в XIV—XVI вв.). Проблемы исторической географии и демографии России. М. 2013, с. 138—167.
26. Одинцовская земля, с. 298.
27. СМIRHOV A.H. Ук. соч., с. 138.
28. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. СПб. 1892, с. 574.
29. Специальная карта западной части России. СПб. 1858, л. XXIV.
30. Наиболее ранний маршрут дороги, ведущий из восточных русских княжеств в Смоленск, появился не позднее начала XI в. и большей своей частью проходил вдоль левого берега Москвы-реки. Позднее произошла диверсификация этого маршрута, в результате чего появилась дорога, которая на всем протяжении проходила вдоль правого берега Москвы-реки и затем сделалась главной на западном направлении. Ее появление способствовало активному заселению правых притоков Москвы-реки от Можайска до Москвы, о чем свидетельствуют расположен-

- ные на их берегах курганные комплексы XI—XIII вв. См., например: СМИРНОВ А.Н. Ук. соч., с. 145.
31. О местах расположения существовавших переправ через Москву-реку на большой Можайской дороге в XVIII в. см.: МИЛЛЕР Г.Ф. Сочинения по истории России. М. 1966, с. 267—271.
 32. Одинцовская земля, с. 157—158.
 33. КРАСНОВ Ю.А. Отчет об археологических работах в Кунцевском районе Московской области в 1956 г. Архив Института археологии (ИА) РАН. Р-1, № 1891, с. 22—30.
 34. ЮШКО А.А. Отчет о работе разведочного подмосковного отряда в 1981 г. Там же, № 8658. 1981, л. 6—7, 34—43.
 35. ШИРИНСКИЙ С.С. Отчет о частичном обследовании по берегам р. Слезни (прав. приток р. Москва) и о раскопках с охранными целями кургана в Таганьковской 3 курганной группы. Там же, № 1551. 1957, л. 1—14;
 36. ТУХТИНА Н.В. Отчет о раскопках близ д. Таганьково Кунцевского района Московской обл. Там же, № 2175. 1960, л. 1—4.
 37. ШИРИНСКИЙ С.С. Отчет о раскопках курганов у д. Таганьково и д. Старое Дарьино. Там же, № 3564. 1963, л. 7—11.
 38. Археологическая карта России, с. 164.
 39. ВЕКСЛЕР А. Г. Отчет об археологических раскопках в районе г. Одинцова Кунцевского района Московской области. Архив ИА РАН. Р-1, № 1996. 1959, л. 1—12; ЕГО ЖЕ. Отчет об археологических работах в Московской области в 1974 г. Там же, № 5425, л. 1—27.
 40. Археологическая карта России, с. 133.
 41. Таким поселением, например, могло являться исчезнувшее княжеское село Кириясово, упоминаемое совместно с расположенным на соседней речке Медвенке селом Сарыевским в духовной князя Владимира Андреевича Храброго: «А из московских сел сыну, князю Ярославу [даю] Сарыевское да Кириясово с луги...». Известно, что на левом пойменном берегу Москвы-реки располагались сенокосные заливные луга, которые принадлежали владельцам правобережных земель и поселений. Например, один из них — луг Изборск располагался как раз напротив устья речки Слезни. В начале XVI в. этот луг находился во владении Овцыных, которым принадлежали земельные владения как на правом, так и левом берегах Москвы-реки. См.: ДДГ, с. 46, 381.
 42. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 9807, л. 820—826об.
 43. Там же, № 687, л. 260—264.
 44. Археологическая карта России, с. 132—133.
 45. Топографическая карта Московской губернии. СПб. 1860, л. 5.
 46. ШЕРЕМЕТЕВ П. Вяземы. Пг. 1916, с. 29.
 47. ХОЛМОГОРОВ В.И., ХОЛМОГОРОВ Г.И. Ук. соч., с. 96.
 48. Специальная карта западной части России, л. XXIV.
 49. В «Экономических примечаниях» 1800 г. говорится, что в летнее время глубина Вяземки у деревни Горышкино составляла всего пол-аршина (около 35 см), что соответствует современным значениям. Следовательно, можно отметить стабильность гидрогеологических характеристик речки, по крайней мере, на протяжении последних двух столетий. См., например: Одинцовская земля, с. 158.
 50. Археологическая карта России, с. 139.
 51. Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда. Материалы для истории Звенигородского края. М. 1992, с. 5.
 52. Там же, с. 23.
 53. Там же, с. 20.
 54. В Приправочном списке на соседних страницах содержатся упоминания о двух располагавшихся поблизости друг от друга деревнях с одинаковыми названиями Синеусово (впоследствии у обеих изменилось название на Горышкино). До настоящего времени сохранилась деревня Горышкино справа от оврага. Несохранившаяся деревня, которая, вероятно, находилась во владении «Девятого Ондреева сына Тоболина», располагалась на другой его стороне. См.: Геометрическая карта Московской губернии. Картографический отдел РГБ. Фонд редких изданий. М. До 1781.
 55. Археологическая карта России, с. 139.

Из истории понятия «Drang nach Osten»

К.Н. Цимбаев

Аннотация. Статья посвящена германскому историко-политическому концепту «Drang nach Osten», на протяжении полутора веков игравшему важную роль во взаимоотношениях Германии с ее восточными соседями, прежде всего, с Россией. Рассматривается его возникновение, содержательное развитие, а также семантическая эволюция термина, его неоднократные новые интерпретации в зависимости от текущей политической ситуации. Термин «Дранг нах Остен» является одновременно и политической реальностью, и идеологическим концептом; он служит пропагандистским инструментом во внешнеполитических построениях публицистов и властей. Период его наибольшей актуализации — 1930-е—1960-е гг.; в последнее время концепция, суть которой заключается в противостоянии Запада и Востока, вновь оказывается востребованной.

Ключевые слова: «Drang nach Osten», национальная идея, советская историческая наука, российско-германские отношения, история России, история Германии.

Abstract. The article deals with the Germanic historical-political concept «Drang nach Osten», which has played an important role in the relationship between Germany and its Eastern neighbours, most notably Russia, for one and a half century. The paper discusses its rise, the evolution of its content, and its numerous reinterpretations depending on the current political situation. The «Drang nach Osten» formula was both a political reality and an ideological concept; it served as a propaganda tool in the foreign policy speculations of publicists and governors. The concept was most prevalent in the 1930s to 1960s; more recently, though, the construct whose essence is the confrontation between the West and the East turns to be in demand again.

Key words: «Drang nach Osten», national idea, Soviet historical studies, Russian-German relationship, history of Germany.

Понятие «Drang nach Osten» занимает важное место в контексте взаимоотношений Германии с ее восточными соседями. На протяжении полутора веков это выражение во многом определяло общественно-политический дискурс в ряде стран Центральной и Восточной Европы и служило пропагандистским инструментом во внешнеполитических построениях их лидеров, неоднократно подвергаясь при этом трансформации и новым интерпретациям в зависимости от текущей

Цимбаев Константин Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета.

политической ситуации. В России второй половины XIX — начала XX в. и в еще большей степени в СССР это понятие охотно использовалось как полемическое клише для характеристики германской «восточной политики».

«Если кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет Русская земля! И много раз так было! И всегда так будет!» Это яркое высказывание, ошибочно приписываемое Александру Невскому¹, точно и образно описывает восприятие в Советском Союзе окружающего мира: страна в кольце врагов, которые не раз стремились напасть на нее и от которых следует ожидать подобного поведения и в будущем. Разумеется, русская держава всегда доблестно отражала любые враждебные поползновения и всегда будет готова делать это и впредь. Характерно при этом, что князь Александр, получивший свое почетное прозвище за победу над шведами, обращал эти слова, согласно, пусть и ложному, но оттого не менее прочно вошедшему в коллективную память представлению, к немецким пленным, захваченным после Ледового побоища. Таким образом, подчеркивается, что враги Руси приходят, прежде всего, с Запада, и главный из них — немцы. История борьбы Новгорода с Тевтонским орденом стала тем самым одним из звеньев в долгой цепи противостояния России западным захватчикам — тому феномену, который получил в советской историографии обобщающее название «германская восточная экспансия», или иначе, и даже чаще — «Drang nach Osten».

Сам этот термин в советском научном и даже в публицистическом дискурсе, старательно избегавшем иностранных терминологических заимствований, не нуждался ни в подробном пояснении, ни в переводе, употребляясь как в написании латинскими буквами, так и кириллицей. При этом, если в начале XX в. превалирует первая форма, то, начиная с 1960-х гг., — вторая². Более того, термин полностью осваивается русским языком, превращаясь фактически в обычное слово и даже подвергаясь склонению, как, например, в одном из сборников статей «по истории так называемого “Дранга нах Остен”»³. Кроме того, термин получает явственную негативную эмоциональную окраску, не зависящую от контекста: «“Дранг нах Остен”: Три слова, коротких и зловещих, как удар топора»⁴.

Точно так же, в своем немецкоязычном варианте это понятие присутствовало и в прочих языках, включая восточноевропейские славянские, а также в языках народов, входивших в состав СССР, — даже, например, в грузинском. Хотя, разумеется, есть и переводы. Русский общепринятый и, казалось бы, единственно правильный вариант — «натиск на Восток».

Терминологически Drang nach Osten обозначает долгосрочную политику германского и, в некоторой степени, австрийского, государства по политическому, демографическому, культурному, в конечном счете, национальному продвижению на Восток — а именно в регион, который ныне занимают Польша, Украина, Белоруссия и Россия и в меньшей степени — Чехия.

При этом в советском политическом, историографическом и публицистическом дискурсе за термином «Drang nach Osten» стояло два понимания, два различных типа интерпретации.

Во-первых, реальные исторические события: борьба, начиная с VIII—IX вв., германцев за территории со славянскими и балтийскими племенами и их частичная ассимиляция, затем так называемая германская восточная колонизация с XII—XIII вв., немецкие крестовые походы против славян, продвижение Тевтонского ордена в Прибалтику и Северо-Восточную Русь, войны Фридриха Великого, разделы Польши, наконец, мировые войны, особенно, конечно, гитлеровская экспансия на Восток. В некотором смысле это явление можно классифицировать примерно так же, как и Османское продвижение в Юго-Восточную и Центральную Европу, завоевание европейцами Латинской Америки, освоение Северо-Американского Запада или заселение русскими Сибири и Дальнего Востока. Сами по себе эти события воспринимались как непреложные исторические факты, не являющиеся предметом возможных дискуссий. Речь шла не о самих фактах, а об их интерпретации. Стандартным образом они характеризовались как «захватническая политика немецких феодалов, а затем германских буржуазно-помещичьих и империалистических кругов»⁵ «в отношении стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы»⁶.

Второй тип трактовки данного феномена — идеологический. Многоаспектность термина позволяет, с одной стороны, классифицировать его в раздел «наднациональных», таких, как панславизм, пангерманизм, пантюркизм, австрославизм. Понимание «Дранг нах Остен» как идеологии позволяло советским авторам заклеить его как реакционный лозунг и, одновременно, — как историческую и политическую концепцию, имевшую целью идеологически оправдывать агрессивную политику захватчиков. В свою очередь, немецкие идеологи, начиная с конца XIX в., трактовали *Drang nach Osten* как мотор национальной истории и обоснование необходимости экспансионистской политики в Восточной Европе.

С другой стороны, будучи идеологией, опирающейся в своих построениях на реальные исторические факты, но при этом постоянно их интерпретируя в зависимости от взглядов того или иного автора, *Drang nach Osten* является также искусственным конструктом, призванным служить актуально-политическим целям. В этом смысле он не является уникальным и стоит в одном ряду с такими публицистически-пропагандистскими построениями, как «желтая опасность», «большевистская угроза» или испанская «черная легенда». Таким образом, *Drang nach Osten* является одновременно и политической реальностью и культурным феноменом, переходящим порой в коллективный миф⁷.

Концепт *Drang nach Osten* на протяжении свыше ста лет обладал интереснейшим свойством: в зависимости от политической позиции конкретного автора он трактовался то как всецело положительная, «правильная» и даже неизбежная идеология, то как отрицательная, агрессивная и человеконенавистническая.

Таким образом, *Drang nach Osten* можно признать и историческим феноменом, и идеологическим концептом. При этом они теснейшим образом связаны между собой, поскольку концепт возник как идеологическое объяснение фактов. Причем возник крайне интересным образом. Во-первых, ретроспективно — в XIX и XX вв. с

его помощью стали объяснять давно минувшие и, казалось бы, почти забытые события, причем временной разрыв между ними и теорией составлял буквально тысячелетие. Кроме того, концепция *Drang nach Osten* не просто объясняла историю, подобно иным ретроспективным историческим теориям (как, например, теория границы Тёрнера), но подводила под историю постфактум идеологический фундамент.

Во-вторых, идеологический термин прошел сложный путь, неоднократно разворачиваясь на 180 градусов. Впервые он возник лишь к середине XIX в. и зафиксирован в полемической польско-германской публицистике в ходе революции 1848—1849 годов. Его автором считается Юлиан Клачко — польский либерал, литератор, борец за возрождение независимой Польши, родившийся и выросший в Российской империи, в Вильно, учившийся и долгое время живший в империи Германской. В своей брошюре с говорящим названием «*Die deutschen Hegemonen*» Клачко обвиняет немцев (а также венгров) в извечной враждебности к славянам, в «бессовестном эгоизме, с которым они стремятся захватить “якобы германизированные части” Польши» и впервые — в контексте восточной экспансии Тевтонского ордена — употребляет этот оборот ⁸. Клачко в этом первом зафиксированном письменном употреблении данного выражения использует кавычки, причем нет возможности определить, цитирует ли он некий более ранний источник, или же сам изначально стремился придать ему характер звонкого слогана. В любом случае последнее — на фоне ожесточенных немецко-польских дискуссий Франкфуртского национального собрания — произошло очень быстро.

В середине XIX в. термин уже широко употреблялся в пяти контекстах: в связи с германо-российскими внешнеполитическими взаимоотношениями, прежде всего, в Балтийском регионе; с германо-польскими отношениями в Восточной Пруссии; германо-чешскими — в Богемии; когда речь шла о территориях Габсбургов в Юго-Восточной Европе; и о германских интересах на Ближнем Востоке. Использовался он, по преимуществу, немецкими публицистами, историками, даже писателями Германии с безусловно положительными коннотациями ⁹.

В 1861 г. его употребил польский историк Кароль Шайноха в мифологизированном труде «Ядвига и Ягелло» ¹⁰. Затем, в 1860-е гг., понятие «*Drang nach Osten*» было подхвачено российскими публицистами — в 1865 г. оно впервые упоминается в России на страницах газеты «Московские ведомости». Использовалось оно примерно в тех же контекстах, но с противоположной моральной оценкой. Прежде всего, в панславистской публицистике, направленной в тот момент не столько против Германии, еще не существовавшей как единое государство, сколько против остзейских немцев. В 1870-е — 1880-е гг. через сочинения панславистской публицистики ¹¹ термин перешел в польскую, чешскую, позднее — французскую и в какой-то мере англо-американскую прессу. Особенно активно он употреблялся в первую мировую войну, когда польские и чешские лидеры (Роман Дмовский, Томаш Масарик) использовали его, чтобы убедить союзников в необходимости воссоздания своих национальных государств. Апофеоз инструментализации в актуально-политических целях был достигнут в период национал-социализма. Сначала, с середины 1930-х гг.,

понятие «Drang nach Osten» использовалось в антигерманской пропаганде для характеристики гитлеровской национальной политики в Центральной и Восточной Европе. С 1941 г. термин стал употребляться и по отношению к России, причем как в советской пропаганде, так и в нацистской — и там, разумеется, в позитивном смысле. Наконец, после второй мировой войны, в рамках «холодной войны», этот термин использовался в историографии социалистических стран — прежде всего, советской, а также польской, чешской и других, в том числе в немецкой — авторами из ГДР. В то время в ФРГ в научном и публицистическом обиходе он почти не встречался. В 1970-е гг. в советской историографии было принято говорить о постоянной угрозе национальной идентичности славянских народов со стороны Германии, порой вплоть до утверждений, что Drang nach Osten — неотъемлемая часть немецкого национального характера ¹².

Подобные трактовки современной исторической наукой разумеется не просто отвергнуты, но и многократно опровергнуты; в рамках данной работы нет возможности, да и необходимости подробно об этом говорить. Достаточно упомянуть, что представления о национальном характере свойственны, скорее, романтической науке XIX века. Кроме того, вполне очевидна откровенная политизация этой концепции с обеих сторон — с германской и, условно говоря, славянской, — в разные периоды и с разными целями. При этом нередки были не только оценочные расхождения «германского» и «славянского» восприятия, но и их географические разночтения: славянские публицисты и историки подразумевали исключительно натиск немцев на Восточную Европу, прежде всего, конечно, на их собственные страны — Россию, Польшу и др., в то время как для пангерманской публицистики рубежа XIX—XX вв. Drang nach Osten — это не в последнюю очередь продвижение Германии на Балканы и далее — в Турцию, вплоть до Междуречья Тигра и Евфрата ¹³.

Еще один интереснейший аспект этой идеологии — проблема перевода, причем не только с немецкого языка на славянские, но и с немецкого на немецкий. Ключевое слово Drang в первой половине XIX в, когда возникло это понятие, означало совсем не тот «натиск», который слышится в существительном Drang сегодня. Это было сугубо романтическое слово, как, например, в названии движения «Буря и натиск», понимавшееся как противопоставление разуму. В Словаре немецкого языка братьев Гримм 1860 г. слово Drang трактуется как «притяжение, внутренняя тяга, импульс» ¹⁴. То есть подразумевалось некое свойство, сила, которую человек не до конца осознает, но которая им движет, заставляя совершать определенные действия. Этим Drang и противостоит разуму, позволяющему человеку контролировать свои действия.

Отдельный вопрос — как концепт Drang, будучи изначально понятием индивидуально-психологического уровня, определяющим поступки отдельного человека, переместился на уровень социально-общественный. Безусловно, важную роль в семантической эволюции этого слова сыграла немецкая классическая философия истории, которая полагала, что историей движут некие неосознанные силы, особая тяга — «Dränge». То есть, здесь Drang фигурирует уже как понятие социального уровня, но все еще далекое от того экспансионист-

ского содержания, которое вкладывалось в него в XX веке. Процесс семантической эволюции слова *Drang* можно проследивать и дальше; но более существенным представляется сам факт того, что в момент возникновения термина это слово имело совсем другое значение, чем то, которое оно получило потом. Таким образом, речь идет о заблуждении — на начальном этапе, возможно, неосознанном, возможно — сознательном. Впоследствии пропагандистское искажение, с одной стороны, обеспечило жизнестойкость термина, который прошел сквозь страны и эпохи, с другой — увело от адекватного научного анализа исторических явлений в сторону их политизированного представления.

В Советском Союзе значимость концепции *Drang nach Osten* неоднократно менялась. В ранний советский период, на волне всплеска интернационализма и увлечения идеей мировой революции большевики осознанно стремились отмежеваться от великорусского и панславистского видения истории. Сюжеты, связанные с историческим противостоянием славян и германцев, доминировавшая в двадцатые годы школа М.Н. Покровского старательно игнорировала. В основополагающих работах Покровского этого времени даже наиболее яркий эпизод данного противостояния, в скором времени ставший одним из символов русской воинской славы и вообще всей государственности, — Ледовое побоище — лишь вскользь упоминалось¹⁵. *Дранг нах Остен*, казалось бы, был забыт столь же прочно, как и остальные идеологемы панславистов. Ситуация кардинально изменилась во второй половине тридцатых годов. Политическое и военное усиление гитлеровской Германии, нагнетание международной напряженности и факт явственного противостояния Германии и Советского Союза сделали актуальной задачу в том числе и идеологической борьбы с очевидным противником. В 1936 г. был создан Институт истории Академии Наук СССР, в программу деятельности которого входила борьба против буржуазной науки с позиций марксистско-ленинского материалистического мировоззрения и, прежде всего, — против фашистских фальсификаторов истории. По словам первого директора Института Н.М. Лукина, «институту предстояло трудиться над темами оборонного значения», над «идейной обороной» страны, в первую очередь, — против Германии, и, следовательно, необходимо было заняться изучением истории германской экспансии в Восточной Европе¹⁶. При этом уже изначально следовало рассматривать в качестве единого исторического явления события от оккупации немецкими рыцарями Прибалтики до оккупации Германией Украины в 1918 году.

В 1937 г. в газете «Правда» была опубликована программная статья, задавшая тон всему дальнейшему историко-политическому курсу: «На протяжении двух столетий русский народ вел тяжелую борьбу против немецкого “*Drang nach Osten*”. В результате этой борьбы был отражен натиск крестоносцев»¹⁷. Тем самым в общественный оборот была спущена сверху новая важная тема, новый взгляд на российско-германские взаимоотношения и реанимирован сам термин «*Drang nach Osten*».

В ближайшие годы был выпущен целый ряд соответствующих авторских и коллективных работ¹⁸, яркий пример которых — сборник «Против фашистской фальсификации истории» с участием вид-

нейших советских историков. Одно из основных мест в нем занимала статья известного медиевиста Н.П. Грацианского «Немецкий *Drang nach Osten* в фашистской историографии»¹⁹.

В этой работе на фоне собственно критики современной автору немецкой историографии разрабатывалась подробная схема концепции *Дранг нах Остен*, во многом остававшейся неизменной в последующие десятилетия. Отталкиваясь от актуальной политической ситуации, Грацианский трактовал историю германской восточной колонизации одновременно и как миф, созданный гитлеровской пропагандой, и как многовековую преступную политику германских правителей, направленную против славянского населения Восточной Европы. Для германского официоза 1930-х гг. *Ostsiedlung* — важнейший процесс национальной истории, который должен быть продолжен и расширен на новом этапе: «История экспансии немцев на Восток имеет для фашистов актуальное значение, так как она тесно связывается ими с планами их восточной завоевательной политики в настоящем». Таким образом, искаженная трактовка истории немецкими учеными превращалась, по мысли советского автора, в инструмент немецких политиков, которые готовили современную военную агрессию на Восток, «в первую очередь, войну против СССР в целях отторжения от него Украины, Закавказья и других территорий»²⁰.

Последовательно раскладывая по пунктам концепцию «Дранга» своих немецких коллег, Грацианский по ходу дела фактически создавал свою собственную. Важнейшим из этих пунктов являлся тезис о «национальном характере восточной колонизации, выполнявшейся будто бы дружными и согласованными усилиями всего народа»²¹. Отвергая этот тезис, как и все прочие построения своих заочных оппонентов, и обвиняя в вековой агрессии лишь эксплуататорский класс феодалов²², Грацианский, наряду с другими авторами сборника, в итоге создает фактически похожую идеологическую модель. История становится инструментом актуально-политической борьбы, прошлое сохраняет свою значимость и определяет настоящее. Более того, советские авторы, будто не замечая этого, практически выступали с критикуемых ими же идеалистических позиций, прокламируя идею неизменности национального характера: немцы на протяжении всей своей истории ведут захватнические войны, милитаризм неотделим от немецкого национального сознания, агрессивная политика фашистской Германии — логическое продолжение средневековой политики Священной Римской империи германской нации и немецких духовно-рыцарских орденов.

Той же цели — формированию устойчивого стереотипа агрессивной Германии, извечно угрожающей Руси, — служил и вышедший в 1938 г. фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский». Именно этот фильм во многом содействовал укоренению в советском коллективном сознании образов немецкого «*Drang nach Osten*»²³.

Краткий эпизод исчезновения этого понятия из советского курса последовал после подписания пакта Молотова-Риббентропа в 1939 году. Чтобы не раздражать внезапного союзника, любые подобные сюжеты отовсюду настойчиво вытеснялись. Сборник «Против фашистской фальсификации истории» оказался фактически под запретом, фильм «Александр Невский» на два года лег на полку²⁴.

С началом Великой Отечественной войны термин «Drang nach Osten» и соответствующее понимание истории решительно возвратились в советский исторический и общественный дискурс. Вновь стали выходить сборники и брошюры, причем за авторством виднейших историков²⁵. И вновь основной тематический и хронологический упор в историко-идеологической борьбе был сделан на Средние века. Авторы самого значимого сборника — первого выпуска ежегодника «Средние века» Института истории Академии наук — в своем стремлении развернуть «истинную историю средних веков» обрушились не столько на фашистских политиков, сколько на обслуживавших их немецких историков: «Средние века — это излюбленная область кликушеских извращений фашистских “историков”, преследующих политическую цель “приспособления” истории средневековья для обоснования притязаний “Третьей империи” на господство над народами Запада и Востока Европы... Так служит извращенная история средневековья внешнеполитической агрессии и внутригерманской пропаганде германского фашистского империализма»²⁶.

В годы войны на первый план вышла тематика героической и обычно успешной борьбы славянских народов против немецкой агрессии в различные эпохи, причем исследования охватывали все более широкий географический ареал: в качестве жертв и противников немцев выступали уже не только русские, но и западно- и южнославянские, а также прибалтийские народы²⁷.

После войны и победы над Германией актуальность проблематики Дранга нах Остен временно сошла на нет. Но спустя недолгое время, с ходом набиравшей силу «холодной войны», эта концепция, вся суть которой заключалась в противостоянии Запада и Востока, вновь оказалась востребованной. Особенно после подавления Венгерского восстания 1956 г. и в 1960-е гг. концепция Дранг нах Остен окончательно сложилась в жестко зафиксированную схему, обретя обязательный набор сюжетов и образов и стандартный перечень «подходящих» исторических событий. На эти же годы приходится наибольшее количество научных и публицистических публикаций по этой теме²⁸, а также высокая частотность употребления термина в периодической печати. Отдельно следует отметить монументальное десятитомное издание «Всемирная история», выпущенное Государственным издательством политической литературы в 1955—1965 гг.²⁹, и 16-томную Советскую историческую энциклопедию 1961—1976 гг.³⁰ — оба издания сконцентрировали официальный советский взгляд на мировую историю, в обоих проблематике Дранга нах Остен уделено немало места. Наконец, квинтэссенция советской трактовки концепта Drang nach Osten была сформулирована в 1972 г. в соответствующей отдельной статье Большой советской энциклопедии, авторами которой стали два крупнейших специалиста по этой теме В.Д. Королук и В.К. Волков³¹.

В 1970-е гг., с очередным серьезным изменением международного политического климата, понятие «Drang nach Osten» постепенно практически вышло из употребления. «Новая восточная политика» Вилли Брандта и эпоха «разрядки» сделали его неактуальным, а то и нежелательным. Последнее серьезное издание по данной теме, готовившееся коллективом авторов под руководством Волкова, датируется 1977 годом³².

Классическая советская концепция германского *Drang nach Osten* раскладывается на несколько неизменных составляющих. Важнейший момент в понимании этого подхода — хронология. По мнению советских авторов, эта захватническая политика развивалась с VII по XX в.: «Уже первым западнославянским государственным образованиям державе Само, возникшей в VII веке, и Великоморавской державе... пришлось вести тяжелую, кровопролитную борьбу с восточнофранкскими феодалами, одновременно оказывавшими сильный нажим на южных славян. Так с VII века началась германская восточная экспансия...»³³

Соответственно носителями этой политики последовательно являлись германские феодалы, рыцарские ордена, буржуазно-помещичья, а позднее — империалистическая Германия, фашистские агрессоры периода национал-социализма и, наконец, послевоенные западногерманские политики и историки — представители реакционного «Остфоршунга». В наиболее значимый период — Средние века — образ врага включал в себя также и шведских рыцарей, а в отдельных случаях — и датских, а также непременно — Папскую курию³⁴. Католическая церковь прикрывала «захватнические цели немецких феодалов религиозным лозунгом борьбы за “обращение язычников”»³⁵, в то время как «католические монастыри, являвшиеся агентурой германских императоров и феодалов, стремились использовать немецкую колонизацию как свою опору»³⁶. Подчас среди врагов возникали Габсбурги, которые также проводили агрессивную политику и «пытались жестокими репрессиями задушить свободолюбивые стремления южнославянских народов, лишить их национального языка и культуры». В итоге «навязанное народам этих стран господство Габсбургов имело крайне отрицательные последствия для всего их дальнейшего экономического и культурного развития»³⁷.

Таким образом, объектом экспансии в построениях советских авторов оказывались русские, феодальная Русь, позднее — Советский Союз, славянские народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, а в некоторых случаях — и неславянские народы Прибалтики. Отметим, что венгры, на протяжении столетий конфронтировавшие с различными германскими государственными образованиями, а после второй мировой войны вошедшие в, казалось бы, единый, дружественный СССР социалистический лагерь, тем не менее, в данном контексте упоминаются крайне редко и лишь вскользь³⁸.

В рамках дуальной схемы свой-чужой «своими», помимо героического русского народа оказывались и другие славянские народы в их борьбе против «немецкого “Дранг нах Остен”... явно агрессивной, завоевательной политики, направленной на превращение соседних восточных областей в податную территорию»³⁹, а кроме того — народы Прибалтики после войны: «Эстонский и латышский народы еще со времен древнерусского государства были связаны с русским народом. Эта связь прервалась в результате завоевания Прибалтики немецкими крестоносцами и создания там Ливонского ордена... Латышские и эстонские крестьяне искали помощи и защиты от своих феодалов и орденских войск у русских»⁴⁰.

В рамках другого типологического среза, основанного не на национальном разделении, а на марксистско-ленинском понимании

истории, «чужими» являлись императоры, правители и феодалы любых государств, а «своими» — народные массы, крестьяне, трудящиеся⁴¹.

В период феодализма (согласно марксистскому формационному разделению истории) выделялись четыре основные волны германского Дранга: во-первых, вышеназванный период VII—IX вв.; затем в X — начале XI в. — «новый важный этап в развитии восточной экспансии германских феодалов... озаменованный приходом к власти в Германии Саксонской династии, а затем провозглашением в 962 году Германской империи». Далее — вторая половина XII — начало XV вв. — «следующая волна германского “Дранга нах Остен”... когда германским феодалам удалось покорить... территорию, населенную полабо-прибалтийским славянством», когда происходила агрессия Тевтонского ордена против пруссов, а Ордена меченосцев и Ливонского ордена — в Восточную Прибалтику и захват Габсбургами словенских земель. Наконец, четвертая волна — XVI—XVIII вв. — захват Габсбургами Чехии, Словакии, Венгрии и Хорватии, экспансия на Восток Бранденбургско-Прусского государства и разделы Речи Посполитой.

Новая волна Дранга нах Остен относится к периоду капитализма, начиная со второй половины XIX в., включая распространение самого термина, возрождение немецкой агрессивной внешней политики «в условиях формирования буржуазно-националистических концепций». Затем, на рубеже XIX—XX вв., к этой политике добавляется экономическая экспансия Германской империи в страны Восточной и Юго-Восточной Европы, усиление германизации в польских землях Пруссии и, конечно, внешнеполитическая доктрина германского империализма с его осознанной подготовкой первой мировой войны. Само собой разумеется, концепция «Дранг нах Остен» рассматривалась как одна из важнейших составных частей идеологии и политики германского фашизма до и во время второй мировой войны. Наконец, «в завуалированной форме», по мнению советских авторов 1960-х гг., «Дранг нах Остен» был «возрожден некоторыми реваншистскими и милитаристскими кругами ФРГ» и занял прочное место в западногерманском «Остфоршунге»⁴².

Помимо собственно прямых захватов, насильственной колонизации и германизации советская трактовка германского Дранга подразумевала и экономическую, религиозную, языковую, культурную, правовую экспансию, в эту схему включалась и пропаганда идей о расовом превосходстве немцев над славянскими народами⁴³.

Разумеется, всеобъемлюще разработанный концепт не мог обходиться без героев и ярких героических событий. Наиболее значимой оказалась фигура новгородского князя Александра Невского и связанные с ним Невская битва 1240 и Ледовое побоище 1242 годов. Начиная с фильма Эйзенштейна и создания в войну ордена Александра Невского и вплоть до позднейших академических сборников, эти сюжеты прочно вошли в канон тематики, связанной с германским Дрангом. По страницам научных, публицистических, учебных и детских книг кочевали стандартные фразы о том, как «на льду Чудского озера героические русские воины остановили надвигающуюся на Русь волну немецко-рыцарской агрессии, остановили многовековой немецко-рыцарский “Drang nach Osten”, ранее приведший к покорению и порабощению ряда народов Центральной и Восточной Евро-

пы»⁴⁴. Другим подобным событием была признана Грюнвальдская битва 1410 г., в которой также «“Натиск на Восток” германских феодалов был надолго остановлен»⁴⁵.

Обращаясь к современности, советские авторы позднего периода говорили не просто о сохранении Дранга нах Остен в политике современной ФРГ, не разграничивая ее от политики НАТО в целом, но и обвиняли Бонн в «подготовке нового “Дранг нах Остен”», который не исчерпывается экономической экспансией, а «стремится вовлечь в русло антикоммунистической политики и... государства “третьего мира”»⁴⁶. Тем самым, «Натиск на Восток» приобретал уже глобальный характер. Более того, в духе газетных передовиц историки усматривали в концепте «Дранг нах Остен» потенциал к развязыванию новой мировой войны: «Сегодня эти три слова означают угрозу третьей мировой войны, всеобщий атомный пожар, жертвы и разрушения, масштабы которых не в силах себе представить ум человеческий»⁴⁷.

Наконец, последняя, наиболее важная, отличительная черта советской интерпретации проблемы — классовый подход к любым темам и сюжетам. В соответствии с ним советские авторы не только обвиняют в агрессии исключительно правящие классы, разделяя объекты и субъекты экспансии не по национальному, а по классовому принципу, но и «решительно выступают против попыток буржуазно-националистической историографии... представить восточную экспансию Германии как свойство, имманентно присущее немецкой нации, как ее какую-то особую культурную и социально-экономическую миссию на Востоке или ее неотъемлемую черту народа-захватчика». Историки-марксисты постоянно подчеркивали, что «германская восточная экспансия имела классовый характер, служила прежде всего классовым интересам сначала германских феодалов, а затем буржуазии и обуржуазившегося юнкерства и, наконец, интересам империалистических монополий»⁴⁸. Классовая точка зрения позволяла утверждать, что Дранг нах Остен — это «определенная закономерность, существовавшая во все времена многовековой истории отношений между немцами и их восточноевропейскими славянскими соседями, а не спорадические случайные явления»⁴⁹.

Из этого следовало, во-первых, что «“Дранг нах Остен” приобрел различную интенсивность и проявлялся в различных формах в зависимости от того, какой общественный класс играл в данных исторических условиях роль гегемона в немецком государстве»⁵⁰. Во-вторых, Дранг нах Остен, хотя и имеет множество специфических особенностей⁵¹, не является «чем-то совершенно исключительным». Ни по временной длительности процессов, ни по масштабу территориальной экспансии германский Дранг не выделяется принципиально на фоне российской, польской или арабской феодальной экспансии⁵².

И, наконец, «важнейший вывод из анализа исторического прошлого»: если германская восточная экспансия является отражением классовых антагонизмов в немецком обществе, «если она была обусловлена классовыми интересами и служила интересам господствующих классов в период феодализма и капитализма», то вполне логичным представляется вывод, «имеющий принципиально важное значение»: Дранг нах Остен — это не просто «исторически обусловленное», но и преходящее явление. «Возникнув с образованием классового об-

щества, он неизбежно исчезнет с ликвидацией классов и классовых антагонизмов»⁵³. В современных им политических тенденциях Центральной и Восточной Европы советские авторы даже углядывали подтверждение этого оптимистического тезиса.

В 1980-е и 1990-е гг. на повестке дня как в мировой политике, так и в советской (российской) науке стояли совсем иные вопросы. Термин «Дранг нах Остен» однако не исчез окончательно. В XXI в. он вновь вернулся.

При этом налицо удивительная жизнестойкость соответствующей лексики и стиля, словно перешедших напрямую из классических советских работ в самые современные, даже, казалось бы, серьезные научные издания: «Агрессия с Запада вскоре превратилась в последовательную и целенаправленную политику, именуемую “Натиск на Восток” (Drang nach Osten). Противостоять всем этим смертельным угрозам можно было только посредством совокупных усилий, что в свою очередь способствовало... утверждению в народной жизни коллективистского начала. На западе... Руси противостояла враждебная, агрессивна настроенная западноевропейская цивилизация... чрезвычайно напористая и опасная, пожалуй, более, чем угроза с юга и востока»⁵⁴. Эта тенденция охватывает и издания, в целом далекие от политической публицистики: «И сделанный Европой выбор “Вызова” до примитивности очевиден — это снова Россия, ликвидация же коммунизма или сталинизма — это только лозунги, которые скрывают истинную цель Запада: “Drang nach Osten”»⁵⁵. Наряду с этим возникает и новое явление — русскоязычные авторы, выступающие с противоположных позиций: «... этот слишком явный пропагандистский миф не признается честными и объективными историками... Если же говорить о том, что происходило на протяжении долгих веков германской истории, то никакого упорного и коварно задуманного “натиска на восток” не было... Лживое клише о том, что немцы веками осуществляли агрессивную политику “дранг нах остен” с целью истребить или поработить славянские народы, очень опасны, ибо мешают россиянам формировать нормальные отношения со своим соседом...»⁵⁶

При сохранении существующих тенденций очевидно дальнейшее усиление научного и политического интереса к феномену Drang nach Osten. Как представляется, в рамках современной историографии, прежде всего, новой «культурной истории», которая в целом отходит от традиционно черно-белого политизированного видения мира, возникает возможность по-новому взглянуть на концепт Drang nach Osten. Тем важнее представлять себе его исторические, идеологические и научные истоки.

Примечания

1. В вышеназванной форме цитата получила широкое распространение, войдя даже в школьные учебники и детские книги. Оригинальный источник цитирования — фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» (1938). В одной из заключительных сцен фильма князь Александр, отпуская на волю рядовых немецких пленных, обращается к ним с напутственными словами, которые им надлежит запомнить и передать дальше: «Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива. Пусть без страха жалуют к нам в гости. Но если кто с мечом к нам войдет, от

- меча и погибнет. На том стоит и стоять будет Русская земля!» Согласно другому, «параллельному» коллективному мифу, этими словами Александр ответил послам Ливонского ордена, которые после Ледового побоища прибыли к нему в Новгород просить «вечного мира». В действительности, ни одна из сохранившихся летописей не содержит никаких подобных слов князя. Автор этого высказывания — писатель П.А. Павленко, автор сценария фильма «Александр Невский». Ср.: ПАВЛЕНКО П.А. Александр Невский: Киноповесть. Собр. соч. Т. 4. М. 1954, с. 225.
2. В 1905 г.: «Немецкие политические писатели объясняют свой “Drang nach Osten” естественным, физическим законом распространения могучего немецкого организма в направлении наименьшего сопротивления». Немецкий Drang nach Osten в цифрах и фактах. Вена. 1905, с. 7. В 1967 г.: «...германский “Дранг нах Остен” есть непреложный исторический факт». «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М. 1967, с. 4.
 3. Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе. Сб. статей по истории так называемого «Дранга нах Остен». М. 1965.
 4. КОРОЛЮК В.Д. Вступительная статья. В кн.: Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе, с. 5.
 5. Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М. 1964, с. 322.
 6. Большая Советская Энциклопедия. Т. 8. 1972, с. 481.
 7. Ср., например: LEMBERG H. Der «Drang nach Osten» — Mythos und Realität. In: LAWATY A., ORLOWSKI H. (Hgg.) Deutsche und Polen. Geschichte — Kultur — Politik. München. 2003, S. 33—38; TKACZYNSKI J.W. Der «Drang nach Osten». Mythos und Realität eines Schlagwortes — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 45 (1997) H. 1, S. 5—20.
 8. KLACZKO J. Die deutschen Hegemonen. Offenes Sendschreiben an Herrn Georg Gervinus. Berlin. 1849, S. 5—7.
 9. WATTENBACH W. Die Germanisierung der östlichen Grenzmarken des Deutschen Reiches. — Historische Zeitschrift. 1863, № 9, S. 386—417.
 10. SZAJNOCHA K. Jadwiga a Jagiełło, 1374—1413. Т. 1—4. Lwów. 1861.
 11. Из наиболее известных — «Библия панславизма», по выражению К. Хаусхофера. HAUSHOFER K. Geopolitik der Pan-Ideen. Berlin. 1931; ДАНИЛЕВСКИЙ Н.Я. Россия и Европа. СПб. 1871.
 12. Чаше, впрочем, отвергаемых с позиций марксизма: выводить его «из имманентной, якобы неизменной особенности немецкого народа, из его так называемого национального характера было бы равнозначно принятию своеобразной версии расизма». МАРКЕВИЧ В. Проблема «Дранг нах Остен» в оценке современных общественных наук в ФРГ. В кн.: «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран..., с. 217.
 13. Ср. творчество таких публицистов как Теодор Шиман, Пауль Рорбах, Эрнст Ревентлов, Отто Хётч.
 14. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. 2. Aufl. Bd. 2. Leipzig. 1860, S. 1333.
 15. ПОКРОВСКИЙ М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М. 1924; ЕГО ЖЕ. Русская история с древнейших времен. Т. 1—4. М.-Л. 1924—1925.
 16. Цит. по: СВЕШНИКОВ А. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930—1940-х гг. — Новое литературное обозрение. 2008, № 2, с. 86—112.
 17. Цит. по: WIPPERMANN W. Der «Deutsche Drang nach Osten». Ideologie und Wirklichkeit eines politischen Schlagwortes. Darmstadt. 1981, S. 63.
 18. ЗИЛЬБЕРФАРБ И. Фашистские фальсификаторы истории Французской революции. — Историк-марксист. 1939, № 3, с. 72—92; ТАРЛЕ Е.В. Фашистские фальсификаторы истории. — Вестник знания. 1939, № 7—8, с. 2—7; ТИХОМИРОВ М.Н. Борьба русского народа с немецкой агрессией (XII—XIII вв.) — Знамя. 1939, № 3, с. 220—229.
 19. ГРАЦИАНСКИЙ Н.П. Немецкий Drang nach Osten в фашистской историографии. В кн.: Против фашистской фальсификации истории. Сб. статей. М.-Л. 1939, с. 135—153.

20. Там же, с. 135—136.
21. Там же, с. 142.
22. А также римскую курию: «папы больше всего способствовали успеху немецкого Drang nach Osten». Там же, с. 150.
23. Идеологическую поддержку фильму оказывала и сопутствовавшая ему научная и околонучная литература. Наиболее значимой оказалась брошюра А.И. Козаченко. См.: КОЗАЧЕНКО А.И. Ледовое побоище. М. 1938. Автор, при отсутствии соответствующих источников, буквально выдумал ярчайший эпизод сражения — факт оставления в запасе князем Александром скрытного засадного полка и его внезапное нападение на рыцарей в разгар битвы, решившее исход боя. Несмотря на вымысел автора, этот эпизод твердо укоренился в коллективной памяти, вошел в учебники и даже в специальную историческую и военную литературу. См.: ШАСКОЛЬСКИЙ И.П. Письменные источники о Ледовом побоище. В кн.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М. 1966, с. 170.
24. С. Эйзенштейн и автор сценария П. Павленко получили за создание фильма Сталинские премии лишь в 1941 г., после начала войны и нового включения фильма в канон антигерманской пропаганды.
25. БАХРУШИН С.В. Героическое прошлое славян. Ашхабад. 1941; Задачи советской исторической науки в области изучения истории Средних веков. — Средние века. М.—Л. 1942; НЕЧКИНА М.В. Исторические традиции русского военного героизма. М. 1942; ТАРЛЕ Е.В. Гитлеровщина и наполеоновская эпоха. М.—Л. 1942; ХВОСТОВ В. Как германские империалисты однажды уже напобеждали до собственной гибели. Свердловск. 1942.
26. Задачи советской исторической науки в области изучения истории Средних веков. — Средние века. М.—Л. 1942, с. 6.
27. Ср., например: ГРАЦИАНСКИЙ Н.П. Заэльбские славяне в борьбе с немецкой агрессией. — Исторический журнал. 1942, № 8, с. 37—42; ЕГО ЖЕ. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М. 1943; Вековая борьба западных и южных славян против немецкой агрессии. Сб. статей. М. 1944.
28. ХВОСТОВ В.М. Германская экспансия на восток, ее история и идеологические корни. — Новая и новейшая история. 1961, № 3, с. 46—57; БЕШЕНЦЕВ А.В. Военная идеология западногерманских реваншистов. М. 1962; ТУЛЬЧИНСКИЙ М.Р. Адвокаты реванша. Западногерманский «остфоршунг» на службе боннской реваншистской политики. М. 1963; Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе. М. 1965.
29. Всемирная история. Т. 1—10. М. 1955—1965.
30. Советская историческая энциклопедия, т. 5.
31. Большая Советская Энциклопедия, т. 8. с. 481—482.
32. «Дранг нах Osten» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871—1918. М. 1977.
33. КОРОЛЮК В.Д. Вступительная статья. В кн.: Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе, с. 6. Ср. также: «захватническая политика... развивавшаяся с IX по XX вв.». Большая Советская Энциклопедия, т. 8, с. 481.
34. ШАСКОЛЬСКИЙ И.П. Папская курия — главный организатор крестовых походов против Руси. — Исторические записки. Институт истории АН СССР. Т. 37. М. 1951, с. 169—189; ПАШУТО В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. М. 1956.
35. Советская историческая энциклопедия, т. 5, с. 322.
36. Всемирная история, т. III, с. 430.
37. Всемирная история, т. IV, с. 374—375.
38. «... германские императоры потерпели крах и во внешней политике на востоке... крах потерпели попытки Генриха III завоевать Венгерское королевство». Всемирная история, т. III. с. 175—176.
39. САНЧУК Г.Э. Видукинд как идеолог восточной экспансии раннефеодального немецкого государства. В кн.: Славяно-германские культурные связи и отношения. М. 1969, с. 236—237.
40. Всемирная история, т. IV, с. 488—489.

41. «Для народных масс стран Юго-Восточной Европы господство Габсбургов было двойным бедствием. Своими жестокими расправами и репрессиями Габсбурги не только подавляли свободное национальное развитие народов, но и стремились подорвать силу сопротивления эксплуатируемых масс усиливавшемуся гнету иноземных и своих феодалов... Ведя борьбу с немецкими феодалами, трудящиеся массы Эстонии и Латвии видели в русском народе своего союзника, а в присоединении к России Прибалтики — возможность своего дальнейшего экономического и культурного развития». — Там же, с. 374—375, 488—489.
42. КОРОЛЮК В.Д. Ук. соч., с. 6; Большая Советская Энциклопедия, т. 8, с. 481—482.; Всемирная история, т. VII, с. 71, 411.
43. Ср., например: НОВАК З. Экономические условия и идеология «Дранг нах Остен». В кн.: «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран..., с. 211—216.
44. ШАСКОЛЬСКИЙ И.П. Ук. соч., с. 170—171.
45. Всемирная история, т. III, с. 714.
46. ВОСЛЕНСКИЙ М.С. Реваншистская восточная политика ФРГ и «Остфоршунг» (1949—1965). В кн.: «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран..., с. 66.
47. КОРОЛЮК В.Д. Ук. соч., с. 6.
48. ЕГО ЖЕ. «Дранг нах Остен» и историческое развитие народов стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в период феодализма. В кн.: «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран..., с. 4.
49. МАРКЕВИЧ В. Ук. соч., с. 217.
50. Там же.
51. Наиболее своеобразная черта, проявившаяся в период империализма, — «что Германия в отличие от других великих держав стремилась не только к колониальной экспансии, но и к захвату земель соседних восточноевропейских народов. Эта особенность... наложила отпечаток на развитие всех народов Восточной Европы...» ВОЛКОВ В.К. Основные этапы развития славяно-германских отношений в XIX—XX вв. в свете германской империалистической политики «Дранг нах Остен». В кн.: Исследование по славянско-германским отношениям. Сб. статей. М. 1971, с. 3.
52. КОРОЛЮК В.Д. «Дранг нах Остен» и историческое развитие народов..., с. 4—5.
53. Его же. Вступительная статья, с. 17—18.
54. ФРОЯНОВ И.Я. О некоторых особенностях русской истории. — МНЕМОН. Санкт-Петербургский государственный университет. Исторический факультет. СПб. 2013, с. 507—508.
55. ТИТЕНКО И. Евросоюз: сквозь призму прошлого. — Москва. 2010, № 11, с. 184.
56. БЕТЦ В. А был ли «дранг нах остен»? — Ost-West-Panorama. 2012, № 2.

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

Треугольник Москва-Вашингтон-Бонн в конце 60-х— начале 70-х гг. XX в.

А.М. Филитов

Аннотация. В статье исследовано взаимодействие советской, американской и западногерманской дипломатии по вопросам европейской и глобальной разрядки. На основании анализа широкого круга опубликованных и архивных документов автор прослеживает процесс постепенного сближения позиций Москвы и Бонна, а также противоречивую реакцию на него со стороны Вашингтона, в которой, в частности, отражалась обеспокоенность администрации Никсона перспективами развития советско-западногерманского экономического сотрудничества.

Ключевые слова: разрядка, «новая восточная политика» ФРГ, Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), Л.И. Брежнев, Р. Никсон, Г. Киссинджер, В. Брандт, А.А. Громыко, Э. Бар, В.М. Фалин.

Abstract. The article highlights the interaction of Soviet, American and West German diplomacies on the issues of the European and global détente. By the analysis of the wide range of published and archival documents the author traces the process of the gradual rapprochement between Moscow and Bonn, as well as Washington's controversial reaction to it, featuring in particular the uneasiness of Nixon's administration over the prospects of Soviet-West German cooperation in the economic field.

Key words: détente, FRG «new Eastern policy», Non-Proliferation Treaty (NPT), Moscow Treaty, Brezhnev, Nixon, Kissinger, Brandt, Gromyko, Bahr, Falin.

К середине 60-х гг. XX в. стали складываться элементы новой системы международной безопасности. Речь шла об ограничении гонки ядерных вооружений, признании существующего status quo в Европе, а также развитии экономического сотрудничества между странами, принадлежащими к противоположным военно-политическим блокам.

Первоочередной характер имела ядерная проблема. Карибский кризис 1962 г. оказал отрезвляющее влияние на лидеров СССР и США — главных антагонистов холодной войны. Обе стороны осознали реальную угрозу мировой термоядерной войны, в которую могла вылиться неконтролируемая эскалация международной напряженности. Кроме того, существовала опасность того, что сама эта эскалация может быть вызвана действиями «младших партнеров» двух сверхдержав без учета интересов последних, а то и вопреки им. Особенно

Филитов Алексей Митрофанович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

актуальной эта опасность могла стать, если бы у этих «младших партнеров» обнаружили желание и возможность получить собственное ракетно-ядерное оружие и таким образом разбалансировать систему взаимного ядерного сдерживания двух военных блоков. Общая озабоченность этой опасностью привела к заключению 5 августа 1963 г. Договора о запрещении ядерных испытаний в трех сферах (ДЗЯИ), а затем, 1 июля 1968 г., — Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Режим нераспространения ядерного оружия, став одним из достижений разрядки конца 1960-х гг., сохраняет и поныне свое значение в качестве одного из существенных элементов международной безопасности. Достаточно сказать, что к настоящему времени 126 государств мира являются членами ДЗЯИ, а 190 — ДНЯО. Вместе с тем, нельзя сказать, что процесс всеобщего международного признания этих Договоров был простым и бесконфликтным. Долгое время отрицательное отношение к ним проявляли два постоянных члена Совета безопасности ООН — Франция и Китай (обе державы лишь в 1992 г. присоединились к ДНЯО, а к ДЗЯИ не присоединились до сих пор); за пределами режима нераспространения и поныне остаются, среди прочих, такие страны, как Индия, Пакистан, Израиль. Мотивы, которыми в данном случае руководствовались и руководствуются эти государства, различны, и их рассмотрение не входит в цели данного исследования¹. Отметим лишь, что для международной безопасности в период перехода к разрядке, обозначившегося к концу 1960-х гг., их особая позиция в отношении указанных договоров не имела существенного значения, поскольку не эти государства представляли собой тот источник угрозы, нейтрализовать которую призваны были эти первые международные договоренности по ядерной проблеме. Главным источником такой угрозы в 60-х гг. XX в. была Западная Германия, именно ее «рывок к атомному оружию»² был пресечен этими договоренностями. Тем самым был сделан решающий шаг к той системе безопасности, на которой в значительной степени покоится современный мир.

Консенсус относительно необходимости обуздать претензии ФРГ на доступ к ядерной кнопке возник далеко не сразу. Ноты протеста, с которыми правительство СССР реагировало на планы оснащения бундесвера атомным оружием, объявлялись «коммунистической пропагандой», а сторонники движения «Против атомной смерти» в самой ФРГ, которое развернулось с весны 1958 г., — жертвами этой пропаганды. На самом деле имела место специальная кампания официального Бонна по сокрытию своих реальных замыслов, жертвами которой становились даже достаточно высокопоставленные политики. Характерен в этом отношении фрагмент из воспоминаний Эгона Бара — одного из архитекторов «новой восточной политики» ФРГ. После образования правительства «большой коалиции», в котором лидер западногерманских социал-демократов Вилли Брандт стал вице-канцлером и министром иностранных дел, а Бар — руководителем отдела планирования МИД, последний следующим образом описал свои первые впечатления: «Когда американцы передали нам предложенный Советами предварительный текст договора ДНЯО, охарактеризовав его практически как “приемлемый”, у некоторых в министер-

стве это вызвало ужас. Наш посол в НАТО, Вильгельм Греве, нервно телеграфировал: предложение “абсолютно неприемлемо” и на него вообще реагировать следует лишь после того, как альянс решит свои ядерные проблемы». Как отмечал Бар, среди западногерманских дипломатов распространилось мнение, что «у американцев, выходит, больше общего с Советами, чем со своими союзниками». О мотивах панической реакции своих коллег он написал вполне определенно: «Ныне трудно в это поверить, но тогда один из обеспокоенных чиновников так обозначил замыслы противников договора: “ФРГ не должна закрывать себе навсегда путь к собственному атомному вооружению”. Во главе этой группы противников договора стоял уполномоченный Федерального правительства по разоружению посол Свидберт Шниппенкоттер, личность недюжинного интеллекта, хорошо владевший и пером, и языком, и манерами, и при этом отличавшийся полным отсутствием лояльности к министру и завидным упорством в достижении своих целей... Когда раньше Советы утверждали, что ФРГ имеет какие-то затаенные ядерные амбиции, я это воспринимал как пропаганду. Оказавшись в министерстве, я пришел к выводу, что они были правы»³.

Это высказывание, откровенное и честное, все же оставляет впечатление некоторой недосказанности, поскольку Бар не определяет собственного отношения к тезису о том, что в вопросе о ДНЯО у США было «больше общего с Советами, чем со своими союзниками». Эта проблема, в самом деле, не такая уж простая — равно как и более общая, касающаяся взаимоотношений и взаимодействия трех главных участников процесса европейской разрядки на рубеже 60—70-х гг. XX в. — СССР, США и ФРГ. Эти проблемы лишь в незначительной степени стали предметом специального исторического анализа⁴. Ранее это было связано с дефицитом первоисточников. С появлением фундаментальной публикации о советско-американских отношениях того периода, осуществленной совместно МИД РФ и Госдепартаментом США⁵, а также соответствующих томов «Документов внешней политики Федеративной Республики Германии»⁶ положение кардинальным образом изменилось. Имеющиеся там документы, дополненные теми, что отложились в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), и послужили основой для написания данной работы.

Если говорить о проблематике ДНЯО, то она была затронута уже в самой первой беседе только что вступившего на свой пост новоизбранного президента США Р. Никсона с советским послом А.Ф. Добрыниным, которая состоялась 17 февраля 1969 года. Согласно советской записи беседы, Никсон заявил, что «он приложит все усилия к скорейшей ратификации договора о нераспространении ядерного оружия американским сенатом». Он надеется, что США ратифицируют договор в следующем месяце, и заявил, что «во время своей поездки по Западной Европе намерен убеждать правительства тех западноевропейских стран, которые еще не подписали этот договор»⁷. В ходе последовавшей беседы Добрынина с внешнеполитическим советником президента Г. Киссинджером, которая состоялась 21 февраля 1969 г., последний выразился по данному вопросу более конкретно: «Главный же вопрос в настоящее время, как мы понимаем, — это

отношение к договору со стороны ФРГ... Президент во время своей поездки намерен использовать в Бонне все свое влияние с тем, чтобы убедить правительство ФРГ подписать договор». Такое высказывание вполне могло бы удовлетворить советскую сторону, если бы не последующая «добавка» к нему: «Однако обращение президента, продолжал Киссинджер, имело бы большой успех, если бы советское правительство сочло возможным сделать в ближайшее время разъяснение, в котором в какой-то форме был бы снят спорный вопрос о возможности применения к ФРГ положений, предусматривавшихся в статьях 53 и 107 Устава ООН» ⁸.

Упомянутые положения Устава ООН предусматривали возможность «принудительных действий» без санкции Совета Безопасности, то есть в обход возможного вето, в отношении бывших «вражеских государств» в случае «возобновления агрессивной политики» с их стороны. В обстановке обострения чехословацкого кризиса летом 1968 г. правительству ФРГ было сделано напоминание о том, что эти статьи сохраняют свою силу. Это напоминание имело своей очевидной целью несколько охладить горячие головы в Бонне, развернувшие тогда жесткую антисоветскую и порой прямо-таки реваншистскую кампанию. Вопрос об эффективности этого демарша мы оставляем в данном случае за скобками — равно как и вопрос об оправданности для разрешения кризиса такой жесткой акции, как ввод войск Варшавского договора в ЧССР. Как бы то ни было, после ее проведения, на которое официальный Бонн отреагировал довольно сдержанно, без нагнетания антисоветской истерии, в советской дипломатической практике ссылки на эти статьи Устава ООН прекратились, зато эта ставшая неактуальной проблема стала активно муссироваться как предлог для торпедирования ДНЯО. Во время беседы, состоявшейся между министрами иностранных дел СССР и ФРГ в Нью-Йорке во время сессии ООН 8 октября 1968 г., В. Брандт заявил, что имеет место «такое толкование некоторых статей Устава ООН, согласно которому Советский Союз якобы имеет право вооруженным путем вмешиваться в дела ФРГ», и оно «поставило нас перед существенными трудностями» в решении вопроса о присоединении к ДНЯО. Министр иностранных дел СССР А.А. Громыко решительно отверг эту аргументацию: «Что касается упоминания с нашей стороны двух статей Устава ООН, то это упоминание ничего не добавило к существующему положению и ничего не убавило от него. Эти статьи были и есть в Уставе ООН. Напрасно вокруг этого в ФРГ решили пошуметь. Лучше подойти ближе к реальности и не создавать искусственных осложнений» ⁹.

Это замечание было должным образом оценено западногерманской стороной. 15 января 1969 г. Бар представил Брандту меморандум, в котором был намечен устраивавший обе стороны компромисс. Имелось в виду прекратить бесплодную дискуссию относительно толкования Устава ООН, а вместо этого предложить советской стороне выступить с заявлением, что положения ДНЯО в равной степени будут относиться ко всем его участникам и не будет допущено дискриминации в отношении какой-либо из стран-участниц, включая ФРГ ¹⁰. Именно такое заявление было сделано послом СССР в ФРГ С.К. Царапкиным в ходе беседы с Брандтом 6 февраля 1969 года ¹¹. Налицо своеобразная историческая загадка: то ли Бар подска-

зал идею советскому дипломату, то ли наоборот, то ли они выработали ее совместно (вариант возникновения ее у обоих независимо друг от друга, пожалуй, наименее вероятен). Как бы то ни было, проблема была решена. Согласно немецкой записи беседы, Брандт расценил советскую инициативу как выражение «определенного продвижения навстречу друг другу в сфере политики».

Возвращаясь к обсуждению проблемы ДНЯО между Киссинджером и Добрыниным на встрече 21 февраля 1969 г., отметим, что последний решительно отверг попытку «увязки» ее с тем или иным толкованием Устава ООН. «Это — искусственная постановка вопроса, нарочно подбрасываемая теми в Бонне, кто не хочет подписывать договор», — заявил он, упомянув и разъяснения, данные Громыко Брандту в Нью-Йорке, и «исчерпывающее заявление» Царапкина от 6 февраля, «которое Брандт воспринял положительно». Завершая диалог по данной теме, Киссинджер «в полушутливой форме заметил, что им немцы говорят совсем другое, но тут же добавил, что сам Никсон по собственной инициативе не собирается поднимать в Бонне вопроса об этих статьях Устава ООН»¹².

Запись его беседы один на один с канцлером К.-Г. Кизингером, состоявшейся 26 февраля 1969 г., свидетельствует однако об ином: «президент выразил ту точку зрения, что немецкой стороне потребуются заверения со стороны Советского Союза по поводу некоторых положений Устава ООН»¹³, — как будто не было соответствующего заявления советского посла министру иностранных дел ФРГ, сделанного двадцатью днями раньше. Конечно, можно высказать предположение, что Брандт не проинформировал об этом заявлении главу своего правительства, а Киссинджер — своего президента, однако и то, и другое представляется весьма маловероятным. Между тем, в беседе с Добрыниным по результатам поездки Никсона в Европу Киссинджер фактически дезинформировал собеседника, заявив, что американцы «не очень убеждены» в необходимости дальнейших «разъяснений» с советской стороны и «говорили об этом в Бонне». Советский посол, впрочем, не дал себя успокоить этими фразами, заявив, что «США, если они действительно заинтересованы в договоре, должны оказывать все необходимое давление на ФРГ, чтобы обеспечить подписание ею этого договора и прекратить нынешнюю тактику Бонна на затяжку этого дела». Собеседник заверил его в том, что «администрация Никсона будет работать в этом направлении»¹⁴. И снова слова разошлись с реальностью. В доверительной беседе с заместителем пресс-секретаря правительства ФРГ К. Алерсом 11 апреля Киссинджер, говоря о присоединении ФРГ к ДНЯО, заявил, что в данном вопросе «американцы в любом случае не будут оказывать давления»¹⁵. Надо сказать, что именно такой прогноз американской политики давал посол Бонна в Вашингтоне Паулс, — и он не ошибся¹⁶.

Возникает вопрос о мотивах такого противоречия в позиции США: с одной стороны, признание ценности и необходимости ДНЯО, с другой — фактический саботаж его вступления в силу, поскольку, разумеется, без подписи ФРГ договор в значительной степени терял свой смысл. Посол Добрынин указывал в этой связи на два обстоятельства: «Новая администрация США, помимо нежелания ссориться сейчас с Бонном, видимо, также не прочь сохранить пока этот воп-

рос (как и вопрос о советско-американских переговорах по стратегическим вооружениям) в качестве своего рода предмета «для торга» с нами по другим политическим вопросам»¹⁷. Первое объяснение весьма сомнительно: в Бонне не было единства по вопросу ДНЯО, о чем американская сторона была хорошо осведомлена и о чем информировала (в данном случае вполне корректно) советского партнера. Соответственно, «ссориться» можно было только с ультра типа Штрауса (с которым у американцев имелись «тесные личные связи» и, следовательно, эффективные средства воздействия на него¹⁸). Гораздо более весом второй аргумент: тенденция к беспринципному торгу действительно была характерной чертой американской внешней политики. Технически это воплощалось в практике всевозможных «увязок» никак не связанных между собой вопросов. Помимо спекуляций вокруг статей Устава ООН, аналогичную роль играла проблема статуса Западного Берлина (эту тему мы также выносим за рамки данной работы; она заслуживает специального исследования¹⁹). В конечном счете, можно сказать, что американскую дипломатию постигла неудача. Новое правительство социал-либеральной коалиции ФРГ во главе с Брандтом, пришедшее к власти после сентябрьских выборов 1969 г., отринув всяческие оговорки и «увязки», 28 ноября присоединилось к ДНЯО. Правда, посол ФРГ в СССР Аллардт попытался при церемонии подписания вручить советской стороне некий документ, в котором в очередной раз заявлялось о непризнании другого германского государства и подтверждалась претензия ФРГ на единоличное представительство всех немцев. Инцидент удалось урегулировать с большим трудом²⁰.

Неудачный демарш западногерманского посла высветил еще одну кардинальную проблему, отягощавшую международный климат. Речь шла о необходимости международно-правового признания территориальных изменений в Европе, произошедших после второй мировой войны. Только на такой основе могла быть создана новая архитектура безопасности в Европе. Имелось в виду признание не только новой западной границы Польши по линии Одер-Нейссе, но и границы между двумя германскими государствами, что означало фактически признание равноправного и не ограниченного по времени сосуществования двух социально-политических систем на немецкой земле и в Европе в целом. Позиция западной стороны была неоднозначной. Если в отношении западной границы Польши постепенно складывался консенсус, то проблема границы между ГДР и ФРГ оставалась своего рода табу. Более того, уступки в отношении Польши рассматривались некоторыми весьма авторитетными представителями западного истеблишмента как предпосылка ее отхода от общей политики стран Варшавского договора, общей эрозии «восточного блока», изоляции ГДР и конечного ее поглощения Западной Германией²¹. Если говорить о позиции Бонна, то канцлер Кизингер придерживался старого, аденауэровского лозунга о «границах 1937 года». Что же касается его партнера по коалиции и министра иностранных дел Брандта, то в прошлом он испытывал определенные колебания в отношении признания как границы по Одер-Нейссе, так и особенно границы по Эльбе и Верре. Однако к концу 1960-х гг., не без влияния со стороны трезво мыслящих политиков из его окружения (в первую очередь,

того же Бара), Брандт пришел к выводу о тщетности попыток ревизовать сложившиеся в Европе политические реалии. Именно на этой основе им была инициирована миссия Бара в Москву, целью которой было заключение советско-западногерманского договора о взаимном неприменении силы на основе признания территориального и социально-политического *status quo* в Европе.

Переговоры в Москве, имевшие место в январе-мае 1970 г., шли трудно. В данном исследовании нас интересует позиция и роль США в отношении проблем, являвшихся предметом советско-западногерманского диалога. Впервые они стали обсуждаться в ходе беседы между Добрыниным и Киссинджером 18 февраля 1970 года. Советский посол запросил объяснений в связи с высказываниями Никсона в его послании конгрессу, фактически означавшими потворство реваншистским силам («мы можем видеть в 1970 году, что нет статус кво, единственное, что постоянно — так это неизбежность перемен»). Киссинджер заверил собеседника, что «президент Никсон исходит из незыблемости нынешних европейских границ», однако правительство США «не может торжественно заявить об этом публично, т.к. есть юридические трудности, связанные с отсутствием мирного договора с Германией». Помимо этого, «в отличие от предыдущего категорического заявления об общих европейских границах, правительство США не может точно так же заявить о границе между ГДР и ФРГ, исходя главным образом из учета позиции своего союзника — ФРГ». Поясняя этот тезис, американский представитель выдвинул следующую аргументацию: если западным немцам «станет известно, что мы заявили советской стороне, что США исходят из факта не только существования, но и незыблемости границы между ФРГ и ГДР, то между США и ФРГ возникнут значительные политические трения. Только этим и объясняется изложенная выше позиция администрации в отношении границы между ФРГ и ГДР». На это со стороны советского посла последовала реплика: «... Правительству ФРГ давно пора признать реальность, а не жить в мире иллюзий... правительство США оказывает западным немцам плохую услугу, поддерживая эти иллюзии». На этот довод Киссинджер не ответил, сделав неожиданное заявление, что высказывание Никсона против *status quo* вообще «относится не к границам, а лишь к взаимоотношениям между США и их западноевропейскими союзниками»²².

Прежде, чем давать оценку изложенной Киссинджером позиции США по германскому вопросу, приведем его собственную версию состоявшегося обмена мнениями. Американские записи советско-американских бесед, как правило, короче и порой опускают многие весьма существенные из обсуждавшихся вопросов (в частности, в них практически не отражена рассмотренная выше тематика ДНЯО), но в данном случае речь идет о различии не только в объеме записи, но и в ее содержании. Причем это различие кардинально. Приведем полностью соответствующий отрывок из нее:

«... Добрынин поинтересовался фразой послания (Никсона), в которой говорилось, что сегодня в мире единственное статус-кво — это факт перемен. Означает ли это, что мы не признаем больше существующие разграничительные линии в Европе? Я ответил, что странно для марксиста утверждать, будто такая фраза создает какие-

то трудности, ведь в конечном итоге вся марксистская теория основывается на теории историзма. Добрынин улыбнулся и сказал, что в Европе мы подрываем существующий статус-кво. Я сказал, что необходимо проводить различие между существующими разделительными линиями и существующими границами в Европе. Мы, конечно же, признаем все существующие государственные границы, но не признаем границу Восточной Германии как государственную. Разумеется, это не означает, что мы будем поддерживать использование или угрозу применения силы в этом вопросе.

Добрынин ответил, что такое объяснение вполне устраивает Советский Союз...»²³

Возникает вопрос, какая из версий ближе к тому, что говорилось собеседниками на самом деле. Вполне вероятно, что Киссинджер действительно сделал некий экскурс в теорию марксизма, который его собеседник вполне обоснованно счел не относящимся к делу, никак на него не отреагировал и потому даже не счел нужным упомянуть в своей записи. Возможно, с американской стороны действительно употребили термин «Восточная Германия» вместо ГДР. С другой стороны, совершенно исключено, что советского посла могло устроить заявление, что нет никакой границы между двумя германскими государствами, а есть некая «разграничительная линия». Более того, можно предположить, что Киссинджер намеренно изложил свою позицию в утрированно жестком виде, тогда как запись Добрынина более соответствует имиджу довольно гибкого дипломата, каким был его американский собеседник. Тем более, что ссылки на союзнические обязательства как ограничитель политики США, были стандартным приемом аргументации, которую он применял ранее в отношении проблематики ДНЯО. Различие было в том, что тогда на словах давалось обещание оказывать «давление» на ФРГ, а в данном случае и такого обещания не было — даже если исходить из более «мягкого» варианта высказываний американского представителя.

В этой связи весьма спорной следует считать точку зрения, высказанную в одной из первых работ, освещавших «новую восточную политику» ФРГ, — будто решающий прорыв в переговорах Бара в Москве произошел после визита Брандта в США в апреле 1970 г., в ходе которого, якобы, выяснилось, что администрация Никсона «одобряет» его политику²⁴. Прорыв в переговорах между СССР и ФРГ был вызван, как представляется, не какими-то сдвигами в американо-западногерманских отношениях, а важной уступкой советской стороны, согласившейся принять к сведению «Письмо о немецком единстве»; в котором западногерманская сторона зафиксировала свою точку зрения о том, что заключение договора между двумя странами не противоречит цели объединения Германии по западной модели. В свою очередь, делегация ФРГ обязалась воздержаться от повторения того спектакля, которым сопровождался акт присоединения ФРГ к ДНЯО (действительно, в день подписания Московского договора 12 августа 1970 г. указанное «Письмо» не фигурировало на официальной церемонии, а без всякой огласки было сдано посольским курьером в экспедицию МИД)²⁵.

Несмотря на компромиссный характер Московского договора, он вызвал яростное сопротивление со стороны реваншистских сил в

ФРГ, что обусловило задержку его ратификации почти на два года. Как и в случае с ДНЯО, американские официальные лица утверждали, что они крайне заинтересованы в этой ратификации и прилагают все усилия, чтобы воздействовать на правительство ФРГ. Однако на деле в ход шла все та же игра с «увязками», которая имела место и ранее. Поначалу от советской стороны требовали уступок по Западному Берлину, а после того, как в сентябре 1971 г. соглашение по этому вопросу было достигнуто, на первый план вышли проблемы, связанные с вьетнамским урегулированием. Характерный пример: 22 апреля 1972 г. состоялась беседа Л.И. Брежнева с Киссинджером. Брежнев заявил: «Мне хотелось бы высказать пожелание, чтобы и сейчас, в этот решающий момент для правительства Брандта и ФРГ²⁶, Никсон и его администрация предприняли какие-то новые значительные шаги в пользу ратификации». Киссинджер занял уклончивую позицию: может быть, правительство Брандта падет, а может быть, нет, и сообщил: «Говоря конфиденциально, мы уже кое-что сделали, чтобы помочь коалиции». В качестве доказательства он привел визит Бара в Вашингтон, однако, понимая, что сам по себе факт визита мало что значит, добавил: «Мне хотелось бы говорить с Вами честно. Мы договорились с Баром о том, что направим ему конфиденциальный меморандум, чтобы он мог его использовать в интересах ратификации. Однако из-за событий во Вьетнаме, это было в начале апреля, и ввиду обстановки внутри США этот меморандум послан не был. Сейчас мы, однако, посмотрим, что можно сделать, что еще можно будут сделать, чтобы помочь ратификации до голосования 4 мая»²⁷.

Намек был вполне ясен: Москва должна «надавить» на Ханой, чтобы он проявил больше уступчивости, и тогда Вашингтон что-то предпримет в отношении Бонна. Кстати сказать, американская запись этой беседы в данном случае отличается от советской только в нюансах: советский лидер в ней предупреждает, что «у президента еще есть 24 часа, чтобы что-нибудь предпринять», и констатирует: «С Вами (с Киссинджером) нелегко договориться», тот выражает желание «получить от Вас (от Брежнева) кредит доверия» и «просить для себя уступок», на что Брежнев «кредит доверия» обещает, а просьбу об «уступках» оставляет без ответа²⁸.

В своем докладе президенту о переговорах в Москве, датированном 24 апреля, Киссинджер отбрасывает все дипломатические тонкости и излагает позиции сторон вполне откровенно: «При обсуждении европейских вопросов Брежнев и его коллеги проявляли явную озабоченность по поводу того, что будет с германскими договорами, и неоднократно подталкивали нас к прямому вмешательству. Результаты воскресных выборов и провал СвДП усилили их озабоченность, так что сложившаяся ситуация дает нам определенные рычаги. Я не обещал выручить их и подчеркнул, что мы действительно были готовы оказать им содействие, используя Бара, но не сделали этого из-за наступления, предпринятого северовьетнамцами. Мы позаботимся о том, чтобы они не получили от нас поддержки по данному вопросу, пока не помогут по Вьетнаму»²⁹.

Очередная попытка применения принципа «увязки» в очередной раз не сработала. «Восточные договоры» были спасены не благодаря американской поддержке (которая, как это следует из откровений

Киссинджера, ставилась в зависимость от заведомо невыполнимых условий ³⁰), а в результате провала 27 апреля 1972 г. направленного против Брандта вотума недоверия. После этого дорога к ратификации была по существу открыта, хотя советско-американская дискуссия по этому вопросу продолжалась в старом ключе: советская сторона требовала активного воздействия на политиков ФРГ в пользу ратификации, американская всячески от этого уклонялась. В результате вопрос о ратификации был решен существенной уступкой оппозиции со стороны правительства: бундестаг принял межфракционную декларацию, которая существенно ослабляла антиреваншистскую направленность договоров. Они были ратифицированы 17 мая 1972 г. голосами депутатов коалиции СДПГ и СвДП; депутаты оппозиции воздержались.

Если в политической области позиция США в отношении «восточных договоров» может быть охарактеризована в лучшем случае как пассивная, то в экономической сфере о пассивности не было и речи. Имела место активная борьба за всемерное ограничение складывавшегося экономического сотрудничества между СССР и ФРГ. Об этом убедительно свидетельствует история четырех крупных проектов, которые стояли в повестке дня двусторонних переговоров в конце 60-х — начале 70-х годов XX века.

Самым успешным оказался проект «Газ — трубы», соглашение о реализации которого было подписано в Эссене (ФРГ) 1 февраля 1970 года. В это время как раз начиналась миссия Бара в Москве, и он не преминул сослаться на это событие для подтверждения своей доброй воли по отношению к советским партнерам. Для этого он имел все основания. Именно его меморандум от 25 июля 1969 г. ³¹ существенным образом продвинул завязавшиеся переговоры между западногерманскими фирмами и советскими внешнеторговыми организациями, в ходе которых довольно быстро были согласованы все конкретные положения этого проекта. Думается, сама быстрота этих переговоров не дала возможности вмешаться в них извне. Тем острее и враждебнее была реакция со стороны союзников ФРГ, когда стали известны детали соглашения. Дело в том, что ставки по кредитам для поставки в СССР труб большого диаметра (а такие поставки были условием осуществления проекта) были согласованы на уровне ниже тех, которые регламентировались для отношений со странами «восточного блока» действующим в рамках НАТО брюссельским «Комитетом по кредитам». «Реакция наших тамошних партнеров была необычайно резкой», — констатировал чиновник, представлявший ФРГ в этом органе ³². Отход от дискриминационной практики в отношении СССР был клеймен чуть ли не как преступление против «атлантической солидарности». Не в силах изменить условия газового соглашения, «атлантисты» поставили западным немцам по сути ультиматум: они никогда больше не должны заключать сделки с СССР на таких благоприятных для него условиях и без согласования с партнерами, среди которых главным, конечно, являлись США.

Угроза подействовала, что сказалось на судьбе другого крупного проекта, обсуждавшегося СССР и ФРГ в конце 60-х — начале 70-х годов. Речь идет об участии западногерманских фирм «Мерседес-Бенц / Даймлер-Бенц» в строительстве завода по производству боль-

шегрузных автомобилей в Набережных Челнах. Первые контакты в связи с этим проектом завязались во время посещения международного автосалона во Франкфурте-на-Майне министром автомобильной промышленности СССР А.М. Тарасовым в сентябре 1969 года. Западногерманские промышленники обратились к своему правительству с выражением заинтересованности в налаживании сотрудничества с СССР и запросили поддержку с его стороны в виде «какого-либо политического демарша». Такая поддержка была обещана, и ее решено было оказать через того же Бара в обход посольства (официальным мотивом было названо желание избежать «излишних формальностей», однако скорее всего учитывался общий ретроградно-конфронтационный настрой посла Аллардта, который ярко проявился при подписании ДНЯО). Если судить по заметкам самого Бара о его московской миссии, то он лишь однажды, в начале беседы с Громыко 6 февраля 1970 г., затронул эту тему, причем в самой общей форме («я выразил надежду, что переговоры советских организаций с Мерседесом приведут к положительному результату. Это, во всяком случае, соответствовало бы пожеланиям Федерального правительства») ³³. В советской записи бесед эти фразы Бара отсутствуют; их, видимо, сочли чистой риторикой, не свидетельствующей о продвижении к какому-либо реальному результату. Особого прогресса в этом вопросе не было достигнуто и в ходе бесед на высшем уровне, которые велись после подписания Московского договора. «С советской стороны проект с Мерседесом по грузовикам рассматривается как своего рода тест — так Брандт формулирует свое «впечатление» от этих бесед с советскими руководителями, имея в виду «тест» на надежность ФРГ как партнера. Его вывод однозначен: «Мы должны предпринять все усилия, чтобы добиться позитивного результата с этим проектом — причем, не теряя времени» ³⁴.

Однако такого мнения в возглавляемом им правительстве придерживались далеко не все, и, более того, его оппоненты оказались сильнее. Свидетельством тому — отрывок из протокола заседания кабинета, на котором обсуждалась судьба проекта, приведенный в меморандуме ответственного чиновника МИД ФРГ фон Брауна от 27 августа 1970 г.: «В заключение федеральный министр Эпплер поднял вопрос, не следовало бы ли сперва установить контакт с американцами, поскольку они до нас проявляли интерес к этому заводу по производству грузовиков, и если этим займутся немцы, то это в США было бы плохо воспринято... Было решено, что следует повременить до тех пор, пока по этому вопросу не выскажутся американцы» ³⁵.

Неудивительно, что новый визит Тарасова в ФРГ, который состоялся 21—30 сентября 1970 г., и в ходе которого предполагалось принять окончательное решение по данному вопросу, кончился ничем, а в официальных боннских кругах проект безапелляционно объявили «совершенно и абсолютно незрелым» ³⁶. Явную незрелость проявили в данном случае боннские политики, решившие покорно отдать решение вопроса, касающегося двусторонних отношений с их восточным партнером, на откуп США, которые, кстати, свою выгоду не упустили и удачно перехватили контракт. В одной из бесед Добрынина с Киссинджером (28 мая 1971 г.) последний сообщил о готовности американской стороны осуществить поставку в СССР «ма-

шинного оборудования для производства грузовиков на общую сумму 65 млн долларов»³⁷.

Еще один пример упущенной выгоды для ФРГ в результате слишком трепетного стремления «не обидеть» старшего партнера — история с проектом поставки обогащенного урана из СССР для атомных электростанций ФРГ. История эта тем более показательная, что она опровергает аргументы противников ДНЯО в ФРГ о якобы дискриминационном характере этого договора, противоречащем развитию «мирного атома». Примечательно в этой связи, что впервые о принципиальной готовности Советского Союза осуществлять такие поставки государствам, подписавшим ДНЯО, было заявлено еще в октябре 1969 г., когда шли последние баталии вокруг вопроса о присоединении ФРГ к режиму нераспространения. Дело не ограничилось обещаниями: в марте 1970 г. представители советского внешнеэкономического объединения «Техснабэкспорт» начали во Франкфурте-на-Майне переговоры по этому вопросу с «Урановым обществом» ФРГ, а в мае того же года был представлен конкретный проект соглашения. Официальная реакция последовала с большой задержкой в виде предназначенного для внутреннего пользования меморандума от 17 сентября 1971 г. (к этому времени СССР уже заключил соответствующие соглашения со Швецией и Францией). Этот документ отразил ту степень робости и несамостоятельности ответственных лиц ФРГ по отношению к США, которая никак не соответствовала реальному соотношению сил между двумя странами к тому времени. Автор меморандума констатировал, что «поставки (урана) в значительных объемах с большой вероятностью вызвали бы недовольство США», причем отнюдь не по соображениям безопасности, а из-за того, что была бы нарушена «монополия», на которую американцы претендовали в отношении рынка расщепляющихся материалов. Почему западные немцы должны уважать эту монополию, никак не объяснялось, зато следовал намек на некие «побочные намерения», которыми-де руководствуется Советский Союз, и следовал безапелляционный вывод: с ответом на советское предложение следует повременить³⁸. В результате ФРГ продолжила покупать уран по более высокой цене, терпя экономический ущерб.

Опубликованные в Германии документы, относящиеся к «Камскому» и «Урановому» проектам, не содержали фактов о прямом давлении США в целях недопущения взаимовыгодного экономического сотрудничества между СССР и ФРГ. Создается впечатление, что западногерманские чиновники сами стремились поставить интересы заокеанской державы выше интересов собственной страны — порой даже проявляя явную нелояльность к своему политическому руководству. Вероятно, имеются документы, которые могли бы раскрыть те рычаги, которыми достигалось такое рвение, но они еще скрыты в архивах (если вообще там отложились). Однако есть исторический эпизод, в котором тайное давно стало явным. Речь идет о процессе выработки соглашения о прямом воздушном сообщении между СССР и ФРГ и той роли, которую в этом процессе сыграли западные державы во главе с США.

Процесс этот оказался, в конце концов, завершенным — соглашение было подписано в Бонне 11 ноября 1971 года. В этом его

отличие от эпизодов с неудачными попытками наладить сотрудничество в области автостроения и атомной промышленности. Однако процесс этот оказался необычайно длительным и, можно сказать, мучительным. И в этом его отличие от быстро завершенных переговоров по контракту «Газ — трубы». Первое предложение начать переговоры по прямому авиасообщению между двумя странами последовало с советской стороны еще в 1967 году. Сами переговоры начались в декабре 1968 г., продолжались всего неделю и были надолго прерваны. Второй их раунд прошел в марте 1971 г., третий — в сентябре-октябре того же года, и лишь тогда удалось выйти на более или менее приемлемое для обеих сторон решение. Ход переговоров, причины их столь медленного и «рваного» темпа — задача специального исследования; остановимся лишь на одной из таких причин, имеющей самое прямое отношение к теме нашей статьи.

Дело в том, что воздушные коридоры, которые из аэропортов ФРГ вели в Берлин, где самолеты, как предполагалось, должны были совершать промежуточную посадку, контролировались западными державами — обстоятельство, позволявшее последним самым непосредственным образом вмешиваться в советско-западногерманский диалог по данной проблеме. Этой возможностью они и пользовались — причем вовсе не для того, чтобы посредничать между сторонами и облегчить поиски согласованного решения. Как раз наоборот. В этой связи представляют интерес высказывания Бара в беседе с В.М. Фалиным 20 мая 1970 г. по поводу переговоров об установлении прямого воздушного сообщения:

«Правительство ФРГ, к сожалению, не могло преодолеть возражения западных держав, и, прежде всего, Франции, и принять советские предложения... Что же касается полетов над территорией ФРГ, то здесь у правительства Брандта связаны руки: по Парижским соглашениям этот вопрос решают три державы. На 95% позиция США, Англии и Франции вытекает из их экономических интересов, из нежелания допустить ФРГ к прибылям, которые получают их авиакомпании. Однако, признал собеседник, определенное значение имеет и политический аспект — стремление подтвердить и закрепить права, на которые западные державы претендуют»³⁹.

В конечном счете, ФРГ пошла на уступку — не Советскому Союзу, а своим союзникам, что и сделало возможным заключение соглашения. Как следует из мемуаров Бара, он не оставил попыток добиться более выгодного режима в воздушных перевозках между ФРГ и западными секторами Берлина, однако преодолеть сопротивление союзников по НАТО так и не сумел. Он пишет по этому поводу с понятной горечью: «Исполнить мое желание — привести в Берлин “Люфтганзу” — не удалось в 1973 году не из-за ГДР, не из-за господина Громыко, который слегка ворчливо сказал “да”, а из-за позиции трех (западных) держав, точнее их военно-воздушных аташе, которые, выдвигая тот аргумент, что они имеют право единолично и бесконтрольно пользоваться воздушными коридорами, на деле просто отстаивали интересы своих компаний-монополистов. Мое предложение, что мы могли бы летать над этими коридорами, т.е. на высоте свыше 3000 метров, они сочли еще более “худшим”: еще бы, в таком случае “Люфтганза” могла бы предложить более дешевый

тариф. Я думал, что могу заверить Брандта: до конца 1974 г. мы работаем авиационное соглашение между самими немцами (между ФРГ и ГДР. — А.Ф.)... Однако после отставки Брандта никто этим не интересовался — и тем более после отставки Шмидта»⁴⁰.

К этому высказыванию уместен лишь короткий комментарий: «ворчливость» советского министра иностранных дел можно объяснить досадой на непоследовательность западногерманских политиков: они, с одной стороны, конфликтовали с западными державами и даже склонны были искать поддержки у СССР, а с другой, — декларировали «атлантическую солидарность», порой поддерживая самые авантюристические идеи Вашингтона, такие как использование «нейтронной бомбы» или «двойного решения» НАТО о размещении американских ракет первого удара в Западной Европе. Самого Бара в такой непоследовательности можно упрекнуть меньше всего: он представлял в ФРГ те силы, которые были более всего озабочены отстаиванием национальных интересов немцев. Однако этим силам противостояли (да и противостоят) другие, и их воздействие не следует недооценивать.

В целом, на основании приведенных в статье документальных свидетельств можно сделать следующие выводы: необходимость новых подходов к проблеме мировой и европейской безопасности в рассмотренный период осознавалась и в СССР, и в США, и в ФРГ; однако с американской стороны отчетливо прослеживалась тенденция «нагрузить» эту проблему разного рода «увязками», искусственно притормаживать процесс разрядки международной напряженности и развития общеевропейского сотрудничества, исходя из желания сохранить свое лидерство в НАТО и сузить поле деятельности для нежелательных — не в последнюю очередь западногерманских — конкурентов. В ФРГ шла подспудная борьба между теми, кто был готов смириться с положением младших партнеров США, и теми, кто выступал за более самостоятельный курс; именно на последних ориентировалась советская дипломатия, пытаясь вовлечь ФРГ в систему взаимовыгодного взаимодействия и сотрудничества в политике и экономике. Определенные успехи в этом направлении были достигнуты. Подлежит дальнейшему исследованию вопрос, все ли возможности были в достаточной степени учтены и реализованы.

Примечания

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта Российского научного фонда (грант РНФ 14-18-02677).

1. Подробнее о функционировании и проблематике ДНЯО см.: ТЕМИРБАЕВ Р.М. Россия и ядерное нераспространение. М. 1999.
2. Именно так характеризовалась политика ФРГ участниками конференции четырехсторонней комиссии ученых СССР, ГДР, Польши и Чехословакии по вопросам европейской безопасности, состоявшейся в Берлине в октябре 1964 года. Среди тех, кто указывал на опасность такой политики, были лица самых разных взглядов, включая будущего деятеля «пражской весны» А. Шнейдарека и министра иностранных дел посткоммунистической Польши А. Ротфельда. Для автора этих строк это был первый опыт выступления на международной арене. По результатам дискуссии военным издательством ГДР был издан коллективный труд, кото-

- рый, будучи не свободен от идеологических штампов, все же представляет собой определенную ценность. См.: Bonn greift nach Atomwaffen. Berlin. 1965.
3. ВАНР Е. Zu meiner Zeit. München. 1998, S. 408—409.
 4. Нам известна лишь одна русскоязычная монография, посвященная этой теме. См.: НАРОЧНИЦКАЯ Н.А. США и «новая восточная политика» ФРГ. М. 1977.
 5. Советско-американские отношения. Годы разрядки 1969—1976 (САО). Т. 1. Кн. 1. 1969—1971; Кн. 2. Январь — май 1972. М. 2007. Американское издание: Soviet-American Relations. The Détente Years, 1969—1972. Wash. 2007.
 6. Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland (AzAP). 1969. Bd. 1—2. München. 2000; 1970. Bd. 1—3. München. 2001; 1971. Bd. 1—3. München. 2002; 1972. Bd. 1—3. München. 2003.
 7. САО, т. 1, кн. 1, с. 15. Сенат США одобрил ДНЯО 13 марта 1969 г. 83 голосами против 13. Поездка Никсона в Европу состоялась с 23 февраля по 2 марта. За это время он посетил Бельгию, Великобританию, ФРГ, Францию, Италию и Ватикан.
 8. Там же, с. 32—33.
 9. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 0757, оп. 13, п. 51, д. 4, л. 24—25.
 10. AzAP. 1969. Bd. 1, 55.
 11. Ibid. 1969. Bd. 1, 151—152.
 12. САО, т. 1, кн. 1, с. 33.
 13. AzAP. 1969. Bd. 1, 277.
 14. САО, т. 1, с. 45.
 15. AzAP. 1969. Bd. 1, 462.
 16. См., в частности, его депеши от 17 февраля и 21 апреля 1969 г.: AzAP. 1969. Bd. 1, 219, 508—509.
 17. САО, т. 1, кн. 1, с. 45
 18. Там же.
 19. Такое исследование начато Р.В. Долгилевичем, которому принадлежит ряд ценных работ по истории советской политики в отношении Западного Берлина в 50—60-е годы. См.: ДОЛГИЛЕВИЧ Р.В. Вопрос о статусе Берлина. 1944—1990 гг. — Новая и новейшая история. 2011, № 3; ЕГО ЖЕ. В тени берлинской стены. Экономика Западного Берлина (1961—1965 гг.). СПб. 2011; ЕГО ЖЕ. Советская дипломатия и Западный Берлин. СПб. 2012; ЕГО ЖЕ. Становление и развитие прямых связей между СССР и Западным Берлином (1963—1964 гг.). СПб. 2013.
 20. Посла, как он пишет сам, пригласили в соседнюю комнату и пояснили, что советская сторона не может принять этот документ, поскольку он не относится к предмету подписываемого договора; посол упорствовал; заведующий 3-м Европейским отделом МИД СССР В.М. Фалин предложил компромисс: посол передаст неофициальный русский перевод документа, на котором не стоит официальная печать, а немецкий оригинал оставит себе; посол выбрал другой вариант: он отогнул нижнюю часть оригинала, где стояла печать, и оторвал ее; документ без печати был принят, поскольку он терял свой официальный характер. См.: AzAP. 1969. Bd. 1, 1353—1355.
 21. BRZEZINSKI S. Alternative to Partition. For a Broader Conception of America's Role in Europe. N.Y. 1965.
 22. САО, т. 1, кн. 2, с. 171—172.
 23. Там же, т. 1, кн. 2, с. 173.
 24. VOGELANG TH. Das geteilte Deutschland. München. 1973, S. 358.
 25. Видный советский и российский дипломат И.Ф. Максимычев в своем весьма содержательном труде по истории отношений между СССР (РФ) и Германией отмечает несовпадение позиций сторон по вопросу о характере западногерманского «довеска» к Московскому договору: «Хотя советская сторона не считала «письмо о германском единстве», врученное А.А. Громыко представителями ФРГ при подписании договора, частью достигнутого соглашения, ФРГ придерживалась противоположного мнения». См.: МАКСИМЫЧЕВ И.Ф. Война и мир. От мировых войн к европейской безопасности. М. 2014, с. 249. Отметим некоторую

- неточность в этой в целом корректной оценке: при подписании Московского договора упомянутое «письмо» никому никем не передавалось.
26. Оппозиция, воспользовавшись переходом в ее ряды нескольких депутатов, ранее входивших во фракции СДПГ и СвДП, готовила вотум недоверия правительству.
 27. САО, т. 1, кн. 2, с. 212.
 28. Там же, с. 232—233
 29. Речь идет о выборах в ландтаг земли Баден-Вюртемберг, результаты которых прямо не влияли на внешнюю политику, однако американская сторона усиленно пыталась создать такое впечатление, по сути шантажируя партнеров возможностью катастрофической потери электоральной поддержки правящей коалиции; судя по всему, на Брежнева эта алармистская риторика в какой-то мере действовала. Тем не менее, в ходе его беседы с Киссинджером 24 апреля, на следующий день после упомянутых выборов, обе стороны согласились, что «ничего сверхсенсационного не произошло». САО, т. 1, кн. 2, с. 285, 298.
 30. В условиях, когда США пошли на очередную эскалацию войны во Вьетнаме, начав минирование и бомбардировку портов ДРВ, никаких перспектив на то, что с советской стороны американцам «помогут по Вьетнаму», не было. Напротив, нападения американской авиации на советские теплоходы в двух вьетнамских портах 9—10 мая 1972 г. вызвали резкий протест со стороны СССР. Никсон через Киссинджера передал «глубокое сожаление в связи со случившимся, особенно в связи с жертвами со стороны экипажа» и выразил готовность «выплатить компенсацию за причиненный материальный ущерб». САО, т. 1, кн. 2, с. 328.
 31. AzAP. 1969. Bd. 2, S. 857—858.
 32. Ibid. 1970. Bd. 1, S. 86—88.
 33. Ibid., S. 171.
 34. Ibid. Bd. 2, S. 1507.
 35. Ibid., S. 1537.
 36. Ibid., S. 1538.
 37. САО, т. 1, кн. 1, с. 475.
 38. AzAP. 1971. Bd. 2, S. 1400—1404.
 39. АВП РФ, ф. 0757, оп. 15, п. 56, д. 54, л. 37.
 40. ВАНР E. Op. cit., S. 405—406.

Повседневная жизнь карачаево-балкарской диаспоры в Турции

А.И. Тетуев

Аннотация. В статье на основе новых архивных и полевых материалов, собранных во время экспедиции в Турцию, рассматриваются вопросы переселения части населения Карачая и Балкарии с исторической родины, ее расселения и адаптации на новой территории. Анализируются проблемы повседневной жизни и удовлетворения основных жизненных потребностей карачаево-балкарского населения в Турции (жилище, хозяйственная жизнь, питание, лечение, образование, культура) в разных социально-политических условиях.

Ключевые слова: карачаевцы, балкарцы, переселение, адаптация, повседневная жизнь, жилище, хозяйство, питание, лечение, образование, культура.

Abstract. On the basis of new archival and field data which were collected during an expedition to Turkey, the issues of resettlement of Karachay and Balkaria population from their historical homeland, resettlement and adaptation to the new territory are investigated. The problems of everyday living and life necessities accomplishment of Karachay-Balkar population in Turkey (housing, economic life, food, health, education, culture) in different socio political conditions are analyzed.

Key words: Karachays, Balkars, resettlement, adaptation, daily living, housing, agriculture, food, health, education, culture.

Основными причинами переселения большей части народов Северного Кавказа в Османскую империю послужили колониальная политика царизма, влияние Порты на Кавказ и религиозный фактор. Причем эти причины имели глубокие социально-экономические и политические корни.

Ситуация на Северном Кавказе резко изменилась в ходе проведения крестьянской реформы 1867 года. Оппозиционно настроенные местные феодалы, с недоверием относившиеся к аграрно-крестьянской политике правительства, развернули агитационную деятельность с тем, чтобы угрозой массового выезда принудить царское правительство сохранить в крае крепостное право или разрешить им переселиться в Османскую империю со своими поданными. Идея переселения на «землю, освященную религией ислама», подогревалась агитацией мусульманского духовенства. Таким образом, впоследствии к политическим и нравственным стимулам выселения присоединились причины социально-экономические.

Тетуев Алим Инзрелович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН.

Данная точка зрения находит подтверждение в работах З.Б. Кипкеевой. Исследователь выделяет следующие причины, вынудившие горцев Карачая и Балкарии покинуть родину: крестьянская и земельная реформы, проводимые царским правительством, которые привели к обезземеливанию широких слоев населения, неопределенность социальных прав землевладельцев, усилившийся социальный и колониальный гнет, разрушение традиционного жизненного уклада и религиозная пропаганда¹. Таким образом, переселение части карачаевцев и балкарцев в страны Ближнего Востока в конце XIX — начале XX в. можно назвать добровольно-вынужденным.

Первыми переселенцами из числа карачаевцев и балкарцев были паломники и лица, получившие религиозное образование в Турции. Так, 30 июня 1869 г. из сел Уруспия, Чегема, Безенги Горского участка в Мекку для совершения хаджа отправились семьи и близкие родственники К. Анахаева, А. Тилова, М. Соттаева, А. Джаппуева, А. Кучукова, Б. Балкарокова, М. Суншева, Х. Джанхотова и другие — всего 121 чел., в том числе 33 холопа. После паломничества никто из глав семей не вернулся, все они приняли турецкое подданство, а затем переселили в Турцию свои семьи и близких родственников². Впоследствии оставшиеся паломники по поручению султана проводили агитационную работу, во многом содействовавшую переселению части карачаевцев и балкарцев в Турцию. Об этом свидетельствует полевой материал, собранный среди карачаево-балкарской диаспоры в этой стране³.

Первый организованный этап переселения пришелся на время правления в Турции султана Абдул-Хамида II (1876—1909 гг.). В основу своей внешней политики Абдул-Хамид заложил идеи «панисламизма», толкуя его как единство интересов и прав всех подданных империи независимо от национальности. На самом деле это была попытка подчинить своему влиянию все мусульманские народы. Внутренней опорой политического режима Абдул-Хамида были крупные феодалы турецкого и нетурецкого (черкесы, албанцы) происхождения⁴.

Османскую империю в конце XIX — начале XX в. сотрясали антитурецкие выступления греков, армян, курдов. В такой общественно-политической ситуации состоялось переселение части карачаевцев и балкарцев, организованное эмиссарами султана. Очевидно, Абдул-Хамид надеялся приумножить число своих преданных сторонников за счет переселившихся в первой половине XIX в. народов Северного Кавказа. Процесс переселения карачаевцев и балкарцев начался в 1884—1887 гг. и активизировался в 1905—1906 годах. Всего, по данным исследователей А.Х. Касумова, Т.Х. Кумыкова, Х.О. Лайпанова, З.Б. Кипкеевой в указанные годы переселилось более 15 тыс. карачаевцев и балкарцев⁵.

Мухаджирство (переселение в Турцию) было тяжелым испытанием для народов Северного Кавказа, трагическим этапом в их исторической судьбе. Горцы переправлялись в Турцию из морских портов — Новороссийск, Тамань, Анапа, Туапсе, Сухуми. Добираться сухопутным путем в первое время было запрещено царской администрацией — дороги были закрыты, чтобы воспрепятствовать перегону горцами скота. До побережья ехали на арбах и лошадях. Движение затруднялось отсутствием мостов и бездорожьем. Дальнейший путь переселенцев был не легче: ни турецкий, ни российский флот не могли обеспечить элементарных условий для перемещения огромной массы людей на территорию Турции. На черноморском побережье Анатолии скапливались огромные толпы голодных и одетых в лохмотья людей. Тысячи переселенцев гибли от тифа и других болезней. Измученные лишениями переселенцы в ожидании прихода турецких и других судов умирали на берегу, и их даже не успевали предавать земле⁶. Таким образом, основная часть северокавказских иммигрантов оказалась в сложном положении. Тяготы переселения, столкновения с местными народами, неприспособленность к новым климатическим условиям, вы-

сокий уровень смертности среди иммигрантов способствовали росту среди них числа недовольных, желающих вернуться на Кавказ. Так, в 60—70-е гг. XIX в. группы северокавказских иммигрантов обращались в российские консульства в Османской империи с просьбами о предоставлении им права на репатриацию, но неизменно получали отказы. Правительство не желало возвращения северокавказских изгнанников на родину.

В июле 1860 г. царские власти признали необходимым принять меры по недопущению возвращения северокавказских эмигрантов из Османской империи. В феврале 1861 г. вышло «Предписание Главного управления наместника Кавказа командующему войсками Терской области», в котором отмечалось: если возвращающиеся на Кавказ принадлежат к покорным горским обществам Кавказа, немедленно ссылать их внутрь России на поселение навсегда. Если же они будут принадлежать к еще непокорным (враждебным) обществам, то задерживать их для обмена на пленных, находящихся в горах. В случае, если обмен не состоялся, высылать их в Сибирь на постоянное поселение. Северокавказских эмигрантов, возвращавшихся из Османской империи, стали отправлять, в частности, в Оренбургский край с зачислением в государственные крестьяне. В 1861 и 1862 гг. на Северный Кавказ смогли вернуться 512 переселенцев из 765 уехавших из Терской и Кубанской областей. Все они были выселены в Оренбургский край ⁷.

На новой территории, в Турции, переселенцы обособились компактно. В 1905—1910 гг. карачаевцы и балкарцы жили в 17 мононациональных селениях: Чифтлик-кёу, Ялыпынар, Эртугрул, Сулеймание, Гекчайла, Чырдак, Яхилюрт, Белпинар, Язылыкая, Килиса, Доглат, Эрейли, Башхюйюк, Эйрисоют, Эмирлер, Арпаджи, Чилехане ⁸. По приказу султана Абдул-Хамида переселенцам были выделены денежные средства для строительства стандартных домов из двух комнат. Люди изготавливали глиняные кирпичи, приобретали строительные материалы, а затем сообща строили дома с плоскими земляными крышами. До окончания строительства домов они проживали во временных постройках. Кроме того, в частную собственность были выделены, независимо от сословной принадлежности, земельные наделы (не менее 10 десятин), выданы безвозмездные ссуды для покупки скота. Имущественные и другие права высшего сословия переселенцев турецким законодательством признаны не были.

В условиях дисперсного проживания для переселенцев важной стала проблема адаптации к новым условиям, к чужой языковой, религиозной, культурной среде. Карачаевцы и балкарцы как мусульмане по вере и турки по языку, не подвергались жестким преследованиям, но всякие попытки развивать и использовать родной язык и культуру преследовались. В селах новопоселенцев полностью отсутствовали какие-либо объекты социальной сферы: детские сады, школы, амбулатории, клубы, магазины. Для получения медицинской помощи или для приобретения продуктов приходилось ездить в города, находившиеся вблизи сел. В сельские мечети присылались священнослужители только турецкой национальности.

Тяжелые испытания обрушились на многих эмигрантов с первых дней их пребывания за рубежом. Ситуация требовала приспособления к новой социально-экономической, политической и этнокультурной реальности. Главной для всех карачаево-балкарских эмигрантов из России была проблема выживания и социальной адаптации. Несмотря на все испытания и лишения в новых условиях, всех карачаево-балкарских эмигрантов объединила единая вера и следование традициям и обычаям своего народа. Старшее поколение бережно сохраняло и старалось передать молодежи народные традиции, обычаи и обряды. В семьях мухаджиров разговаривали только на родном языке, готовили национальные блюда, в поведении строго следовали правилам Тау Адет (карачаево-балкарского этикета) ⁹.

В годы первой мировой войны османские власти проводили массовую мобилизацию в северокавказских населенных пунктах. При этом новобранцев отправляли в наиболее «горячие» точки фронтов. Они участвовали в боевых действиях против российской армии в Закавказье, под Саракамышем, в Анатолии и др. По данным северокавказских культурных обществ в Турции, Сирии и Иордании, с фронтов первой мировой войны вернулась лишь незначительная часть солдат, а в ряде районов лишь единицы. Например, из села Якапынар на войну было призвано 80 карачаевцев и балкарцев, а вернулось только 8¹⁰. Многие из них попали в плен, а некоторые были задержаны в пределах Терской области. Все задержанные, 834 турецких подданных мусульман, на основании распоряжений генерал-губернатора Терской области от 20, 23, 28 октября 1914 г. были отправлены в Ярославскую губернию под надзор полиции. В соответствии с Положением о военнопленных, у турецких подданных мусульман брали подписку о невыезде. Проживали они группами и за свой счет, находились под наблюдением полицейских и могли пользоваться лишь самыми необходимыми жизненными удобствами. В докладе правителя канцелярии Ярославского губернатора приводятся данные о степени материальной обеспеченности военнопленных «...из числа 222 турок, высланных в город Любим Ярославской области: состоятельных — 84 человек, нашли заработок — 54, не имеющих средств и нуждающихся — 36, сведений о материальном положении 48 военнопленных не получено¹¹. В связи с тяжелым материальным положением военнопленных некоторые из них обращались в государственные органы власти с просьбой о принятии их в подданство России. Так, 24 марта 1915 г. военнопленный турецкого происхождения Мустафа Кочан-Оглы, проживавший в г. Мологе, обратился к министру внутренних дел с прошением: «Я проживаю в России уже 7 лет: причем безвыездно жил в селении Гунделен Нальчикского округа Терской области в течение 4 лет, занимаясь обучением детей арабской грамоте; в настоящее время желаю принять подданство России и прописаться в городе Владикавказе. Перейти же на жительство в означенный город я намерен по таким обстоятельствам: в городе Мологе не представляется возможным заняться каким-либо ремеслом за отсутствием всяких заработков и тем самым поддерживать себя. При сем представляю удостоверение старшины селения Гунделен 2 участка Нальчикского округа от 16 февраля сего года за № 276 о моей нравственности и поведении»¹².

Национально-освободительное движение турецкого народа (1918—1923 гг.) привело к образованию 29 октября 1923 г. первой на Ближнем и Среднем Востоке буржуазной республики. Ее первым президентом стал выдающийся государственный деятель и военачальник Мустафа Кемаль Ататюрк, выступивший за национальную независимость страны и развитие дружественных, добрососедских отношений СССР. Под его руководством в Турции был проведен ряд прогрессивных буржуазно-демократических реформ. Вместе с тем, в Конституции 1924 г. были закреплены положения о мононациональном характере государства. Это означало, что все граждане Турции независимо от национальности официально являются турками. В связи с этим всякие попытки использовать и развивать родной язык и культуру в среде переселенцев пресекались. Обучать детей, отправлять религиозные обряды можно было только на турецком языке. До 1934 г. переселенцы официально не имели своих фамилий, их называли по имени отца. В 1934 г. был принят закон, согласно которому им было «разрешено» определять свои фамилии в органах власти. При этом не разрешалось использовать свои прежние фамилии: устанавливать ее предлагалось либо по имени отца или деда, либо заимствованием турецких фамилий. Подобная политика фактически была направлена на ассимиляцию национальных меньшинств. В настоящее время в Турции только старшее поколение карачаев-

цев и балкарцев помнят свои первоначальные фамилии и могут восстановить в памяти генеалогическое древо¹³.

В первой половине XX в. хозяйственная деятельность карачаево-балкарской диаспоры в Турции по-прежнему была связана с общинным укладом деревенской жизни и натурально-трудовой организацией. Средства производства и приемы землепользования соответствовали доиндустриальной аграрной экономике. Главными земледельческими орудиями были: соха, борона, коса, серп. Распахивали землю волами или лошадьми, сеяли и убирали вручную пшеницу, овес, горох фасоль. Молотили урожай волами. В этот период определяющую роль в хозяйстве карачаевцев и балкарцев занимало традиционное скотоводство. Разводили, главным образом, крупный рогатый скот, а также овец и коз. Продукты скотоводства составляли основную пищу карачаевцев и балкарцев: мясо, молоко, сыр, айран, творог, масло.

Скотоводство давало сырье для работы женщин: шерсть для изготовления ковров, половиков, одеял, а также ниток для вязания шерстяных изделий. До середины XX в. в среде мухаджиров широко использовались традиционные ремесла карачаево-балкарцев. Женщины производили из продуктов животноводства почти всю необходимую одежду и обувь для своих семей. Часть продукции женского труда — сукно, бурки, папахи, башлыки и т.д. — поступали на базары и ярмарки. Мужчины мастерили из дерева необходимые в быту вещи: посуду, мебель, детские люльки, улья для пчеловодства. Из специально обработанной кожи животных изготавливали уздечки, хомуты, плети, подпруги, детали седел. Новопоселенцы пользовались ткацкими станками, маслобойными кадками, ручными мельницами, различными мешками для хранения и перевозки пищи, изготовленными из кожи домашних животных, другими предметами собственного производства.

Постепенно, по мере увеличения семьи и развития хозяйства карачаевцы и балкарцы обустроивались все более основательно — строили пристройку к основному дому, подсобные помещения, загон для скота, зернохранилище, придавая своему двору традиционный вид прямоугольника¹⁴.

В 1950 г. в Турции на выборах победила народно-демократическая партия «Адалет» («Справедливость»), которая и сформировала правительство. Первым его мероприятием стала земельная реформа, по которой земельные наделы крестьян были увеличены. Кроме того, выделялись ссуды для покупки сельскохозяйственных машин. Из прилегающих земель каждому юноше, достигшему 18 лет, полагалось по 20 га. В связи с этим, во второй половине XX в. в структуре хозяйствования карачаевцев и балкарцев приоритетным стало земледелие. Выращивали в основном пшеницу, ячмень, рожь, а также для домашних нужд — овощи и фрукты. Расширившиеся наделы пашни позволили карачаевцам и балкарцам шире использовать современную сельскохозяйственную технику. Скотоводством продолжали заниматься в основном в селах, расположенных в горной местности: Язылыкская, Долгат, Килиса, Белпинар. Произошли изменения и в социальной сфере: стали функционировать начальные школы (3 класса); в отдельных селах — Яллыпынар, Башхюйюк — за счет средств переселенцев были построены клубы (той юй), проведена электрификация населенных пунктов, стали использовать бытовую технику; в домах появился сжиженный газ в баллонах¹⁵.

Процесс урбанизации в Турции, начавшийся во второй половине XX в., коснулся и переселенцев. Частная собственность на земельные участки составляла для большей части сельчан основу благосостояния. В случае необходимости переселенцы имели возможность продать свои земельные наделы более состоятельным односельчанам. Это привело к возникновению относительно крупных аграрных хозяйств, повышению благосостояния и созданию условий для строительства современных одноэтажных или двухэтажных домов со всеми удобствами или переезда в города. Исследователь Нуруллах Табакчи (Битдаев)

отмечает, что во второй половине XX в. сотни карачаевских и балкарских семей поселились в городах Стамбул, Анкара, Ескишехир, Конья, Афьон, продолжая, однако, сохранять прочные родственные и хозяйственные связи со своими селами. У детей переселенцев появилась возможность учиться в средних общеобразовательных школах и профессиональных учебных заведениях.

Рост городского населения за счет сельского — объективная закономерность для развитых стран. Многие землевладельцы предпочитают жить в городах, сдавая в аренду свои земли. Если в начале XX в. карачаево-балкарская диаспора в основном проживала в сельской местности, то в конце XX в. в деревнях оставалось только около 20%. Как правило, основная часть выталкиваемого из деревни экономически активного населения служит резервом рабочей силы для развивающейся промышленности. Но в реальности миграционные процессы ведут лишь к перемещению хронической безработицы из деревни в город. В целях смягчения проблемы занятости турецкие власти организуют массовую отpravку рабочей силы за границу. Политика трудоустройства турецких граждан, в том числе и представителей кавказской диаспоры, вне пределов родины приняла долговременный характер. Многие иммигранты из числа карачаевцев и балкарцев выехали в поисках работы в Германию, Голландию, Бельгию, США. В настоящее время в этих странах образовалась карачаево-балкарская диаспора, насчитывающая несколько тысяч человек.

В современной Турции этнический состав населения более или менее однороден. Публиковавшиеся ранее сведения о языковой принадлежности и вероисповедании граждан позволяли лишь приблизительно установить численность национальных меньшинств и этнических групп, так как турецкие власти игнорируют их наличие и регистрируют всех как турок. В соответствии со ст. 66 Конституции Турции турками считаются все, «кто связан узами гражданства с турецким государством».

В таких условиях практически невозможно установить национальную принадлежность представителей малых этносов. Соответственно численность карачаево-балкарской диаспоры можно определить только путем подсчета количества людей, проживающих в моноэтнических селах, сохраняющих родственные связи со своей общиной. Подсчет, проведенный доктором социологических наук Уфук Таукулом показал, что в Турции в настоящее время проживают около 25 тыс. карачаевцев и балкарцев. Потомки мухаджиров из Карачая и Балкарии живут в городах, в том числе, — в Стамбуле, Анкаре, Эскишехире, Афьоне, Конья, Адане, Измире (более 20 тыс. чел.) и в 13 населенных пунктах — Яллыпынар, Якапынар, Белпинар, Язылыкая, Килиса, Доглат, Болвадин, Эрейли, Башхюйюк, Эйрисоют, Эмирлер, Арпаджи, Чилехане (около 5 тыс. человек)¹⁶.

Рост городского населения создал оптимальные условия для получения карачаево-балкарской молодежью не только среднего, но и высшего профессионального образования. Представители диаспоры заняты преимущественно в различных сферах экономики, культуры, науки, образования. Немало талантливых выходцев из числа потомков мухаджиров можно встретить среди политиков, ученых, архитекторов, инженеров, бизнесменов, военных.

В условиях отсутствия государственной поддержки для сохранения и развития самобытной культуры национальных диаспор единственным институтом, призванным осуществлять эту функцию, а также содействовать укреплению связи между потомками мухаджиров, являются национально-культурные центры (дернеги). Первые культурные центры были созданы в 50-е гг. XX в., когда на выборах в меджлис к власти пришла Демократическая партия, и правительство Турции возглавил Аднан Мендерс. В период военного режима (1960, 1970—1973, 1980—1984 гг.) общественные объединения не функционировали.

Демократические преобразования в СССР во второй половине 1960-х — 1980-х гг. создали благоприятные условия для развития связей карачаевцев и

балкарцев с соотечественниками, проживающими за рубежом. Этническая консолидация северокавказской диаспоры в 1990-е гг. — начале XXI в. как раз и явилась базовой основой для повышения активности этносов в политической, экономической и культурной сферах жизни тех стран, где они компактно проживают.

Все перечисленные выше «картины повседневной жизни карачаево-балкарского зарубежья» позволяют глубже понять специфику изменений жизненных условий карачаевцев и балкарцев в зависимости от политической и экономической обстановки в Турции. По-прежнему в стратегии выживания переселенцев семья остается организующим началом в различных сферах жизни — и как социально-хозяйственная ячейка и как основной носитель традиций. Важную роль в адаптации карачаево-балкарской диаспоры имела деятельность светских и религиозных общин, землячества. Религиозные и национально-культурные (а зачастую они составляли единое целое) объединения были именно той, практически единственной нишей, в которой было возможно выживание и сохранение национальной идентичности на раннем этапе эмиграции.

В целом, благодаря сосредоточению карачаево-балкарской диаспоры в мононациональных селах и деятельности культурных центров, у карачаевцев и балкарцев, проживающих в Турции, сохранились этническое самосознание, культура, многие традиционные обычаи. Вместе с тем, в связи с переселением во второй половине XX в. основной части соотечественников в города, ассимиляционные процессы стали усиливаться. Возрос удельный вес межнациональных браков, происходит трансформация культуры в целом. В условиях дисперсного проживания основная часть молодежи не владеет родным языком. С учетом этого факта необходимо совершенствовать работу государственных органов власти, общественных объединений, активизировать и углублять связи и сотрудничество с зарубежной диаспорой, а также изучать положение соотечественников за рубежом и реализовывать меры по их поддержке. Особо следует отметить, что укрепление связей с зарубежной диаспорой — это двуединый процесс, в котором одинаково заинтересованы как представители диаспор, так и их соотечественники, живущие на исконной своей Родине. Чувство Родины, привязанности к родной земле — то общее начало, которое объединяет их. А через такие связи этнических общностей укрепляются и связи между другими народами и государствами.

Примечания

1. КИПКЕЕВА З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь. 2000, с. 27.
2. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР), ф. 2, оп. 1, ед. хр. 40, л. 23—24; ед. хр. 848, л. 256.
3. Информация Уфука Таукула (Тохчукова), профессора Анкарского университета. Записано 24.07.2008 в Анкаре.
4. Турция. В кн.: Всемирная история. Т. 7. М. 1968, с. 198.
5. КАСУМОВ А.Х. Разные судьбы. Нальчик. 1967, с. 26—27; КУМЫКОВ Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. М. 1965, с. 102; ЛАЙПАНОВ Х.О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию. Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы. Ставрополь. 1966, вып. 5, с. 114; КИПКЕЕВА З.Б. Ук. соч., с. 52.
6. Информация Уфука Таукула.
7. ЦГА КБР, ф. 1209, оп. 7, ед. хр. 31, л. 45.
8. КИПКЕЕВА З.Б. Ук. соч., с. 56.
9. Информацию предоставил поэт Акса Bicaksiz (Семёнов). Записано 14.06.2014 в Нальчике.
10. De Saucaso. Историко-этнографический альманах. Карачаевск. 2012, вып. 4, с. 64; информацию предоставил Акса Bicaksiz.
11. ЦГА КБР, ф. 1209, оп. 12, ед. хр. 11, л. 9, 10, 49.
12. De Saucaso, с. 64; ЦГА КБР, ф. 1209, оп. 12, ед. хр. 11, л. 41—48.
13. Информация Текина Кочкара (Кочкарова), преподавателя университета Османгауз. Записано 18.07.2012 в Нальчике.
14. КИПКЕЕВА З.Б. Ук. соч., с. 62, 64, 95—97, 100.
15. Информацию предоставил Акса Bicaksiz.
16. Информация Уфука Таукула.

Зарождение франкоканадского национализма в начале XIX в.

И.М. Нохрин

Аннотация. Статья посвящена проблеме зарождения франкоканадского национализма, изучению условий и особенностей его возникновения во взаимосвязи с политической ситуацией в Канаде начала XIX в. Особое внимание уделено изучению межэтнических отношений в Британской Северной Америке, их отражению в колониальной политической практике.

Ключевые слова: история Канады, франкоканадский национализм, межэтнические отношения в Канаде, национальная идеология, франкоканадцы.

Abstract. The Article is devoted to the problem of constructing of the French Canadian nationalism, to the studying the conditions and characteristics of its occurrence in relation to the political situation in Canada in the beginning of XIX century. Particular attention is paid to the study of ethnic relations in British North America, and their reflection in the colonial political practice.

Key words: history of Canada, French Canadian nationalism, ethnic relations in Canada, the national ideology, French Canadians.

В эпоху становления в Европе национальных государств и активного развития национальной идеологии завоевание Британской империей французской Канады в 1763 г. стало весьма примечательным явлением. Под властью британского монарха оказалось порядка 60 тыс. новых подданных, еще недавно считавшихся врагами, чей язык, религия и образ жизни совершенно не соответствовали общепринятым в Великобритании. Причем это были не «дикие туземцы», по отношению к которым расовые теории того времени допускали жестокое и бесцеремонное отношение, а потомки европейских переселенцев христианской веры. Британское правительство и колониальная администрация оказались перед необходимостью выработать совершенно особое отношение к ним, учитывавшее как высокую степень «цивилизованности» завоеванных канадцев, так и их чужеродность основному массиву британского населения.

К сожалению, в российской историографии сегодня практически нет исследований, посвященных межэтническим отношениям в британских колониях Нового времени и истории Канады начала XIX века¹. Данная работа призвана восполнить наметившийся пробел и ответить на вопрос, под влиянием каких факторов происходило возникновение франкоканадского нацио-

Нохрин Иван Михайлович — кандидат исторических наук, доцент Челябинского государственного университета.

нализма и в чем заключалось своеобразие породивших его исторических условий.

Североамериканская политика Британской империи конца XVIII в. формировалась под очевидным влиянием конфликта с 13 колониями 1775—1883 годов. Подорванные финансы, падение международного престижа, как и сама потеря заокеанских владений и поступавших от них доходов, казались свидетельством неэффективности прежней модели управления. И хотя провинция Квебек не присоединилась к повстанцам и не вошла в состав США, в Лондоне опасались, что это еще может произойти. В случае повторения Войны за независимость или мирного присоединения Канады к соседней республике Британская империя могла лишиться последнего форпоста на североамериканском континенте, важного опорного пункта для контроля над Северной Атлантикой и торговыми путями в Вест-Индию. Ответом на возникшую угрозу стала политика по усилению контроля над Канадой.

На практике новая линия британских властей в отношении заатлантических провинций состояла в закреплении всей полноты власти за губернаторами и их советниками и распространении влияния англиканской церкви. Эти меры смягчались уступками различным группам влияния в той мере, в какой они не затрагивали интересов самой метрополии. В частности, в соответствии с Конституционным актом 1791 г., было удовлетворено требование некоторых лоялистов о создании для мигрантов из США отдельной провинции путем разделения Квебека на «английскую» и «французскую» части — Верхнюю и Нижнюю Канаду. Правительство пошло навстречу британскому купечеству, санкционировав созыв выборных ассамблей и организовав перевод земель сеньорий на права «свободного общесокекджа», фактически, эквивалентного частной собственности².

Если обратиться к истории возникновения провинции Верхняя Канада, то традиционно ее основателем и создателем колониальной администрации считается первый лейтенант-губернатор полковник Джон Грейвс Симко. Карьера этого офицера складывалась типично для своего времени. Он родился в семье капитана военно-морского флота Джона Симко, командира 60-пушечного линейного корабля Пемброк³. В 17 лет юноша лишился отца. Но уже год спустя продолжил его дело, поступив на службу в линейную пехоту в чине прапорщика. В 1775 г. его подразделение было переброшено в охваченный восстанием Бостон, в том же году Дж. Симко получил звание капитана.

В 1777 г., став уже майором, Симко возглавил корпус королевских рейнджеров — легкой пехоты, укомплектованной из лоялистов Массачусетса. Война позволила ему завоевать авторитет в кругах британского офицерства. За период 1777—1781 гг. его рейнджеры продемонстрировали высокие боевые качества, ни разу не замечались в мародерстве или преступлениях, выполнили все задания и только однажды проиграли в битве. Имея репутацию успешного командира и квалифицированного тактика, он получил признание в 1781 г. с присвоением звания лейтенант-полковника.

Свои тактические способности Симко проявил и после окончания войны. Будучи озабочен поиском новых источников дохода, лейтенант-полковник предпринял в 1790 г. успешную попытку баллотироваться в Палату общин, где познакомился с У. Питтом. Ему удалось завоевать необычайное расположение премьер-министра, который называл его «человеком, подходящим на любую должность»⁴. Вероятно, именно мнение Питта повлияло на решение У. Грэнвилля назначить Симко управляющим Верхней Канадой.

Новоиспеченный лейтенант-губернатор не собирался оставаться в Канаде надолго, хотя и намеревался произвести своими успехами впечатление на Уайтхолл. Еще находясь в Лондоне, Симко занялся созданием опоры для своего правления в Канаде. Доказывая необходимость срочного благоустройства коло-

нии для привлечения переселенцев и постоянно подчеркивая угрозу со стороны США, он предложил Гренвиллю воссоздать полк королевских рейнджеров на основе прежнего офицерского состава. В мирное время он должен был заниматься общественными работами: строительством зданий, мостов, дорог, поддерживать правопорядок, защищать жителей колонии от набегов индейцев и демонстрировать США британское военное присутствие в регионе. А, в случае войны с южными соседями, этот полк имел задачу первым встретить врага и задержать его, пока в Канаду не придут подкрепления из Европы ⁵. Таким образом, Симко хотел не только получить в распоряжение «карманное» воинское подразделение, но и перевести на службу в Верхнюю Канаду верных ему людей.

Следующим этапом в формировании колониальной администрации должно было стать назначение членов Исполнительного и Законодательного советов. Согласно Конституционному акту 1791 г. и по замыслу колониального ведомства, первый из них предназначался для выполнения функций кабинета министров, а второй — верхней палаты провинциального парламента.

Не успев еще покинуть Лондон, глава Верхней Канады, предложил свои кандидатуры в Исполнительный совет из числа офицеров королевских рейнджеров. Среди них был капитан Энеас Шау ⁶, «очень способный человек, и как офицер, и как знаток градостроительства», и Джон МакГилл, личный адъютант Симко, дважды спасавший ему жизнь в годы войны. Еще двое из претендентов на место советников — Дэвид Уильям Смит и Питер Рассел — были знакомы лейтенант-губернатору по совместной службе под началом генерала Генри Клинтон и считались им достаточно компетентными для занятия административных постов ⁷.

И в случае с воссозданием полка королевских рейнджеров, и при формировании Исполнительного совета Уайтхолл не возражал против предложений Симко. Новый государственный секретарь Домашнего департамента Генри Дандес вообще редко отвечал на многостраничные послания лейтенант-губернатора, в основном, чтобы сообщить о формальном утверждении ранее предложенных полковником мер. Отсутствие каких-либо собственных инициатив демонстрировало крайне невысокую степень заинтересованности Лондона в канадских делах. По всей видимости, за десять лет, прошедших после окончания Войны за независимость, перспектива потери колониальных владений в Северной Америке перестала казаться реальной и близкой, и метрополия вновь перестала интересоваться канадскими делами.

В итоге, 6 из 9 членов Исполнительного совета оказались креатурами Симко, четверо из них никогда не бывали в колонии прежде, а уроженцем Северной Америки оказался и вовсе лишь 1 человек. По сути, большинство правительственного органа составили совершенно новые для Канады люди, что грозило встретить непонимание жителей Верхней Канады.

Сходным образом обстояли дела и с Законодательным советом. Из 13 его членов, назначенных в годы правления Симко, 9 параллельно входили в состав Исполнительного совета. А оставшиеся четверо были из числа лоялистов, преуспевших в добыче и торговле мехами и древесиной в районе реки Ниагара. Каждый из них уже провел в колонии около 10 лет, все они имели деловые отношения друг с другом и были назначены по предложению генерал-губернатора Г. Карлтона.

Именно эти тринадцать человек, девять из которых совмещали посты сразу в двух советах при губернаторе, составили политическую элиту Верхней Канады. Их положение еще больше укреплялось через получение ключевых должностей в колониальной администрации, членство в ассамблее, льготное приобретение огромных земельных участков и привилегии в торговле. С течением времени, благодаря патронажу и системе семейных связей, влияние этих людей только росло.

Так, например, Джеймс Бэйби не только входил в Исполнительный и Законодательный советы, но и избирался в колониальную ассамблею от граф-

ства Кент, занимал там же пост лорда-лейтенанта и командующего ополчением, служил заместителем лорда-лейтенанта графства Эссекс, судьей по делам наследства и опеки и командующим ополчением Восточного округа провинции, а также был назначен главным викарием католической церкви Верхней Канады. Другой советник губернатора Александр Грант, помимо мест в Исполнительном и Законодательном советах, собрал настоящую коллекцию должностей в колониальной администрации: лорд-лейтенант графства Эссекс, руководитель Земельной комиссии по округу Гессе и Комиссии по вопросам наследства и завещаний Восточного округа, помощник суперинтенданта по делам с индейцами, депутат провинциальной Ассамблеи и непродолжительные время — лейтенант-губернатор Верхней Канады. Полностью зависевшие в своем благосостоянии от расположения губернатора, они поддерживали с ним деловые, иногда даже дружеские отношения, что еще больше усиливало их влияние.

Сходным образом формировалась политическая система Нижней Канады. Решением Гренвилля, лейтенант-губернатором провинции стал генерал-майор Алуред Кларк. Он имел немало общего с Дж. Симко: в 15 лет в чине прапорщика начал военную службу, участвовал в сражениях Войны за независимость США, считался в лондонских правительственных кругах сведущим в области колониальной политики. Последнее — благодаря деятельности на посту управляющего Ямайкой в период с 1782 по 1790 г., где ему удалось добиться уважения со стороны местных плантаторов и их содействия в проведении в жизнь директив метрополии. Подобно Симко, Кларк не рассматривал службу в Канаде как долговременное назначение. Он, практически, не интересовался социально-экономическим развитием колонии, не знал и не намеривался учить французский язык и больше всего беспокоился об организации обороны провинции и снабжении войск⁸.

Таким образом, основные функции гражданской администрации оказались в ведении Исполнительного и Законодательного советов, с решениями которых лейтенант-губернатор редко не соглашался. Личный состав этих органов Кларк предпочел укомплектовать из числа местного купечества британского происхождения. Очевидно, генерал-майор гораздо больше доверял англоязычным канадцам, хоть их и было в провинции явное меньшинство, нежели представителям франкоязычного большинства. Это хорошо заметно на примере личного состава Исполнительного совета, в котором из 8 членов лишь 1 был из числа франкоканадцев. Аналогичная ситуация наблюдалась и в верхней палате колониального парламента: из 21 советника только 9 были франкоканадцами.

Интересно, но Кларк даже не принял в расчет, что из восьми членов Исполнительного совета пятеро — Дж. Лииз, Дж. Макилл, А. Лимбернер, Дж. Монк, Дж. Йанг — долгие годы находились в активной оппозиции и недружественных отношениях с Карлтоном, который по-прежнему оставался генерал-губернатором Канады. Пытался ли управляющий Нижней Канады таким образом заручиться поддержкой состоятельных коммерсантов, видел ли в них единомышленников, считал наиболее квалифицированными управляющими или находился под влиянием религиозных и культурных предубеждений, но франкоканадская общественность оказалась заметно ущемлена в доступе к управлению провинцией. А ведь еще недавно Квебек находился в их полном распоряжении.

Однако среди политических институтов, созданных в соответствие с Конституционным актом 1791 г., не все оказались полностью подвластны лейтенант-губернатору. Соотношение франко- и англоязычных жителей провинции оставалось далеко не в пользу последних. Это не могло не отразиться на составе колониальной ассамблеи, которая, по закону, формировалась на основе прямых выборов. Несмотря на наличие серьезного имущественного ценза и махинации с границами избирательных округов, лишь 16 из 50 депутатов представляли англоязычное сообщество⁹. Что же касается 34 франкоканадс-

ких парламентариев, то они имели весьма бескомпромиссный настрой и не скрывали намерения удерживать за собой контроль над ассамблеей.

Первый же вопрос, касавшийся выбора спикера legislatures, продемонстрировал глубокий раскол среди ее членов. Франкоязычные депутаты предложили на этот пост уроженца Квебека Ж.-А. Пана, а англоязычные — несколько кандидатур из своих рядов. В ходе непродолжительных дебатов обе стороны упрямо отстаивали собственную позицию и, в итоге, франкоканадцы закончили споры, просто объявив голосование и выиграв его большинством голосов¹⁰. Аналогичным образом был решен вопрос об официальном языке делопроизводства ассамблеи. Хотя франкоговорящие депутаты и не могли оспорить официальный статус английского языка, они вознамерились повысить положение французского, разрешив употреблять его для прений и подачи законопроектов. Предложение встретило консолидированное сопротивление британского купечества. Однако истинный перевес вновь был не на их стороне¹¹.

В мировой историографии существует множество исследований, доказывающих, насколько большее значение имел официальный язык в эпоху становления национальных государств и особенно в процессе колонизации. Владение им являлось одновременно и социальным капиталом, приносящим разнообразные блага, и показателем высокого статуса, и неотъемлемой частью образа «своего» в противопоставлении всему «чужому». Нигде еще в Британской империи выходцам из метрополии не приходилось мириться с равноправием иного языка по отношению к их собственному.

В итоге, члены ассамблеи британского происхождения оказались в положении оппозиции. «Ситуация английских депутатов в высшей степени досадна, — писал один из них лондонскому компаньону в феврале 1793 г., — не имея достаточного числа голосов, мы обречены на поражение в каждой битве против абсурдных инициатив (франкоканадского. — *И.Н.*) большинства. И даже если у меня хватит терпения вынести все это сейчас, не представляю ни одной причины, которая бы заставила меня снова взять на себя такое бремя»¹².

Таким образом, Конституционный акт 1791 г. значительно изменил расклад политических сил в Канаде. Франкоканадская политическая элита Квебека оказалась вытеснена из ключевых политических институтов: Законодательного и Исполнительного советов при губернаторе, а также колониальной администрации. А основные позиции в них заняли недавние выходцы из метрополии — военные и коммерсанты. Для многих из них назначение в заатлантическую колонию представлялось удобной возможностью продвинуться по государственной службе или улучшить материальное положение. Но уже первые дебаты в колониальной ассамблее показали, что франкоканадские политики не станут мириться с подобной дискриминацией и компенсируют нехватку влияния в советах формированием коалиции в ассамблее.

Однако к началу XIX в. у оппозиционно настроенных членов legislatures еще не наблюдалось массовой поддержки среди населения. Даже после британского завоевания у «французских» канадцев не сформировалась сколь-либо выраженная политическая идентичность. Сеньоры и духовенство вполне определенно демонстрировали лояльность новой метрополии и даже неоднократно подтверждали ее на деле, например, в столкновениях с повстанцами в ходе Войны за независимость США или во время англо-французской войны 1792—1802 годов. Многочисленное крестьянство — абитаны, как они сами себя называли, — не проявляло солидарности с британскими властями, но и не предпринимало попыток вернуться под суверенитет Франции или обрести независимость. На протяжении 1760—1790-х гг. они не тревожили завоевателей массовыми протестами: не было зафиксировано ни одного случая, когда бы абитаны организованно выступили против новых хозяев Канады.

И хотя франкоговорящие канадцы не подавали особых поводов для беспокойства, управляющие колонией и англоязычная общественность постоянно твердили о наличии «французской угрозы». Их худшие опасения, казалось, начали оправдываться по мере того, как контроль над ассамблеей стал переходить в руки «французских» канадцев. В качестве ответа чиновники колониальной администрации предложили несколько амбициозных проектов, целью которых являлась ассимиляция франкоканадцев, их «англификация». В частности, генеральный почтмейстер Канады Хью Финлэй требовал обучить канадцев английскому языку через систему всеобщего бесплатного школьного образования и не допускать до занятия сколь-либо значимых должностей тех, кто его не знает¹³. Главный судья У. Смит шел дальше и требовал отмены сенсориальной системы и старых французских законов, еще сохранявших силу в делах, касавшихся только франкоканадцев, а также ратовал за введение светской системы образования английского образца¹⁴.

Но дело долгое время не продвигалось дальше проектов и разговоров. Генерал-губернатор Канады Гай Карлтон и, вслед за ним, правящие круги Британской империи были готовы принять франкоканадцев такими, какими они оставались, лишь бы это гарантировало мир и спокойствие в колонии. Примером толерантного отношения британской колониальной администрации оставался Квебекский акт 1774 г., который гарантировал франкоканадцам возможность свободно исповедовать католическую религию и придерживаться прежних традиций и законов.

Однако ситуация изменилась с началом в 1792 г. англо-французской войны. Образ врага для англоязычной публики кардинально изменился, и им теперь оказались не США, как это было два предшествовавших десятилетия, а Франция. Соответственно, французский язык, культура, законы, да и все, что связывалось с этим государством, приобрело оттенок не просто чужеродности, но враждебности. А сами франкоязычные канадцы все чаще воспринимались как «пятая колонна», демонстрировавшая нелояльность одним только своим нежеланием перенимать английскую культуру и законы.

Степень возросшей подозрительности властей можно понять на примере курьеза с монреальским «Клубом двенадцати апостолов», куда входили местные франкоязычные торговцы и землевладельцы. В 1800 г. британские чиновники подозревали этот «клуб» в связях с наполеоновской Францией, несколько месяцев следили и собирали информацию о его деятельности. А, в итоге, поняли лишь то, что под столь претенциозным названием «скрывалась» обычная компания друзей, которые встречались ради еды и выпивки в монреальских кабаках и тавернах и вовсе не интересовались политикой¹⁵.

Новый генерал-губернатор Канады Роберт Милнс, приступивший к работе в 1799 г., нисколько не скрывал собственного отношения к франкоканадцам как к потенциальным изменникам и врагам. Он быстро нашел общий язык с Дж. Маунтаинном, известным своей ксенофобией англиканским епископом Квебека и вполне определенно дал понять, что ассимиляция абитанов теперь является главной задачей колониальных властей. В 1801 г. Р. Милнс добился от ассамблеи принятия Билля об образовании, который предусматривал создание в каждом приходе бесплатных англоязычных начальных и средних школ. Их планировалось содержать за счет провинциального бюджета и использовать для распространения «английских идеалов, традиций и чувств», «изменения политических и религиозных взглядов франкоканадцев»¹⁶.

Генерал-губернатор лично отбирал учителей и управляющих для этих школ и даже вникал в содержание учебных дисциплин. Верность и рвение в работе щедро оплачивались: отдельные преподаватели, отличавшиеся успехами в донесении до учеников «преимуществ британского правления», получали за службу

более 50 фунтов в год, школы регулярно снабжались книгами, мебелью и разнообразной утварью¹⁷.

Развивая эффект Билля об образовании, колониальные власти задумали провести реформы сеньориальной системы и канадской католической церкви. Суть первой из них состояла в переводе всех сеньориальных земель в частную собственность, а крестьянских повинностей в денежную форму. Генеральный прокурор Дж. Сьюэлл предлагал генерал-губернатору, как представителю короны, потребовать от сеньоров уплаты всех феодальных налогов и сборов, которые только существовали в Англии со времен средневековья, но, конечно, уже давно не взимались. Размер многовековой «задолженности» по ним, даже по предварительным подсчетам выглядел просто огромным, намного больше рыночной стоимости земель, что, по замыслу, должно было заставить сеньоров спешно переоформить земли в частную собственность. Тем самым и крестьяне сменили бы статус на свободных арендаторов, а главное — англоязычные поселенцы и крупные собственники смогли бы гораздо проще приобретать земельные участки и расселяться в сельской местности Канады¹⁸. Что же касалось реформы церкви, то предполагалось распространить действие Акта о супрематии на католическое духовенство, что позволило бы генерал-губернатору назначать лояльных людей на все церковные должности, как и снимать их по первому же подозрению в неверности¹⁹. Это отнюдь не означало пересмотра всего штата священников, но ликвидировало всякую автономию канадской католической церкви.

Колониальное правительство планировало, что в результате обеих реформ сеньоры и кюре французского происхождения потеряют места в ассамблее, а на их место придут англоязычные землевладельцы и полностью подконтрольные священники. Возможно, их авторитет среди абитанов не был бы высок, зато именно после замены политических элит внедрение английского языка, законов и образа жизни пошло бы гораздо быстрее.

Однако момент для реализации плана оказался неподходящим. В 1803 г. Великобритания вступила в очередную войну с Францией, и колониальным властям вновь потребовалась преданность канадских кюре и сеньоров. К тому же от тех, как и прежде, не исходило какой-либо реальной угрозы и в срочной ассимиляции не наблюдалось необходимости. Епископ Дено, например, был настолько возмущен условиями конкордата 1801 г., что видел в Наполеоне слугу дьявола и радовался возможности находиться в Канаде, а не во Франции, в этот трудный для католической церкви момент²⁰. С ним были согласны и многие другие священники, называвшие Бонапарта антихристом и зверем, пошедшим войной не только против Великобритании, но и «против всех святых»²¹.

Сеньоры, как и духовенство, не скрывали враждебности к наполеоновской Франции. Отношение к ее императору колебалось между твердым отрицанием его прав на верховную власть и эмоциональными обвинениями в безумстве и мании величия. «Национальный характер французов, должно быть, совсем испортился, раз они позволяют править собой столь ужасному диктатору», — писал член Законодательного совета П.-Р. де Сен Урс²². За первое десятилетие XIX в. никто из землевладельцев не был ни разу заподозрен властями в нелояльности.

Даже радикально настроенные депутаты ассамблеи признавали, что между франкоканадцами и французами не осталось ничего общего. «Мы теперь одни в этом мире, — констатировал Д.-Б. Вижер. — Географическая удаленность сделала нас отличными от французов... Особенности нашей земли, способов ведения хозяйства превратили нас в людей совсем другого сорта... и за исключением языка в нас не осталось ничего французского»²³. А критически настроенная оппозиционная газета «Ле Канадиен» даже уповала на британский флот, как на защиту от «тирании французского узурпатора»²⁴.

Что же касается многочисленного крестьянства, то его позиция оставалась неопределенной. Как объяснял генерал-губернатор Милнс госсекретарю лорду Хобарту, многое зависело от того, случится ли вторжение французских войск в Канаду и на чьей стороне будет перевес сил. Если активные боевые действия обойдут Канаду стороной, считал управляющий, то не останется причин беспокоиться, поскольку абитаны по привычке сохраняют верность британской короне. Если французские войска все же появятся в Северной Америке, но окажутся быстро разбиты гарнизоном колонии, то крестьяне останутся пассивными наблюдателями и не будут рваться в бой на чьей-либо стороне. В случае же поражения английских сил франкоканадцы, скорее всего, с радостью встретят новых владельцев провинции. В любом случае, не следовало рассчитывать на их активную поддержку²⁵.

Как показало время, Милнс предложил весьма точный прогноз. Наполеоновское правительство не интересовалось Канадой, а канадцы не испытывали к французскому императору заметных симпатий. По крайней мере, имеющиеся источники не сохранили сведений о том.

Привлекает внимание та подозрительность и напряженность, которая воцарилась среди колониальных чиновников после 1803 года. Малейшие происшествия, будь то пожар в монреальской тюрьме или смена французского посла в США, трактовались как явный признак заговора²⁶. Слухи о якобы готовящемся вторжении Наполеона то и дело будоражили умы британских управляющих. Джеймс Генри Крэйг, принявший полномочия генерал-губернатора Канады в 1807 г.²⁷, несмотря на недавний разгром французского флота в Трафальгарском сражении, считал, что после захвата Европы Наполеон обязательно предпримет попытку вернуть бывшую колонию в Северной Америке. Его мотивами назывались потребность в канадской корабельной древесине или во франкоязычных рекрутах для новых войн²⁸.

Как и Милнс, новый губернатор совершенно не доверял франкоканадскому населению. «Среди них не найдется и пятидесяти несогласных, если пойдет речь о возвращении под власть Франции, — писал Г. Крэйг госсекретарю лорду Ливерпулю, — скажу даже, что они ждут этого. Они обсуждают и перешептываются об этом, уверен, и сочинили какую-нибудь песенку, в которой рассказывается, как Наполеон прогоняет англичан из Канады»²⁹. И сеньоры, и «папистское» духовенство, продолжал он, готовы изменить в любой момент. Но наибольшее раздражение губернатора вызывала «канадская партия» — франкоязычные депутаты ассамблеи невысокого социального происхождения, коих после 1800 г. стало большинство. Их реакцией на нескрываемую франкофобию губернатора стали предвыборные заявления о «засилии англичан» на государственных должностях, «угрозах» католической религии, «бесполезных чиновниках» колониальной администрации и ответная англофобия³⁰. Все это казалось Крэйгу не просто популистской риторикой, а частью «якобинского заговора»³¹. Особую обеспокоенность у губернатора вызывали недавно появившиеся разговоры про «канадскую нацию», которые он понимал как требование «санкюлотов» из ассамблеи оставить Канаду для канадцев и изгнать всех иностранцев, то есть англичан³².

Точку зрения губернатора разделяли и многие представители англоязычной общественности. «Эта ассамблея похожа на дилижанс, набитый адвокатами, клерками, деревенскими дураками, мелкими торгашами и бедняками, — писал анонимный памфлетист. — И выбрали их туда нищие и невежественные лапотные крестьяне»³³. Ведущая англоязычная газета «Меркьюри» соглашалась с такой оценкой, но в более сдержанных тонах. «Законодательное собрание говорит не языком Чатама, Берка, Питта и Фокса, а речами Мирабо, Марата и Робеспьера», — подчеркивал журналист «якобинский настрой» франкоязычных депутатов³⁴.

В результате этих нападок «канадская партия» только укреплялась в своей оппозиционности и спланировала ряды внутри ассамблеи — единственного органа власти, неподконтрольного напрямую британским властям. С 1808 г. она начала открытое наступление на губернатора и его приближенных. Первым делом франкоязычное большинство приняло билль о запрете судьям всех рангов занимать места в советах при губернаторе и законодательном собрании. Формально он основывался на общепринятой в Великобритании практике, но на деле, конечно, был направлен на ослабление англоязычной элиты. Ведь таким образом приближенные к губернатору коммерсанты оказывались перед выбором, какой из многочисленных и доходных постов сохранить. Не желая терять ни одного, они заблокировали продвижение билля в Законодательном совете³⁵.

Следующим шагом стало исключение из состава ассамблеи И. Харта и Дж. де Бонна, формально, по причине иудейского вероисповедания первого и без каких-либо нарушений со стороны второго. Многие справедливо считали, что дело было в их близости к губернатору и принадлежности к, так называемой, «дворцовой клике» — англоязычной элите, группировавшейся вокруг Законодательного и Исполнительного советов³⁶.

Ссылаясь на принципы британской конституции, парламентарии требовали изъять у губернатора и его советников право распоряжаться финансами и передать в их руки бюджет колонии. После очередных выборов 1810 г. они снова приняли билль об исключении судей из ассамблеи и выступили с заявлением о неправомерности губернатора и его советников отменять билли, которые касаются ее внутренних дел. В ответ Крэйг обвинил депутатов «в пустой болтовне, бессмысленной трате времени, несдержанности» и распустил законодательное собрание³⁷. Оппозиционная «Ле Канадиен» немедленно назвала действия губернатора тиранией и нарушением Конституции 1791 г., а тот отдал приказ конфисковать печатный пресс газеты и арестовать несколько наиболее заметных депутатов ассамблеи по подозрению в государственной измене³⁸.

Свои действия Крэйг сопроводил особой, весьма эмоциональной прокламацией, где обличал «изошренные рассуждения нечестивых людей, которые распространяют ложные сведения, мятежные и изменнические сочинения, приписывают правительству Его Величества злые и вредоносные замыслы, пытаются воплотить свои стремления в актах заговора и восстания»³⁹. Губернатор не называл имен, но вряд ли приходилось сомневаться, что под «нечестивыми людьми» подразумевалась франкоязычная оппозиция из «канадской партии». Резкий стиль документа в совокупности с угрозами тюрьмой и наказанием всем «авторам и издателям указанных злонамеренных и изменнических сочинений» как бы ставили точку в спорах. Крэйг продемонстрировал, что отныне предпочитает аресты дискуссиям.

Канада оказалась в тупике политического кризиса с очевидной этнической составляющей. Стоит отметить, что до сих пор властям удавалось не допускать подобных конфликтов, причем и в более сложные моменты, а теперь официальная «Монреаль гзетт» и англоязычная «Меркьюри» не скрывали радости по поводу заключения в тюрьму парламентариев, которых сравнивали с Уотом Тайлером и Робеспьером⁴⁰. На улицах городов впервые с 1776 г. появились военные патрули⁴¹.

Пытаясь доказать собственную правоту, губернатор Крэйг распорядился провести тщательное расследование деятельности наиболее одиозных депутатов. Однако не нашлось никаких доказательств связи хоть кого-нибудь из них с французским правительством или агентами Наполеона в Канаде. Больше, в чем удалось их обвинить, — это в некорректных предвыборных речах вроде лозунга Лафорса «не голосуйте за англичан или потеряете свою страну» и призывах Корбе к радикальным переменам в принципах назначения колониаль-

ных чиновников в пользу франкоканадцев. Само по себе, ни то, ни другое не могло быть признано преступлением даже весьма ангажированными членами Исполнительного совета.

В итоге, все обвинения были сняты и арестованные вышли на свободу. В силу внезапной тяжелой болезни Крэига и его отбытия в Великобританию в июне 1811 г. кризис разрешился сам собой. И англо- и франкоканадская общественность ожидала назначения нового губернатора и возлагала надежды на его благосклонность.

Таким образом, результатом настойчивых поисков «французской угрозы» стало появление и укрепление влияния тех франкоязычных политиков, которые использовали в качестве платформы ставшую обычной для британских общественно-политических кругов риторику ксенофобии и нетерпимости. Их пока еще немногочисленные заявления об особой нации позволяют датировать возникновение франкоканадского национализма первым десятилетием XIX в. и констатировать, что его зарождение стало реакцией не столько на завоевание, сколько на ксенофобию завоевателей, не позволившую жителям недавно приобретенной колонии перенять британскую политическую идентичность.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 14-31-01213.

1. Среди недавних работ, посвященных этой теме, можно назвать лишь две статьи. См.: ИЛЬИНА О.В. «Школьный вопрос» в Манитобе в контексте англо-французских межэтнических отношений в Канаде конца XIX в. — Вестник Челябинского государственного университета. 2014, № 8 (337), с. 79—83; САУКОВА Е.С. Проблема создания Австралийского Союза в интерпретации Альфреда Дикина (1880—1900). — Там же, с. 74—78.
2. The Constitutional act of the province of Lower Canada: anno regni Georgii III, regis Magnæ Britannicæ et Hibernicæ tricessimo primo at the Parliament begun and holden at Westminster, the twenty-fifth day of November, anno Domini reign of our late sovereign Lord George the Third, by the Grace of God, of Great Britain and Ireland, King, Defender of the Faith, &c. being the first session of the seventeenth Parliament of Great Britain. Montreal. 1828, p. 3.
3. FRYER M.B., DRACOTT CH. John Graves Simcoe 1752—1806: A Biography. Toronto. 1998, p. 12—13.
4. KINGSFORD W. The History of Canada. Vol. 7. Toronto, 1892, p. 339.
5. The correspondence of Lieut. Governor John Graves Simcoe with allied documents relating to his administration of the government of Upper Canada. Vol. 1. Toronto. 1923—1931, p. 28—29.
6. Биографические сведения взяты из Канадского биографического словаря. См.: Dictionary of Canadian Biography. Vol. 5—7. Toronto. 2003. [URL:] <http://www.biographi.ca>.
7. The correspondence of Lieut. Governor John Graves Simcoe, p. 48.
8. См., например, переписку А. Кларка и Дж. Симко, которая дает наглядное представление об интересовавших лейтенант-губернаторов вопросах, в издании The correspondence of Lieut. Governor John Graves Simcoe.
9. WADE M. The French Canadians, 1760—1945. N.-Y. 1955, p. 94.
10. Ibid., p. 95.
11. CHRISTIE R. A history of the late province of Lower Canada; parliamentary and political, from the commencement to the close of its existence as a separate province. Vol. 1. Quebec. 1848, 133—135.
12. WADE M. Op. cit., p. 97.
13. Finlay to Nepean, 9 Feb. 1789. — Documents Relating to the Constitutional History of Canada, 1759—1791. Vol. 2. Ottawa. 1918, p. 961.

14. WARD J.M. Colonial Self-Government. The British Experience 1759—1856. Buffalo. 1976, p. 15—16.
15. Ryland to Foucher, 6 Jan. 1800. Library and Archives Canada. Collection Baby. Vol. 13, p. 7366.
16. WADE M. Op. cit., p. 103—104.
17. AUDET L.-P. La système scolaire de la Province de Québec. Vol. 3. Quebec. 1953, p. 136.
18. Sewell's report to Milnes on the lods et ventes. — Documents relating to the constitutional history of Canada, 1791—1818. Ottawa. 1914, p. 249—251, 265—266.
19. Milnes to Portland, 1 Nov. 1800. — Ibid., p. 249—250, 252; Portland to Milnes, 6 Jan. 1801. — Ibid., p. 256.
20. Denaut to Pope Pius VII, 26 April 1803 — Rapport de l'archiviste de la province de Québec pour 1931—32. Quebec. 1932, p. 204.
21. GASPÉ P.-A. Mémoires. Quebec. 1885, p. 496—498.
22. Paul-Roch de St. Ours to Lavaltrie, 17 Sept. 1804. Library and Archives Canada. Ottawa, Ontario. Collection Baby. Vol. 13, p. 7863.
23. Un Canadien, M.P.P. [D-B. VIGER] Considerations sur les effets qu'ont produit en Canada, la conservation des etablissemens du pays, les moeurs, l'éducation, etc. de ses habitans... Montreal. 1809, p. 32—33.
24. Le Canadien. 24.IX. 1808.
25. Milnes to Hobart, 24 June 1803. Library and Archives Canada. CO 42. Vol. 122, p. 13—14.
26. Milnes to Hobart, 12 Aug. 1803. Ibid., p. 176; Magistrates of Montreal to Ryland, 8 Aug. 1803. Ibid., p. 181.
27. Стоит особо отметить, что частая смена губернаторов также не способствовала снижению накала страстей. Уже упомянутые Р. Милнс и Г. Крэйг, как и П. Хантер, и Ф. Гор, управляющие Верхней Канады, пришедшие на смену Дж. Симко, получили назначение в страну из других колоний, прежде никогда не бывали в Северной Америке, зато обладали опытом боевых действий против французов. Они неизменно воспринимали франкоканадцев как вероятных врагов и просто не успевали получше узнать население провинции прежде, чем их отправляли на другую должность. В период с 1791 по 1811 гг. в Канаде сменилось 6 генерал-губернаторов: Г. Карлтон находился у власти 10 лет, Р. Прескотт — 3 года, Р. Милнс — 6 лет, Т. Данн — 2 года, Г. Крэйг — 4 года, Дж. Прэвост — 4 года. В Верхней Канаде на должности лейтенант-губернатора пребывали: Дж. Симко — 5 лет, П. Рассел — 3 года, П. Хантер — 6 лет, А. Грант — 1 год, Ф. Гор — 5 лет, И. Брок — 1 год. В Нижней Канаде ситуация выглядела стабильнее: А. Кларк — 4 года, Р. Милнс — 9 лет, Т. Данн — 6 лет.
28. Craig to D.M. Erskine, 13 May 1808. Library and Archives Canada. CO 42. Vol. 122, p. 184.
29. Craig to Liverpool, 1 May 1810. — Documents relating to the constitutional history of Canada, 1791—1818, p. 388, 391, 395.
30. Подобные высказывания часто можно было встретить и на страницах «Le Canadien». См.: Le Canadien. 7, 21, 28.V.1808; 3.III.1810.
31. Craig to Liverpool, 1 May 1810, p. 390—392.
32. Ibid., p. 392—393.
33. An Enquiry in to the Evils of General Suffrage and Frequent Elections in Lower Canada. Montreal. 1810.
34. Mercury. 16.III.1807.
35. KINGSFORD W. The History of Canada. Vol. 8. Toronto. 1895, p. 47—48.
36. WADE M. Op. cit., p. 107.
37. KINGSFORD W. Op. cit., p. 50.
38. Craig to Liverpool, 24 March 1810. Library and Archives Canada. Colonial Office, Q Series (Colonial Office funds), vol. 112, p. 57—58.
39. CHRISTIE R. Memoirs of the administration of the colonial government of Lower-Canada, by Sir James Henry Craig, and Sir George Prevost; from the year 1807 until the year 1815. Quebec. 1818. Appendix B.
40. Montreal Gazette. 5.III.1810; Quebec Mercury. 19.III.1810.
41. CHRISTIE R. A history of the late province of Lower Canada, vol. 1, p. 314.

Отношения России со Святым Престолом в XIX в.

О.В. Серова

После провала переговоров в 1873 г. российское правительство продолжало выполнять принятый указ. Однако меры, направленные на осуществление намеченной реформы, вызвали отрицательную реакцию в Риме.

Сменившему Капниста Л.П. Урусову вместе с нотой от 26 июля 1877 г. государственным секретарем кардиналом Симеони была вручена памятная записка на имя А.М. Горчакова. В ней в 15 пунктах перечислялись решения российского правительства, от которых страдала католическая Церковь в России и Царстве Польском. Среди них упоминался и новый указ о введении русского языка в дополнительное богослужение, действовавший ранее в вильнюсской и минской губерниях, а с января 1876 г. распространенный на епископства Луцка, Житомира и Каменецка. Отмечалось, что эта акция противоречила правам Св. Престола. Оба эти документа (нота и памятная записка) были найдены Урусовым несовместимыми с достоинством правительства и, по предварительному согласованию с Министерством иностранных дел и снятия с них копий, были возвращены адресату. Самому Урусову было предписано воспользоваться отпуском и покинуть Рим¹.

Сообщая Горчакову в частном письме от 11 августа (30 июля) 1877 г. о своей беседе с Симеони по поводу этих документов, Урусов, в частности, писал, что, когда речь зашла о введении русского языка в дополнительное богослужение, кардинал выразил удивление по поводу непонимания российским правительством того факта, что подобное изменение в богослужении не может совершаться без согласия Св. Престола и что епископы не могли по собственному почину решать этот вопрос. Урусов оспорил такое утверждение, сославшись на слова, сказанные в свое время кардиналом Антонелли Капнисту².

Вскоре Симеони вручил дипломату официальный документ, в котором говорилось, что после случившегося ни папа, ни кардинал больше не смогут его принимать, о чем будет информировано императорское правительство³. По существу, речь шла о новом разрыве отношений. Но в феврале 1878 г. умер Пий IX, а с приходом нового папы ситуация изменилась.

Правда, на начавшихся в 1879 г. при Льве XIII переговорах в Вене через российского посла П.П. Убри о возобновлении отношений между Россией и

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2015. № 10.

Св. Престолом вопрос о введении русского языка в дополнительное богослужение был затронут лишь косвенно в связи с обсуждением положения минской епархии. Составлявшая до того самостоятельную епархию, она была упразднена указом от 27 (15 июля 1869 г.)⁴ и распоряжением правительства, а ее церкви были присоединены к виленской епархии, которой с 1866 г. управлял священник Пётр Жилинский, не имевший канонического постановления для занятия своей должности.

В ходе переговоров Св. Престол поднял вопрос о ее восстановлении. Категорически отказавшись, российское правительство настояло на ее упразднении и присоединении ее церкви к могилевской архиепархии под непосредственное управление архиепископа. Острый характер обсуждения был связан с тем, что речь шла о единственной губернии, где в половине католических приходов дополнительное богослужение и проповедь совершались на русском языке.

Этому вопросу в С.-Петербурге придавали исключительное значение, как о том свидетельствует, например, записка министра внутренних дел Л.С. Макова от 24 (12) января 1880 г., направленная Горчакову. «Во всем этом деле восстановления соглашения с римской Курией для нас имеют действительно существенное значение только два вопроса: о признании русского языка в дополнительном богослужении и о возобновлении правильной иерархии (подчеркнуто в тексте. — *О.С.*) — и то не в равной степени», — писал он.

Перспектива положительного решения первого вопроса представлялась ему весьма отдаленной даже, если бы оправдалось «предположение, что римская Курия решится, наконец, отнестись сочувственно к нашим требованиям относительно наложенного ею интердикта на русский язык... и даже окажет, со своей стороны, некоторое нам содействие». Но и в этом случае «не следует еще думать, что последствия такой перемены скажутся немедленно и что польская молитва повсеместно, где большинство римско-католического населения не польское, заменится русскими и начнется процесс обрусения католицизма в природных русских областях, который составляет одно из наших государственных стремлений»⁵, — заключал министр.

В другой записке, от 2 мая (21 апреля) 1880 г., тому же адресату Маков вновь подчеркивал исключительную значимость разрешения этого вопроса для отношений с Курией в целом. Он так излагал свои соображения по этому поводу: «Вопрос о допущении русского языка до сего времени был, как можно понять, затрагиваем лишь мимоходом. Этот вопрос необходимо разрешить положительно, иначе мир или соглашение с Ватиканом будут непрочны. Столкновения и всякого рода недоразумения — неминуемы. Разрешение этого вопроса важно не только по существу, но и потому еще, что все соглашение с Римом получит совершенно иной колорит. Если этот вопрос будет разрешен удачно, то соглашение получит характер несомненной искренности, а не неизбежной для обеих сторон необходимости (все подчеркнуто в тексте. — *О.С.*). По отношению к нашим полякам это дело представляет громадную первостепенную важность. Косвенно, но самым положительным образом будет разрешен вопрос о русском языке в школе. Последствия удачного исхода переговоров о русском языке до такой степени серьезны, что в полном объеме не могут быть даже ныне предусмотрены. Тем не менее, покупать это дело восстановлением минской епархии нельзя. Одно уже сделано безоговорочно, другое — дело будущего и терпения. Так или иначе, но Рим вынужден будет уступить. Само собой разумеется, что, чем скорее, тем лучше. Поэтому-то и необходимо ныне сделать энергичную попытку»⁶.

Быстро однако достичь этого не удалось. Анализируя ход переговоров в октябре 1880 г., Маков пришел к весьма неутешительному выводу. «Затруднения, делаемые римской Курией относительно бывшей минской епархии, дока-

зывают, что она, независимо от категорического отказа в деле русского языка, намерена и впредь противодействовать его допущению»⁷, — писал он. Справедливость его вывода подтвердил отказ Св. Престола от всякого соглашения относительно богослужебного языка непольского католического населения уже после того, как переговоры из Вены были перенесены в Рим⁸.

И все-таки, хотя и очень нескоро, разрешить этот вопрос удалось. После возобновления в 1894 г. дипломатических отношений между Россией и Св. Престолом в них наметилось значительное улучшение.

Во всеподданнейшем докладе Николаю II от 18 (6) марта 1896 г. министр внутренних дел И.Л. Горемыкин в части, посвященной вопросу об оставшихся вакантными римско-католических приходах минской губернии, по существу подвел итоги проведения в жизнь указа 25 декабря 1869 года.

Они оказались весьма скудными: после оглашения этого указа по церквям иностранных исповеданий число римско-католических священников, которые стали открыто употреблять русский язык в молитвах за царя и некоторых других, оказалось небольшим, а применение этой меры на практике ограничилось лишь минской губернией, находившейся на особом положении.

Министр напоминал, что, как указывалось выше, до того составлявшая самостоятельную католическую епархию, она была присоединена в 1869 г. к виленской епархии указом правительства. Принятие им этой меры без согласия римской Курии поставило католические церкви минской губернии в неопределенное положение. Этим воспользовались некоторые местные ксендзы, движимые различными целями. По приглашению властей они стали вводить русский язык в дополнительное богослужение, но делали это по собственному усмотрению, часто не сообразуясь даже с пожеланиями прихожан. Между тем, «введенное в заблуждение внешними результатами Министерство внутренних дел оставило без последствий и проверки поступавшие жалобы на самовольные и принудительные действия ксендзов по введению русского языка. В отступление от точного указания закона 1869 г., оно решило, на свой страх и риск, что сохранение русского языка в тех приходах, где он введен, должно на будущее время почитаться обязательным (все подчеркнуто в тексте. — *О.С.*)»⁹.

Однако по прошествии нескольких лет само министерство вынуждено было отказаться от услуг ксендзов, взявших в свои руки дело введения русского языка, которые «в расчете на поддержку гражданской власти, не замедлили подорвать к новой мере всякое доверие в местном населении».

Министерство пошло на это после того, как за короткое время были приняты все возможные меры к упрочению дела: испрошены добавочные оклады, даны награды, утверждено училище органистов, починены церкви, переведены богослужебные книги, «высылались строптивые и противодействующие, закрывались упорные костелы, но ничего не помогало. Ссоры, взяточничество, позорные порки, заносчивость перед местными властями в среде покровительствуемых ксендзов истощали все внимание местных властей и министерства, не подвигая дела»¹⁰, — разъяснял ситуацию Горемыкин.

К тому же в 1877 г. последовало постановление конгрегации Св. Инквизиции о незаконности введения русского языка в дополнительное богослужение без согласия римской Курии, и хотя о нем официально не было сообщено католическому духовенству в России, оно быстро стало известно и ему, и его пастве. В глазах масс совершение дополнительного богослужения по-русски воспринималось как греховное, а его сторонники — как ослушники церковных распоряжений.

Совершенно непреодолимые затруднения при замещении открывавшихся в приходах с признанным для них обязательным русским языком вакансий создавал отказ священников, предлагаемых епархиальным начальством, подчи-

няться требованию служить по-русски. Побороть это сопротивление не могли ни оставление приходов без священников, ни даже закрытие некоторых из них для устрашения католического духовенства. Последствия этого лишь отразились на местном католическом населении, лишенном всякого духовного призора.

В 1895 г. министерством (еще по распоряжению тогдашнего министра внутренних дел И.Н. Дурново) был начат пересмотр всего дела о введении русского языка в дополнительное богослужение. В результате выяснилось следующее. В оставшихся в минской губернии «46 приходах только 9 священников совершают или считаются совершающими дополнительное богослужение на русском языке; 15 приходов, в коих этот язык считался введенным, остаются без священников, в 6-ти таких же приходах русский язык постепенно заменился польским и в одном приходе все богослужение, основное и дополнительное, совершается на латинском языке».

«Эти выводы, — должен был признать Горемыкин, — привели к убеждению, что дело, неверное по существу, было, к тому же, задумано и проведено крайне неудачно и после двадцатипятилетнего опыта не дало никакого осязательного результата. Ввиду сего, сам собой, возник вопрос, не полезнее ли предать неудачные попытки полному забвению, с тем, чтобы развязать правительству руки в будущем, если в среде католиков западных губерний, не принадлежащих к польской народности, возникнет естественное стремление пользоваться русским языком для молитвы».

Однако ознакомленный с этими материалами минский губернатор, не отрицая стеснений, испытываемых частью католиков, решительно возражал против отступления от принятого в свое время министерством решения. Неудачу введения русского языка в католическое богослужение он приписывал недостаточной решительности правительства и тому, что эта мера применялась лишь в приходах минской губернии, а не стала общей для всех католических епархий. Поэтому губернатор высказывался «за настойчивое и общее введение русского языка в католическое богослужение».

По мнению Горемыкина, нельзя было согласиться с подобным взглядом «ни по чувству справедливости, ни с точки зрения государственных интересов. Противоречия присущей нашему правительству терпимости, он вызывает применение на практике суровых мер, способных обратить верноподданного иноверца в фанатика и ненавистника России».

Министр ссылаясь также на то, что против введения русского языка в римско-католическое богослужение решительно высказывался в свое время бывший обер-прокурор Святейшего Синода Д.А. Толстой¹¹. Такого же мнения придерживался и его преемник.

Этот вопрос министр обсудил и с представлявшим в это время Россию при Св. Престоле министром-резидентом А.П. Извольским во время его пребывания в С.-Петербурге в связи «с неоднократными заявлениями его о готовности римской Курии оказать нашему правительству содействие, чтобы найти практический выход из затруднения».

Горемыкин предлагал начать переговоры с Курией на следующих условиях: заявить ей о невозможности возвращения польского языка в те запустелые костелы, где 25 лет назад было сделано обязательным употребление русского языка в дополнительном богослужении. Если же Курия, по каноническим причинам, не сочтет для себя возможным отказаться от наложенного ею запрета на русский язык, то выразить готовность допустить в ставшие вакантными приходы священников, обязанных совершать богослужение по общим римско-католическим богослужебным книгам, то есть на латинском языке. Что же касалось проповеди, то она могла произноситься в этих приходах либо по-

русски, либо на понятном населению местном наречии, но отнюдь не польски.

«Такое, хоть и временное, разрешение рассматриваемого вопроса, — заключал свой доклад министр, — поставит нас по отношению к Риму в наиболее выгодные условия и, вместе с тем, с нашей стороны, этим будет дано ясное доказательство, что мы чужды всякого религиозного преследования и готовы дать полное удовлетворение духовным нуждам католического населения, оставаясь в то же самое время непоколебимо твердыми перед натиском польских притязаний на Северо-западный край». Резолюция Николая II на докладе Горемыкина гласила: «Вполне одобряю высказанные здесь взгляды»¹².

В соответствии с этими взглядами были даны предписания в Рим Извольскому. Как он сообщал 2 февраля (21 января) 1897 г., в ответ на условия российской стороны в представленной ему государственным секретарем кардиналом Рамполла памятной записке удовлетворительный ответ последовал лишь по первой части российского предложения. В ней выражалось согласие Курии на назначение, с соблюдением обычных канонических норм, в вакантные приходы минской губернии, в которых был введен русский язык в дополнительном богослужении, священников, которые отправляли бы богослужение и совершали бы таинства на латинском языке. Одновременно объявлялся запрет на любые другие нововведения в дополнительном богослужении.

Вторая часть предложений российской стороны оказалась обойдена молчанием, что, как выяснил Извольский у кардинала, было вовсе не случайно, ибо решение вопроса о том, должна ли проповедь произноситься по-русски или на местном наречии, следовало предоставить непосредственному соглашению между правительством и местной епископской властью. При этом в принципе Курия не возражала против обращения священника к его пастве с проповедью на родном ее наречии, но судить о том, насколько это оправдано на деле составом населения, должен был епископ. В качестве уже имевшего место опыта, встретившего положительную оценку Курии, он сослался на недавний объезд Могилевской архиепархии епископом-суффраганом Сымоном, несколько раз произносившим проповеди не по-польски, а на местном наречии¹³.

В результате переговоров, занявших 9 месяцев, 2 апреля 1897 г. было заключено соглашение по трем проблемам, в том числе и об упорядочении положения римско-католических приходов в минской губернии с обязательным русским языком в дополнительном богослужении¹⁴.

В нем говорилось, что Св. Престол, «дабы удовлетворить необходимейшие потребности тех приходов минской губернии, в которых был введен русский язык в дополнительном богослужении, соглашается на назначение, в канонических формах и компетентною духовною властью, настоятелей, которые будут отправлять богослужение и совершать таинство на латинском языке. Всякое другое нововведение в дополнительном богослужении остается воспрещенным; настоятели могут, однако, с одобрения местных епископов, в тех местностях, где население говорит на белорусском наречии, употреблять его для преподавания катехизиса»¹⁵.

Достигнутый на переговорах результат Извольский ставил в заслугу Льву XIII. Он напомнил, что в появившейся в марте 1894 г. энциклике папа потребовал от польского духовенства и народа безусловной верности русской государственной власти. А позднее понтифик обратил настойчивую просьбу к С.-Петербургу искать решение возникавших в его отношениях с польским духовенством проблем в согласии с ним, обещая пойти на все уступки, дозволяемые ему самому основными положениями католического учения. Он находил, что ответы папского правительства явились «результатом крайнего напряжения доброй воли Льва XIII и сторонников его примирительной политики и потребовали от них

значительной доли мужества». Он также подчеркивал, что Курия «делает нам навстречу, несомненно, серьезный шаг и никогда еще римская Церковь, обыкновенно крепко держащаяся своих вековых традиций, не высказывала такой решимости стать по отношению к нам на новую дорогу».

Сквозь призму этого общего положения Извольский призывал оценивать подписанные соглашения. «Если полученные нами от Курии ответы могут, на наш взгляд, казаться недостаточными, уклончивыми и неполными, они имеют характер небывалых уступок и свидетельствуют о серьезном внутреннем переломе в папской политике. Осмеливаюсь высказать мысль, что этот факт далеко небезразличен для наших государственных интересов в польском крае», — писал он. Подтверждение этого дипломат видел в разнице реакций польского духовенства на административные начинания по отношению к нему государственной власти и на указания папы. Если первые «не только не достигают цели, но даже производят обратное действие, способствуя лишь развитию среди наших католиков узко национального фанатизма, авторитетное слово папы, сказанное в нашу пользу, дает нам, напротив, в руки единственно верное оружие для борьбы с этим фанатизмом. С этой именно точки зрения, мне кажется, следует смотреть на достигнутый настоящими переговорами частичный успех», — заключал он ¹⁶.

При проведении в жизнь соглашения, достижение которого потребовало столько времени и усилий, неожиданно возник инцидент, урегулирование которого оказалось весьма примечательным с точки зрения взаимоотношений между Римом и С.-Петербургом. Его главным действующим лицом стал епископ Сымон, принадлежавший к высшим кругам римско-католического духовенства.

Его продвижение по службе протекало весьма успешно. Рукоположенный в духовный сан в 1864 г. он проходил свою службу исключительно по духовно-учебной части в луцко-житомирской семинарии и в качестве инспектора Духовной Академии. Из них в 1877 г. он был устранен ввиду слухов, что «проводил в среду учеников польские тенденции» и возвращен в луцко-житомирскую епархию, к составу которой принадлежал. Вопреки существованию таких слухов, весной 1884 г. тогда министр внутренних дел Толстой положительно отнесся к назначению его ректором Академии, по ходатайству митрополита римско-католических церквей. Правда, не располагая сведениями о том, что послужило поводом для подобных подозрений, министр прореагировал на предложение митрополита с большой осторожностью. Однако собранные через жандармское ведомство сведения «не дали никаких неблагоприятных отзывов» о нем. В частности, киевский генерал-губернатор писал, что «как в политическом, так и нравственном отношении, поведение этого прелата за время проживания его в 1878 г. в Житомире представляется безукоризненным, и что им неоднократно в проповедях и частных разговорах с должностными лицами обнаружены трезвый взгляд на обязанности римско-католического священника и преданность правительству» ¹⁷. Это назначение было утверждено императором.

В 1891 г. последовало предложение министра внутренних дел Дурново о возведении Сымона в епископский сан и назначении епископом-суффраганом могилевской архиепархии. Как пояснил министр во всеподданнейшем докладе от 12 марта (28 февраля), поиску подходящего кандидата на эту должность придавалось особое значение в связи с тем, что на должность митрополита предполагалось перевести луцко-житомирского епископа Семёна Козловского. Последний, «не будучи свободен от ошибок политического свойства в своей епископской деятельности... в бытность ректором Санкт-петербургской римско-католической Духовной академии, зарекомендовал себя, прежде всего, как ученый, обращавший больше внимания на книжное дело, чем на поддержание

в своих подчиненных присущего католическим учебным заведениям духа безусловной дисциплины. Такие не противные интересам правительства свойства характера епископа Козловского не препятствуют ему, насколько известно, пользоваться расположением Курии», — писал министр. Он также подчеркивал, что, со своей стороны, «не упустил из вида того, что при болезни глаз и по преклонному возрасту и некоторой бесхарактерности его, он очень легко может подпасть под нежелательные влияния, предупредить которые было бы возможно путем назначения в Могилевскую архиепархию епископа-суффрагана, пользующегося доверием, как Козловского, так и правительства».

В поисках такого кандидата он «не мог не остановиться на личности прелата Сымона». Своего избранника министр охарактеризовал так: «Обладая выдающимся духовным образованием и немалым политическим тактом, прелат Сымон постоянно заявляет о себе с примирительной точки зрения на дело управления римско-католической Церковью в России. Заявления эти не лишены тем большего вероятия, что прелату Сымону приходилось неоднократно наблюдать и даже самому испытать неудобные последствия неудовольствия правительства, вызванного слишком клерикальною или тенденциозною деятельностью католического духовенства». Положительные сведения относительно прелата Сымона были получены и от Извольского, сообщившего, что, находясь в 1890 г. в Риме он «выказал особый такт при объяснениях своих с Курией».

«Высочайшее соизволение» на предложенное назначение Козловского и Сымона последовало 12 марта (28 февраля) 1891 г. в день подачи Дурново доклада императору, а 5 марта 1892 г., по получении папских булл об их назначении, были подписаны указы Александром III. За Сымоном, поскольку «он не подавал поводов к неудовольствию правительства», по предложению Дурново была сохранена и должность ректора Санкт-петербургской римско-католической Духовной академии. 27 (15) марта в С.-Петербурге в римско-католической церкви Св. Екатерины состоялось возложение палиума на епископа Козловского и посвящение прелата Сымона в епископский сан. Сымону был предоставлен титул епископа Зенополийского в странах неверных (*in partibus infidelium*) в древней Исавии, в Малой Азии. Еще ранее, в июле 1890 г., во время своего пребывания в Риме он получил бреве папы Льва XIII о возведении его в Домовые прелаты папского Двора (*Praelatus Domesticus* или *Urbanus Antistes idest domus Pontificalis Praesul*). При этом основанием к предоставлению этого отличия в бреве указывалось на «усердие его в вере и ученость, а также ревность и способность к службе». Учитывая, что этот титул был исключительно почетным¹⁸, а также «во внимание к усердной и долготлетней службе» прелата Сымона Дурново в докладе Александру III от 23 (11) октября 1890 г. ходатайствовал «об объявлении Всемилощивейшего соизволения» на пользование титулом, предоставленным папой. Согласие императора было дано в тот же день¹⁹.

Не был обойден Сымон и наградами императорского правительства. В 1886 г. он получил орден Св. Владимира третьей степени и наперсный крест, весной 1889 г. ему был вручен орден Св. Станислава первой степени «во внимание к полезной и усердной службе», засвидетельствованной министром внутренних дел, как говорилось в подписанном Александром III указе. Летом 1896 г. он был награжден орденом Св. Анны первой степени²⁰. А ко времени событий, о которых идет речь, произошло его каноническое назначение папой епархиальным епископом в Плоцк, о чем папское бреве ожидалось в С.-Петербурге.

Именно ему в качестве временно управляющего Могилевской архиепархией (архиепископ-митрополит Козловский находился в отпуске и совершал заграничную поездку) Министерством внутренних дел 11 мая (29 апреля) 1897 г. было направлено послание Рамполла. В нем излагалось содержание состоявшие-

гося соглашения и ясно говорилось, что оно касалось только вакантных приходов, а под богослужением и таинствами имелось в виду все богослужение, включая те его части, которые прежде должны были совершаться на русском языке.

Между тем, по получении послания, епископ Сымон, не приняв никаких мер к замещению вакантных приходов, немедленно, 20 мая, собрал могилевскую консисторию и предложил ей направить указы администраторам тех римско-католических церквей, в коих в дополнительном богослужении употреблялся русский язык, дабы впредь в них отправлялось богослужение и исполнялись святые таинства на латинском языке. 30 июня, ссылаясь на возникшие будто бы недоразумения по поводу соглашения Св. Престола с императорским правительством относительно замены русского языка, введенного в некоторых костелах минской губернии, вопреки запрещению того Св. Престолом, языком латинским, он предложил консистории разъяснить тем же настоятелям, что на основании этого соглашения употребление латинского языка относится лишь к богослужениям, совершавшимся по литургическим книгам римско-католической Церкви, а во всех других случаях (молитвословия, песнопения и т.п.) священник на основании общего закона римско-католической Церкви и повсеместной практики может употреблять тот язык или наречие, на котором обычно говорят его прихожане и издревле совершают свои молитвы, священные песнопения и другие религиозные обряды.

При этом в обоих случаях епископ Сымон неверно называл «соглашение о порядке замещения вакантных римско-католических приходов Минской губернии, соглашением относительно церквей, в коих введен был русский язык, воспрещенный определением Апостольского Престола»²¹.

Через некоторое время правительству стало известно, что вновь назначаемые в Минскую губернию на вакантные места священники прямо заявляли местной администрации о получении инструкции совершать дополнительное богослужение на польском языке, и что подобное же распоряжение последовало и по другим приходам, где польский язык не употреблялся уже более 25 лет. Тогда Министерство внутренних дел затребовало копии епископских актов²².

Ознакомившись с ними и найдя умышленными допущенные епископом Сымоном нарушения, в министерстве сочли, «что такой вызывающий образ действия, сеющий смуту вместо успокоения, не должен остаться безнаказанным». Учитывая, что по состоявшемуся уже соглашению епископ Сымон, бывший в то же время ректором Санкт-петербургской Духовной академии, назначен был в епархиальные епископы плоцкой епархии, «где его вредное влияние будет иметь менее значения», Горемыкин 26 (14) августа предложил императору уволить епископа с должности ректора академии. Согласие последовало в тот же день²³.

Представивший министру копии актов епископа Сымона А.Н. Мосолов, директор департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел, 3 сентября (22 августа) переслал их частным порядком и министру-резиденту Н.В.Чарыкову, который только в феврале 1897 г. получил назначение в Рим, и Мосолов не мог исключить, что к его приезду там уже будет об этом известно. Из этих копий, полагал он в сопровождавшем их письме от 3 сентября (22 августа), дипломат увидит, «какую гадость проделал епископ, которого Курия так покровительствует», что соглашение о минских приходах, «стоившее нам стольких жертв, исковеркано». «Ясно, что самые лучшие намерения и правительства, и папы никогда не исполнятся при таком злом направлении епископа-предателя. В прежнее время он, конечно, далеко бы уехал (был бы сослан. — *О.С.*), но мы не желаем обнаруживать излишней горячности».

О самом Сымоне он писал, что это «старый ненавистник всего русского, ненавидимый и сам всем римско-католическим духовенством за свой злой нрав».

Мосолов находил «самым затруднительным» положение митрополита Козловского, который «не знает, что ему делать, и просит времени. Разумеется, после этого политического подлога, явно умышленного, мы не уступим ничего»²⁴.

31 (19) августа Горемыкин обратился к вернувшемуся из отпуска Козловскому с просьбой принять меры к отмене распоряжений его заместителя и к приведению в точное исполнение соглашения о порядке замещения вакантных приходов в Минской губернии. В тот же день минскому губернатору было предписано до получения ответа митрополита не давать согласия на назначение священников в вакантные приходы губернии²⁵.

В своих объяснениях от 6 сентября (25 августа) в ответ на запрос архиепископа Сымон утверждал, что послание кардинала Рамполла «заключало в себе сообщение, как о последовавшем еще в 1877 г. июля 11 дня воспрещении Св. Престола употреблять русский язык в дополнительном римско-католическом богослужении, так и о состоявшемся в настоящем году соглашении Его Святейшества папы с нашим правительством относительно назначения в каноническом порядке (ex canonicis formis) настоятелей в вакантные, по причине сказанного воспрещения, приходы Минской губернии, вместе с поручением заместить сии приходы в скорейшем, по возможности, времени». Говоря о вакантных приходах Минской губернии, он делил их на два рода: те, где вовсе не было священников, и такие, где они юридически имелись, но не были назначены согласно каноническим правилам. Речь шла о священниках, употреблявших и продолжавших употреблять русский язык при богослужении и получивших назначение от не имевшего никакой духовной власти прелата Жилинского, уже умершего.

Епископ сообщал, что по получении послания государственного секретаря до августа были назначены десять священников в приходы, где их вообще не было, и каждому из них было вменено в обязанность совершать богослужение и преподавать святыя таинства на латинском языке.

Священников, не имевших канонического назначения, он решил оставить в их приходах, объявив им о последовавшем в 1877 г. по официальному сообщению государственного секретаря воспрещении Св. Престола употреблять русский язык в дополнительном богослужении, и предложил консистории заменить их неканоническое назначение каноническим.

Затем в ответ на поступившие к нему и в консисторию от некоторых вновь назначенных и прежних настоятелей запросы по поводу того, на каком языке при новом порядке богослужения должны проводиться в костелах такие действия, как чтение Св. Евангелия народу, катехизация, пасторские поучения, предбрачные оглашения, оглашения постов, праздников и т.п., а также молитвы и песнопения, совершаемые обычно народом, по его предложению, консисторией была разослана настоятелям общая инструкция об употреблении во всех случаях языка или наречия, на котором говорят, молятся и совершают свои обряды их прихожане²⁶.

Сочтя эти разъяснения подтверждающими обоснованность данных Сымоном консистории предписаний, поскольку по существу они соответствовали, по его мнению, посланию кардинала Рамполла, Козловский 10 сентября (28 августа) сообщил министру внутренних дел, что считал для себя невозможным удовлетворить его предписание отменить распоряжения епископа Сымона, поскольку такая отмена неминуемо навлекла бы на него нареkania, ибо в этом усмотрели бы причину «дальнейшего затруднительного и горестного, в религиозном отношении, положения католиков столь многих приходов Минской губернии»²⁷.

Вскоре из донесения Чарыкова от 28 (16) сентября стало известно о первой реакции на его сообщение о деле Сымона ничего до того о нем не знавшего кардинала Рамполла. Он был удивлен случившимся. Будучи знаком со взглядами епископа в вопросе о минских вакантных приходах, он не допускал мысли, «чтобы произвольное толкование нашего соглашения, в котором оказался виновен епископ Сымон, исходило из каких-либо предосудительных побуждений и приписывает его недоразумению или прискорбной неосмотрительности».

При этом Чарыков понял, что этот инцидент произвел неблагоприятное впечатление на кардинала, хотя он и старался «всеми силами выгородить» епископа, снискавшего, по-видимому, его расположение. У него не возникло сомнения, что «всякое уклонение в обратную сторону от того примирительного направления, которому следует ныне папская политика по отношению к нам и, в выгоды которой Курия уже успела убедиться, не только не входит в ее намерения, но признается ею прямо противоречащею ее интересам; ввиду этого обстоятельства недобросовестный поступок могилевского суффрагана не встречает ни малейшего сочувствия со стороны Ватикана, а напротив того, способен подорвать то доверие, которым он пользовался, как скоро кардинал Рамполла окончательно убедится в его злонамеренности»²⁸.

Тем временем, в С.-Петербурге были получены из Рима семь папских актов об утверждении предложенных российской стороной кандидатов в римско-католические епископы. Теперь надлежало приступить к их назначению, а затем и к посвящению. Среди полученных актов имелось папское бреве о предоставлении епископу-суффрагану могилевской епархии Сымону звания епархиального епископа плоцкой епархии.

Считая невозможным такое назначение из-за действий Сымона, Горемыкин 4 ноября (23 октября) представил Николаю II доклад об отклонении состоявшегося уже соглашения о его назначении в Плоцк и о дальнейших действиях в отношении епископа.

В нем ответ архиепископа был найден министром «не соответствовавшим подлинному положению дел», а в письменном объяснении епископа Сымона он увидел «враждебное его к правительству настроение и дерзость в исполнении своих замыслов». Такое заключение он мотивировал тем, что епископу Сымону, как, впрочем, и архиепископу Козловскому, было прекрасно известно, в чем состояла сущность соглашения с римской Курией и об ожидаемых от него в С.-Петербурге последствиях. Знали они, в частности, следующее. Курия предложила назначить в те вакантные приходы Минской губернии, где одно время совершалось богослужение на русском языке, священников, которые употребляли бы латинский язык. Российская сторона категорически высказалась против возвращения к употреблению польского языка в приходах с белорусским населением и лишь на этом условии согласилась со сделанным предложением, а распоряжение папы по этому делу «не оставляло сомнения относительно нашего соглашения и желаемых от него последствий». Причем епископ Сымон «сам неоднократно указывал на одобренную впоследствии Его Святейшеством меру, как на исход самый практический и ни для кого не обидный».

Горемыкин обращал также внимание на довольно произвольное истолкование епископом Сымоном упоминания о запрещении Конгрегации Св. Инквизиции от 1877 г. употребления русского языка в дополнительном богослужении, действительно имевшегося в послании кардинала Рамполла. Оно делалось там лишь в связи с указанием на причину вакантности приходов, и именно поэтому в нем российским правительством не усматривалось никакого противоречия с его основными принципами. К тому же такое упоминание воспринималось им в качестве более ясного указания, что употребление латинского языка касается только дополнительного богослужения и лишь в вакантных приходах²⁹.

Между тем, епископ Сымон «умышленно и произвольно» исключил из богослужения на латинском языке и церковное чтение, совершаемое прихожанами под руководством священника, то есть все дополнительное богослужение, под предлогом разъяснения возникших на местах недоразумений относительно языка при различных церковных действиях (оглашения, опросы брачующихся, чтение и толкование Св. Евангелия), а от настоятелей, еще употреблявших русский язык, он брал запретительные подписки. Эти его меры фактически имели своим последствием возвращение после 25-летнего перерыва к богослужению на польском языке не только в вакантных, но и в остальных, так называемых, русских приходах. Это означало, что «создался порядок вещей, для установления коего не требовалось никакого соглашения правительства с римскою Курией».

Этими действия епископа Сымона, как считал министр, оказалось нарушенным заключенное соглашение и нанесен вред государственным интересам и достоинству правительства. Отличающимся «ничем не оправданной дерзостью» нашел он данное им объяснение о приходах, где еще употреблялся русский язык, что, хотя они фактически были заняты, но юридически оставались вакантными из-за назначения их настоятелей прелатом Жилинским, не имевшим духовных полномочий. Ведь об этом было известно ранее и епископу, и архиепископу, стоявшим во главе епархии более шести лет ³⁰.

Подытоживая сведения по поводу случившегося, министр заключал: «Такой образ действия епископа Сымона, обнаруживший недобросовестное выполнение Высочайшей воли, направленной ко благу населения, вынуждает, по мнению моему, необходимость проявить по отношению к этой выдающейся личности неколебимую твердость» (подчеркнуто, вероятно, Чарыковым, поскольку это экземпляр доклада, пересланный в миссию). Отдавая отчет, что такая твердость, возможно, окажется, не совсем приятна римской Курии, министр исходил из того, что «во-первых, она уже предупреждена об этом инциденте, а, во-вторых, всякая ясность и определенность в сношениях с нею приводят к хорошим последствиям. Папа не станет ссориться с нами из-за лукавого политического интригана, который надеялся безнаказанно обойти и свое правительство, и римскую Курию, посеяв между ними при случае раздор и охлаждение» ³¹.

Приостановив дальнейшие назначения настоятелей в вакантные минские приходы впредь до выполнения высшей иерархией условий соглашения, министр испрашивал согласия императора отклонить назначение епископа Сымона в плоцкую епархию. Извещая папу об этом, следовало, полагал он, обосновать свое решение, выразить сожаление о случившемся, заявив о «твердой решимости устранить этого прелата ото всякого участия в делах церковного управления», но одновременно выразить готовность снисходительно отнестись к дальнейшей его участи и уверенность, что папа, со своей стороны, «окажет и свое содействие к освобождению Сымона от служения в стране, к правительству коей он обнаружил такое явное неуважение». Вопрос о форме обращения к папе, по мнению министра, должно было решить дипломатическое ведомство.

Министр обратил внимание на то, что дальнейшее пребывание епископа Сымона на влиятельной должности официала могилевской консистории (ее председателя) ставит архиепископа Козловского «в крайне затруднительное перед правительством положение и поддерживает его почти невольную уклончивость». А с назначением к митрополиту нового суффрагана «способно вызвать лишь осложнения и тайную смуту в высшем римско-католическом духовенстве». Поэтому он считал необходимым до решения вопроса о будущем служении Сымона предложить ему избрать, а в противном случае назначить, место пребывания в одном из южных городов — Одессе, Николаеве или Харькове —

с сохранением прежнего содержания в 2000 рублей в год. Николай II начертал на этом докладе свою резолюцию: «исполнить»³².

Когда стало известно, что епископ избрал своим местом пребывания Одессу и должен был отправиться туда в ноябре, с согласия министра внутренних дел департаментом духовных дел иностранных исповеданий ему было выдано триста рублей на покрытие путевых издержек³³.

Во время новой беседы с Рамполла Чарыков (донесение от 23 (11) ноября 1897 г.) сообщил ему о данных Симоном разъяснения правительства относительно неблагоприятного поступка, но что «эти разъяснения не только не произвели желаемого действия, но были признаны неудовлетворительными». Это сообщение несколько не изменило выраженное кардиналом убеждение при первом известии по этому делу, что оно «не замедлит проясниться и просил правительство не придавать ему неподобающего значения». Позднее, когда Чарыкову удалось представить неопровержимые доказательства «несогласия мер», принятых епископом во время управления могилевской архиепархией с инструкциями, данными Курией Козловскому на основании ее соглашений с императорским правительством, не отрицая этого противоречия, Рамполла выразил убеждение в чистоте намерений епископа, «умеренные и примирительные взгляды которого ему хорошо известны».

Учитывая явное стремление кардинала выгородить епископа и зная упорство и неуступчивость Курии в подобных вопросах, Чарыков был убежден, что правительству будет «стоять больших усилий» добиться от папы отмены назначения Симона на плоцкую кафедру³⁴.

В письме на имя Муравьева от 10 ноября (29 октября) Горемыкин поделился своими соображениями по поводу формы сообщения Курии об отклонении назначения Симона епархиальным епископом Плоцка. Он призывал исходить из двух моментов. С одной стороны, из того, что «неудовольствие наше, вызванное неправильными действиями епископа Симона, не изменяет ни в чем наших доброжелательных намерений, и нет основания по этому поводу выражать неудовольствие римской Курии». С другой стороны, из того, что «не подлежит, однако, сомнению, что это обстоятельство поставит папу, помимо нашей воли, в щекотливое и неприятное положение». Учитывая эти обстоятельства, он считал необходимым прибегнуть в данном случае к непосредственному обращению императора к папе с личным письмом. При этом инструкцией перед Чарыковым должно быть поставлено в качестве конечной цели дарование епископу высшего церковного титула «в стране неверных» с освобождением от должности могилевского суффрагана³⁵.

К идее обращения императора к папе Муравьев отнесся положительно, но полагал желательным прибегнуть к этой мере лишь, когда, по ходу переговоров, Чарыков укажет на самое подходящее для этого время. Со своей стороны, он просил (письмо Горемыкину от 14 (2) ноября) о присылке всех имевшихся по этому делу материалов, которые были ему необходимы для составления инструкции Чарыкову³⁶.

В направленной Муравьеву, в ответ на его просьбу, записке, которая, как предполагалось, могла послужить основой для сообщения Чарыкова кардиналу Рамполла, в общих чертах восстанавливалась суть того, как было исполнено послание государственного секретаря к могилевскому архиепископу, о чем подробно говорилось в докладе Горемыкина от 4 ноября (23 октября).

При этом поступок епископа Симона оценивался как проливающий «свет на многие его действия в прошлом, которые заставляли сомневаться в корректности его политического направления», иными словами его считали прямым следствием его политических воззрений. В записке приводилось также заявление самого епископа, что он смотрит на свое назначение в Плоцк, как «на каторгу».

Цель «неприятных действий» епископа усматривалась в стремлении добиться охлаждения отношений между Римом и С.-Петербургом и выражалась уверенностью, что она не будет достигнута.

«После случившегося дальнейшее участие помянутого епископа в церковном управлении было бы несогласно с достоинством правительства и слишком тягостно для лица, явно лишённого доверия верховной власти. Тем не менее, Императорское Правительство, щадя его епископское достоинство, предпочитает дать исход делу без репрессалий и дружелюбно сговориться с правительством Его Святейшества относительно дальнейшей участи означенного прелата»³⁷, — говорилось в записке в заключении.

Тем временем, Рамполла был «крайне взволнован», когда стало известно из газет о постигшей Сымона каре, и выразил Чарыкову сожаление по поводу распоряжения правительства. Он просил его (телеграмма от 25 (13) ноября и донесение от 7 декабря (25 ноября) 1897 г.) передать в С.-Петербург распоряжение не предпринимать «никакого бесповоротного решения, не посвятив предварительно Святой Престол в виды правительства и не придя по этому делу к обоюдному согласию». Со своей стороны, он «изъявил полную готовность подвергнуть беспристрастному рассмотрению причины недовольства» правительства, и поддержать «всеми силами законные» его требования. При этом высшую российскую администрацию он лишь просил «не выказывать пренебрежения к правам Святого Престола, действуя без его ведома и согласия в вопросе, от которого может зависеть продолжение добрых отношений, существующих ныне между Россией и Курией и к восстановлению которых, как папою, так и им самим было приложено столько стараний. Не подумайте, сказал мне кардинал Рамполла, чтобы положение наше было легкое, мы подвергаемся беспрестанным нападкам вследствие доброжелательства, оказываемого нами вашему правительству во всех случаях, когда содействие наше может послужить на пользу его интересам; тем не менее мы будем рады идти дальше по тому пути, на который вступили с целью привести русскую государственную власть и польское население Империи ко взаимному примирению, но для этого с Вашей стороны необходимо признание нашего неотъемлемого права участвовать в разрешении затруднительных вопросов, возникающих в сфере церковно-административной жизни ваших католических окраин».

Чарыков обещал выполнить его просьбу, одновременно не скрывая, что, лишившись доверия правительства, епископ потерял право занять ответственный пост епархиального епископа, на который он прежде предназначался. Видимо, Чарыков был убедителен, потому что кардинал не скрыл своего «чувства заметного облегчения»³⁸.

В связи с просьбой Рамполла представить ему изложение вины Сымона, дипломат решил сделать это в форме памятной записки. Она должна была представлять собой перевод записки (с приложениями к ней, которыми были копии указов епископа Сымона, затребованные у него Мосоловым) министра внутренних дел, составленной в ответ на просьбу Муравьёва³⁹. Такое свое намерение, вероятно, с согласия Муравьёва дипломат выполнил.

27 (15) декабря Чарыков вручил Рамполла фактически перевод записки Горемыкина, «от себя только несколько усилив редакцию русского текста указанием на то, что епископ Симон не только исключил латинский язык из дополнительного богослужения известных приходов Минской губернии, но и восстановил в оных употребление польского языка».

Выслушав внимательно чтение этой записки, кардинал не высказал никаких замечаний ни по поводу содержавшегося в ней исторического очерка этого дела, ни толкования состоявшегося соглашения, он отреагировал только на необходимость, перед которой был поставлен император, отказаться от канди-

датуры епископа Сымона на плоцкую кафедру, отметив, что это чрезвычайно важное дело, так как бреве уже отправлен, и он должен будет поставить об этом вопрос перед папой и коллегией кардиналов⁴⁰.

Позднее, во время приема по случаю рождественских праздников (донесение от 4 января 1898 (23 декабря 1897) г., явно озабоченный с переданной Чарыковым запиской Лев XIII сам поднял вопрос о епископе Сымоне. Он признал, что после утраты доверия правительства его положение стало действительно крайне трудным и что, конечно, он был не прав, восстанавливая польский язык там, где должен был употребляться латинский язык в силу состоявшегося соглашения, что его образ действия им осужден. Затем он поинтересовался, нельзя ли оставить епископа в Одессе, где он мог бы исполнять какие-либо церковно-административные обязанности. Папа поинтересовался: «Если бы епископ Сымон... повинился перед русским правительством и признал неправильность и ошибочность своего поступка, то, может быть, Императорское Правительство могло бы допустить его к исполнению служебных обязанностей и вернуть ему свое доверие». Однако настаивать на этом предположении папа не стал, а поделился озабоченностью по поводу бреве о назначении Сымона плоцким епископом, ибо, если речь не идет о каких-либо насильственных действиях, то может возникнуть всегда очень трудный и сложный вопрос о перемещении, новом назначении и т.п. Вместе с тем, Лев XIII выразил уверенность, что этот частный случай никоим образом не отразится на отношениях между двумя правительствами, и сообщил о намерении лояльно исполнять достигнутое соглашение.

На заверения Чарыкова, что предосудительный поступок этого прелата, по-видимому, впавшего в грех гордыни и попытавшегося поколебать дружбу между двумя Дворами, несомненно, не будет иметь подобных последствий, но его дальнейшее участие в церковном управлении, безусловно, невозможно, папа заметил, что нужно будет «по взаимному согласию» отыскать выход из этого трудного положения⁴¹.

Посетив после беседы с папой кардинала Рамполла, Чарыков, передав содержание состоявшегося разговора с папой, добавил, что для российской стороны представлялось важным не «смещение» Сымона, а только недопущение его дальнейшего участия в церковном управлении в пределах Российской империи. По отношению же к личности, как это следовало из представленной им записки, правительство «нисколько не желает применять к нему, хотя бы заслуженных репрессалий и готово пойти навстречу тем предложениям Курии, которые могли бы служить к благоприятному лично для него устройению его дальнейшей участи».

Рамполла поддержал идею оставления епископа в Одессе. А на замечание, что там нет епископской кафедры, заметил, что для Сымона можно было бы «подыскать там подходящее занятие», и добавил, что говорил пока «чисто академически», потому что этот вопрос будет передан на обсуждение коллегии кардиналов.

В этой связи Чарыков заметил, что дело Сымона вызвало в Риме довольно большой интерес, который, полагал он, следовало отнести за счет преувеличенных и искаженных сведений о нем в римской печати. Так, в частности, этот вопрос затронул в беседе с ним и австро-венгерский посол при Св. Престоле, которому он сказал, что в большом стаде может встретиться «черная овца»⁴².

18 (6) января 1898 г. Чарыков писал, что Рамполла его информировал о подготовке на основе представленных им документов доклада по делу Сымона для конгрегации Чрезвычайных духовных дел. А принимавший его в эти дни папа, коснувшись вопроса о Сымоне, заговорил о предстоящих ему переговорах об этом с Рамполла, заметив: «Я ему уже сообщил мое мнение по этому вопросу». Поскольку папа сделал это замечание по собственному почину и во

время «самого дружелюбного разговора» Чарыков полагал, что он имел в виду «предложить нам какую-либо комбинацию, не слишком противоречащую ясно заявленному желанию императорского правительства»⁴³.

А Рамполла, как писал Чарыков 15 (3) февраля, коснувшись сам вопроса о Сымоне, выразил надежду через несколько недель сделать ему сообщение и добавил, что отношения двух сторон прекрасны и «мы не хотим их портить. Поэтому мы желаем покончить это дело “amicalement”», то есть «дружески».

Дипломат был согласен, что частный случай, вроде этого инцидента, не должен был, конечно, влиять на дружественные отношения, которые могли получить в будущем весьма большое развитие⁴⁴.

Дело Сымона стало предметом обсуждения (донесение от 1 марта (17 февраля) Чарыкова с папой при новой встрече на приеме по случаю двадцатилетней годовщины его коронования. Папа сказал, что образ действия епископа был им осужден, а толкование им известного соглашения признано Св. Престолом неправильным. Указывая на такое отношение к этому делу папского правительства, Лев XIII надеялся на рассмотрение его российским правительством в духе дружбы и снисходительности, на то, что, если бы епископ повинился перед ним, признал ошибочность своего поступка, оно допустило бы его к исполнению служебных обязанностей и вернуло бы ему свое доверие.

При этом он не слишком настаивал на своем предположении и сосредоточился на рассмотрении другой стороны этого вопроса. Он признался, что главная трудность для него заключается в том, что бреве, касающееся назначения епископа Сымона плоцким епископом, уже состоялось, и может возникнуть сложный и трудный вопрос (если речь не идет о каких-либо насильственных действиях) о перемещении, новом назначении и т.д.

Одновременно понтифик высказал уверенность, что этот частный случай не отразится на отношениях между папским и российским правительством⁴⁵. Таким образом, папа почти дословно повторил уже ранее сказанное дипломату.

По существу ничего нового не добавил к уже услышанному Чарыковым от Льва XIII и Рамполла врученный ему 9 марта 1898 г. кардиналом ответ на представленную им в декабре 1897 г. памятную записку. Он был дан в соответствии с резолюцией 834 сессии конгрегации Чрезвычайных духовных дел. В нем признавалась справедливость толкования российской стороной смысла и объема соглашения от 2 апреля 1897 г. о вакантных приходах минской епархии. Но отмечалось, что само соглашение имело узкое значение, будучи направлено на удовлетворение самых срочных потребностей, чтобы не оставить стольких верующих и далее лишенными таинств. Поэтому принятые меры ограничились вакантными приходами минской епархии и «замещением латинским языком всякого иного языка при преподании таинства и при богослужебных действиях католического культа». При этом выражалась надежда облегчить достижение «впоследствии более широкого и нормального соглашения по поводу существующих трудностей».

Одновременно подчеркивалось, что в заключенном соглашении, тем не менее, содержался запрет на употребление русского языка в дополнительном богослужении, согласно постановлению от 11 июля 1877 г. конгрегации Св. Инквизиции. В силу этого, следовало рассматривать, «как анти каноничное и ненормальное по отношению к католической Церкви, положение тех приходов, не вакантных де-факто, в которых был введен обычай, противный означенному папскому запрету».

Из такого положения дел, не соответствовавшего каноническим законам, и из трудностей, встреченных при интерпретации и применении на практике соглашения от 2 апреля, и проистекало то, что епископ Сымон мог дать слишком широкие разъяснительные распоряжения, между тем, как ему следовало

бы воспользоваться возможностью запросить авторитетных инструкций. Впрочем, чувства этого прелата, хорошо известные Св. Престолу, давали ему основания предполагать, что он мог без дурного умысла впасть в недоразумение.

Кроме того, при нынешнем состоянии вопроса и смятении душ, из него вытекающем, представлялось предпочтительным не придавать чрезмерного значения инциденту, поскольку императорское правительство было гарантировано лояльностью Св. Престола и «особым тщением, которое Св. Отец прилагает к упорочению повсюду религиозного мира и единодушия».

Для достижения общей цели, не отклоняясь ни в чем от соглашения от 2 апреля, представлялось своевременным и целесообразным, ввиду встреченных трудностей, решить вопрос о возможности предоставления менее аномального положения минским приходам, а их населению — большего спокойствия.

Что касалось Сымона, признавая за ним «выдающиеся дарования ума и усердия», в записке Курии выражалась надежда, что ему удастся разъяснить произошедшее недоразумение и представить доказательства чистоты намерений в своих действиях. А после получения специальных инструкций, которые папа намерен ему дать, он сумеет возратить себе «державную милость, дабы могли осуществиться состоявшиеся относительно него соглашения»⁴⁶.

Последний намек, как полагал Чарыков (донесение от 29 (17) марта 1898 г.) был сделан «скорее для очистки совести, чем с надеждою или решимостью добиться успеха». Подтверждение этому он видел в том факте, что на консистории 24 (12) марта плоцкая епархия была обойдена молчанием. К тому же, даже на словах, кардинал Рамполла не решился настаивать на назначении епископа Сымона в Плоцк. Поэтому, заключил Чарыков, главная уступка, которой добивался С.-Петербург, а именно отказ Льва XIII от приведения в исполнение выданного им бреве, по-видимому, достигнута. Решение вопроса об этом епископе сводилось теперь, по его мнению, к изысканию комбинации, которая, удовлетворяя интересы российского правительства, одновременно, по возможности, как можно меньше задевала бы самолюбие и достоинство папы.

Что касалось заявления Курии о дальнейшем развитии соглашения от 2 апреля 1897 г. о минских приходах, то, если бы правительство оказалось готово к таким переговорам, по мнению Чарыкова, было бы предпочтительным предоставить Курии возможность взять на себя инициативу сформулировать конкретные предложения по этому вопросу⁴⁷.

(Продолжение следует)

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект 04-01-00040-а).

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Канцелярия. 1872, оп. 470, д. 24, л. 393.
2. Там же, л. 380.
3. Там же, ф. Российское посольство в Риме, оп. 525, д. 1316, л. 130.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. Департамент духовных дел иностранных исповеданий, оп. 11, д. 44, л. 34
5. Там же, ф. Канцелярия. 1880, оп. 470, д. 158, л. 73.
6. Там же, л. 44.
7. Там же, л. 9.
8. Там же, л. 11.
9. Там же, ф. Департамент духовных дел иностранного исповедания, оп. 11, д. 71, л. 74.
10. Там же, л. 72—75.

11. Если судить по его заявлению на заседании Особого комитета в декабре 1869 г., приведенному выше, когда он высказался за отмену запрета 1848 г. и разрешение употреблять русский язык в дополнительном богослужении, это было далеко не так.
12. РГИА, ф. Департамент духовных дел иностранных исповеданий, оп. 11, д. 71, л. 61, 71, 73—79.
13. АВПРИ, ф. Ватикан, оп. 890, д. 3, л. 14—15, 26.
14. Два других соглашения касались экзаменов в семинариях Царства Польского по небогословским предметам — русскому языку, литературе и отечественной истории — и чтения в римско-католических церквях Царства высочайших манифестов.
15. АВПРИ, ф. Ватикан, оп. 890, д. 3, л. 26.
16. Там же, л. 23—25.
17. РГИА, ф. Департамент духовных дел иностранных исповеданий, оп. 11, д. 59, л. 16.
18. Он давал лишь право носить фиолетовое одеяние и употреблять в римской Курии льняной с длинными рукавами плащ или рокету (одну из принадлежностей облачения).
19. РГИА, д. 66, л. 49, 51—53, 56, 86—87; д. 67, л. 22—23; АВПРИ, ф. Отчет МИД. 1891, л. 33.
20. Там же, ф. Департамент духовных дел иностранных исповеданий, оп. 11, д. 64, л. 170, 173—174; д. 71, л. 186—187; оп. 125, д. 3095, л. 50.
21. АВПРИ, ф. Российское посольство в Риме, оп. 525, д. 1948, л. 4, 9—10.
22. Там же, л. 29—30.
23. Там же, л. 4, 7.
24. Там же, л. 1—2.
25. Там же, л. 5, 14.
26. Там же, л. 37—39.
27. Там же, д. 1948, л. 20—21.
28. Там же, оп. 525, д. 1946, л. 144—145.
29. Там же, д. 1948, л. 20, 29.
30. Там же, л. 21—23.
31. Там же, л. 23.
32. Там же, л. 20, 24—25.
33. РГИА, ф. Департамент духовных дел иностранных исповеданий, оп. 125, д. 3095, л. 89, 92.
34. АВПРИ, ф. Российское посольство в Риме, оп. 525, д. 1946, л. 146—147.
35. Там же, д. 1948, л. 18—19.
36. Там же, л. 26.
37. Там же, л. 27—32.
38. Там же, д. 1946, л. 148—149; д. 1948, л. 68.
39. Там же, д. 1948, л. 69.
40. Там же, ф. Ватикан, оп. 890, д. 3, л. 133.
41. Там же, л. 134—135; д. 5, л. 11—12.
42. Там же, д. 3, л. 135.
43. Там же, ф. Российское посольство в Риме, оп. 525, д. 1983, л. 106.
44. Там же, л. 5.
45. Там же, ф. Ватикан, оп. 890, д. 5, л. 11—12.
46. ASV. Fondo Affari ecclesiastici straordinari. Sessioni. Sessione 834. Anno 1898; АВПРИ, ф. Российское посольство в Риме, оп. 525, д. 1948, л. 80—81.
47. АВПРИ, ф. Ватикан, оп. 890, д. 5, л. 21—23.

Центральная Азия и Казахстан: историографический «ренессанс» или социальный заказ

Ш. Мухамедина

Аннотация. Вызовом немалого масштаба может быть разночтение общей истории России и государств Центральной Азии и Казахстана. Продолжение неверной трактовки российской стратегии и тактики по отношению к народам, принявшим российское подданство, может обернуться вызовом даже глобального масштаба. В этой связи интеграция исторических научных сообществ является императивом времени.

Ключевые слова: Центральная Азия, Евразийская интеграция, национальная безопасность, национальные истории, историографический «ренессанс», социальный заказ, научные школы, Туркестанский край, Западная Сибирь и Степное генерал-губернаторство.

Abstract: The different interpretation of the general history of Russia and the states of Central Asia and Kazakhstan can be a call of considerable scale. Continuation of incorrect interpretation of the Russian strategy and tactics in relation to the people which became the Russian citizen can turn back a call even global scale. In this context, the integration of historical scientific communities is an imperative of time.

Key words: Central Asia, Eurasian integration, national security, national history, historiographical «Renaissance», social order, schools of sciences, Turkestan, Western Siberia and Governor-Generalship of the Steppes.

Одним из глобальных вызовов современности является определение действительного геополитического места постсоветских государств Центральной Азии и Казахстана в иерархии международных отношений. Их единственно рациональным геополитическим выбором можно считать формирование евразийской идентичности при региональном лидерстве Российской Федерации. Такая постановка вопроса исходит из исторического опыта Российского государства по принятию народов Средней Азии и Казахстана в российское подданство и их гражданскому устройству.

Однако существует немало деструктивных явлений, тормозящих процесс формирования евразийской интеграции с единым правовым полем. Речь идет о суверенизации национальных историй, граничащих с грубым искажением исторической данности и оказывающих негативное воздействие на формирование у молодого поколения представлений о соседних государствах, особенно об определяющем вкладе Российской империи в переход региона на новый уровень цивилизационного развития. В Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане и Туркменистане историческое научное сообщество расколото — происходит своеобразный историографический «ренессанс», поддерживаемый определенными властными и социальными силами. Их усилиями идет подгонка исторических фактов под политическую конъюнктуру. Но есть и ученые-историки, кому дороги научная объективность и профессиональная этика.

Мухамедина Шамшия — доктор исторических наук, профессор Уфимского государственного университета экономики и сервиса.

Возрождение евразийской идентичности на новом геополитическом фоне невозможно без научного и политического переосмысления уроков многофакторной, порою полной драматизма, истории вхождения Центральной Азии и Казахстана в состав Российской империи. В этой связи по заявленной теме исследовательские интересы автора сосредоточены на анализе и обобщении историографического опыта в странах Центральной Азии и Казахстане, накопленного по проблеме принятия народами региона российского подданства и их гражданскому устройству.

Территориальные рамки проекта охватывают Центральную Азию и Казахстан. В историческом измерении это — Русский Туркестан и Степной край, а в современном представлении — Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан. В целях текстового удобства для обозначения указанных географических величин будут употребляться устоявшиеся современные названия: Евразийский регион и просто регион. Можно поставить знак равенства между названиями Центральная Азия (удобно для западного читателя) и Средняя Азия (исторически укоренившееся географическое название). Эти названия будут варьироваться в зависимости от контекста.

На наш взгляд, одним из факторов, обуславливающих шаблонный подход к проблеме российско-среднеазиатских и российско-казахстанских отношений, является сохранение устаревшей терминологии. Например, понятие «присоединение» не может передать всю полноту процессов интегрирования народов региона в состав России. На наш взгляд, наиболее приемлемое в данном случае понятие — «вхождение». Более того, «присоединение» термин более военный, нежели научный.

В этом отношении позитивным примером может послужить позиция башкирских ученых, которые закрепили в исторической науке формулировку «добровольное вхождение Башкортостана в состав России». Профессор, доктор исторических наук А.И. Акманов пишет: «Вхождение башкир в состав России — событие большого исторического значения. Оно имело, прежде всего, крупные положительные последствия. После присоединения в крае прекратилась феодальная междоусобица. Башкиры получили возможность спокойно жить и заниматься хозяйством. Это, в свою очередь, вело к росту их численности. В составе Русского государства было покончено с политической и теоретической раздробленностью башкир, что способствовало этнической консолидации и укреплению их как народа. Башкиры и русские крестьяне совместно осваивали природные богатства края. Различные формы колонизации, основание городов и заводов, в частности, ускорили развитие производительных сил Башкирии»¹. Заметим, башкиры и казахи — народы близкие по этнической структуре, хозяйственной этике и духовной принадлежности.

Исторически оправданными и научно состоятельными можно считать формулировки «принятие российского или русского подданства», а также «инкорпорация». Но и эти понятия сужают исследовательские возможности показа цивилизационного в европейском смысле переустройства жизнедеятельности народов Центральной Азии и Казахстана в составе России. Ведь российские власти имели дело с совершенно неизвестными политико-культурными историческими типами.

По нашему мнению, наиболее адекватными исторической действительности можно считать понятия «введение или водворение российской (русской) гражданственности», а также «гражданское устройство». Здесь можно обратиться к творческому наследию русских ученых и военных чинов — непосредственных участников переломных событий в судьбах Евразии. В XIX в. в общественно-политической и научной литературе для обозначения процесса вхождения и обустройства народов применялось понятие «гражданственность», что было заимствовано из официальных законодательных документов.

Под понятием «гражданственность» российская общественность подразумевала в первую очередь административные и культурно-образовательные реформы среди народов, принявших русское подданство. В связи с этим в энциклопедических изданиях закрепилось такое определение: «Гражданственность, русское выражение, которым некоторые писатели пробовали перевести и заменить общеупотребительное выражение “цивилизация”. В этом значении выражение не утвердилось, но иногда применяется для обозначения политической стороны цивилизации»².

Гражданственность, прежде и больше всего, понималась как стабилизация региона. Капитан Генерального штаба Л. Костенко, он же известный ученый, обозревая успехи российского продвижения в Туркестан, писал, что «гражданственность все-таки сделала некоторые успехи, которые состояли в следующем: 1) в умиротворении степи; 2) в уничтожении невольничества между казахами; и 3) в усилении торговли как с казахами, так и с независимыми ханствами»³. Конечно, водворение гражданственности или гражданское устройство этим перечислением не ограничивается.

Российское правительство апробировало разные модели управления, но наиболее оптимальными оказались военно-народная и приказная. А уже к концу XIX в. Русский Туркестан и Казахстан перешли на общеимпескую систему гражданского устройства, то есть там уже непосредственно вводилось русское гражданство.

Можно подчеркнуть, что формулировка «гражданское устройство в Центральной Азии и Казахстане» логично сочетается с понятием «вхождение». Еще одно немаловажное обстоятельство. Запад и Россия коренным образом отличаются друг от друга в продвижении геополитических интересов за пределы собственных территорий. В этой связи понятия «завоевание» и «колония» в зависимости от страноведческой принадлежности несут в себе разную смысловую нагрузку.

Думается, обновление и обогащение понятийного аппарата позволят исследователям досконально исследовать проблему гражданского устройства народов региона в составе Российской империи и избежать политической ангажированности, наблюдаемой в историографическом процессе государств Центральной Азии и Казахстана.

Декларации о государственном суверенитете бывших союзных республик сопровождалась суверенизацией их национальных историй, каждая из которых замыкается как бы на «показе» собственной национальной исключительности, во многом надуманной. С 1991 г., благодаря проекту, реализованному Фондом Фридриха Науманна совместно с Ассоциацией исследователей российского общества XX века (АИРО-XX) и Институтом русской и советской культуры имени Ю.М. Лотмана Рурского Университета в Бохуме под руководством профессора Карла Аймермахера и доктора Геннадия Бордюгова, утвердилось определение «национальные истории»⁴, которые в настоящее время стали предметом повышенного внимания мировой общественности.

Новую националистическую концепцию национальных историй можно сформулировать следующим образом: Российская империя завоевала Среднюю Азию и Степной край, установила там военно-оккупационную власть, в результате чего народы этого региона лишились независимости, государственности и богатых природных ресурсов. В подобных исторических трудах Россия представляется как агрессивная держава, ничем не отличающаяся от классических метрополий. Наиболее четко на сей счет высказались К. Аймермахер и Г. Бордюгов: «Для нынешнего “переписывания” историй характерны, даже среди историков, тенденции к героизации, удревнению своей государственности, завышению уровня политического и общественного развития этносов, вообще самоутверждению за счет соседей, созданию модифицированного пантеона выдающихся национальных деятелей»⁵. Данный критический обзор с точностью характеризует состояние национальных историй в целом и рассматриваемой нами проблемы в особенности.

Национальные истории возведены в ранг государственной политики. В высших учебных заведениях курс национальных историй, как базовый, обязательный, заканчивается сдачей государственного экзамена. Готовится множество проектов по национальным историям, финансируемых государством. Государственное регулирование их концептуальных основ — это своего рода социальный заказ, исходящий от определенной части общества того или иного государства. В результате такого подхода субъективное желаемое выдается за историческую реальность.

Все вышесказанное можно подтвердить примерами. За годы независимости Казахстана по-новому переписывается его история, и на этой основе выпускаются учебники для образо-

вательных учреждений. Известный в Казахстане ученый, историк, профессор Ж.К. Касымбаев, приводя указ Анны Иоанновны о принятии Младшего жуза в подданство России (19 февраля 1731 г.), рассуждает так: «хотя присоединение Казахстана к России считалось добровольным, оно было основано на односторонней политике. В дальнейшем политика царизма в Казахстане привела к росту протестов казахов, что является доказательством необоснованности теории о добровольном присоединении»⁶. Автор также считает, что казахская общественность ждала не присоединения, а военного союза с Россией.

Позиция автора базируется на ошибочных выводах, приведенных в академическом издании «История Казахской ССР» (авторы А. Панкратова и М. Абдыкалыков), выпуск 1943 года. В книге, в частности, подчеркивалось: «Абульхайыр использовал для своих целей усилившуюся военную угрозу со стороны джунгарских ойротов и уговорил многих султанов и биев обратиться к России с предложением военного союза для совместной с казахами борьбы против Джунгарии. Состоявшийся в 1730 г. съезд биев Младшего жуза принял такое решение и поручил Абульхайыру вступить в переговоры с царскими властями о заключении с Россией военного союза. Но Абульхайыр жестоко обманул биев. В грамоте, посланной им императрице Анне Ивановне, он просил царское правительство не о военном союзе, а о принятии казахов всех жузов в российское подданство. Эту просьбу Абульхайыр написал тайно от биев и от народа»⁷. Это утверждение противоречит исторической действительности и порождено тогдашней политической конъюнктурой. На самом деле именно казахская сторона во время переговоров обратилась к Анне Иоанновне с просьбой о принятии казахов Младшего жуза в российское подданство.

В послевоенную историографию при всей ее идеологической обусловленности были внесены некоторые позитивные поправки. В частности, Н.Г. Аполлова в своей монографии отмечала, что вопрос о присоединении Казахстана к России «в первом издании “Истории Казахской ССР” разрешен тенденциозно: присоединение Казахстана к России рассматривается как результат “сговора части казахской знати и царского правительства” и под углом зрения завоевания Казахстана Россией». А в предисловии к книге Аполловой, написанном известным казахстанским историком Е. Бекмахановым, подчеркивалось: «В некоторых работах советских историков, в частности, в первом издании “Истории Казахской ССР”, также не раскрыт исторический смысл этого акта (о принятии российского подданства казахами. — *Ш.М.*). В монографии Аполловой присоединение Казахстана к России рассматривается как прогрессивное явление в истории казахского народа»⁸. В послевоенный период историческое сообщество в основном отказалось от обобщений и выводов, приведенных в первом издании истории Казахской ССР.

Однако процесс суверенизации Казахстана вновь привлек внимание историков к вышеуказанной книге, и ее наиболее политизированные положения стали образцом в исследовательском поле. Выводам и формулировкам, закрепленным в этом издании, несмотря на их научную ограниченность, последовали многие авторы не только исторических трудов, но также экономических и политических исследований.

В книге профессора, доктора экономических наук Т.А. Абдразакова есть глава «Казахстан как колониальная окраина Российской империи», которая начинается так: «Присоединение Казахстана к России дало возможность для проникновения россиян в край сказочных богатств и добродушных, гостеприимных людей. Оно сопровождалось присвоением природных ресурсов, массовым изъятием пастбищных и пахотоспособных земель»⁹. Приведенная цитата — эта основной концепт, вокруг которого автор выстроил весь историко-экономический нарратив.

Историческая роль России в общественном прогрессе народов Центральной Азии и Казахстана в угоду чисто этническим амбициям принижается не только казахскими исследователями, но и представителями Узбекистана, Кыргызстана и Туркменистана. В школьных учебниках Узбекистана доминирует крайне негативное освещение российского фактора. В подтверждение можно привести такие выдержки, как: «Колониальный режим означает политическое, экономическое, социальное и духовное порабощение коренного населения завоеванной территории»¹⁰.

Заметим, что данный учебник был победителем тендера, организованного Министерством народного образования Республики Узбекистан.

В таком же ключе происходит переписывание истории Республики Кыргызстан. Краткую, но емкую характеристику ситуации с историей страны дал профессор Кыргызско-Российско-Славянского университета, доктор филологических наук Александр Кацев. При обсуждении учебника для 9 класса (февраль 2013 г.) он подчеркнул: «Отметим, что вхождение Киргизии в состав России современными составителями учебников истории почти всегда оценивается негативно. Положительные моменты киргизские историки предпочитают не упоминать. Обо всем хорошем, что связывает и объединяет народы, учебники умалчивают. В сознании подрастающего поколения формируется образ России как зловещей империи, которая их веками уничтожала и эксплуатировала». По мнению координатора Аналитического консорциума «Перспектива», кандидата исторических наук В. Богатырева, «Исторические трактовки постепенно смещаются от толкования факта присоединения кыргызских земель к России как «вхождения в состав России» к утверждениям, что это было в основном насильственное присоединение, по крайней мере, когда речь идет о южных регионах страны»¹¹.

Необоснованная критика российской политики обустройства туркмен содержится в учебниках и исторических книгах Туркмении. Научный сотрудник Института международных исследований Карлова университета (Прага) Славомир Горак пишет: «Поражение, нанесенное армией Российской империи ахалтекинским войскам у крепости Геок-депе в 1880—1881 годах, в нынешней «национальной» интерпретации трактуется как «разрушение последних устоев туркменской государственности»... Туркменская историография крайне негативно оценивает годы пребывания нынешнего Туркменистана в составе Российской империи и Советского Союза. В то время туркмены были лишены возможности развивать свой язык, сохранять традиции, изучать собственную историю...»¹².

Таким образом, историографический обзор подтверждает, что в обращении к исторической памяти допускается грубое искажение прогрессивного значения русского фактора в переходе народов Центральной Азии и Казахстана к новому европейскому культурно-историческому типу.

В советское время не раз подчеркивалось, что не было альтернативы принятию русского подданства казахами, узбеками, киргизами, таджиками, туркменами. Например, историческая закономерность вхождения Казахстана в состав Российской империи научно обоснована академическим сообществом республики в фундаментальном труде «История Казахской ССР», 1979 г. издания. Особенно актуальны следующие выводы: «Когда же казахские земли оказались перед трагической опасностью быть покоренными агрессивными соседями — Джунгарией, Цинской империей и среднеазиатскими ханствами, присоединение Казахстана к России стало исторической необходимостью. Оно явилось закономерным результатом исторического процесса». Далее авторы делают вполне логичное заключение: «Присоединение Казахстана к России — это не совершившийся в один день акт, а длительный процесс С 30-х годов XVIII в. — со времени начала добровольного присоединения Казахстана к России — исторические судьбы казахов тесно переплелись с судьбами великого русского и других народов страны. С этого времени историю Казахстана нельзя рассматривать вне связи с историей России»¹³.

Что касается национальной истории Таджикистана, то его историки корректно подходят к вопросу о русско-таджикских отношениях. Здесь проблемы лежат в другой плоскости — территориальных претензиях к соседям.

Каковы же мотивации резкого отступления значительной части исторического сообщества от общепризнанных методов исторической науки — историзма, достоверности, объективности и системности? Возможно, политическая ангажированность исторических трудов — это своего рода вызов советской теории перехода ранее отсталых народов к социализму, потерпевшей крах. И еще. По мнению отдельных национальных исследователей, показ России в негативном свете повышает уровень патриотического воспитания населения.

В национальных государствах сформировалась официальная позиция по отношению к выбору наиболее выгодных исторических сюжетов, позволяющих идеализировать средневековые (дороссийские) устои и традиции, а также некоторых ханов. Это не случайно.

Память о прошлом и обращение к ней представляют собой важное политическое условие формирования национальной идентичности. Профессор, доктор исторических наук Л.П. Репина ставит функции исторической памяти в зависимость от того, кем она трактуется. Она считает: «Вполне закономерно, что в современной историографии особое внимание обращается на роль представлений о прошлом и исторических мифов как элементов политической, этноконфессиональной и национальной идентичности. При этом выясняется, что злоупотребления историей не ограничиваются авторитарными и деспотическими режимами, использующими мощный “административный ресурс” для монополизации исторической памяти. Они происходят и в обществах, которые не практикуют крутых репрессий по отношению к инакомыслию в сфере знания о прошлом и вообще допускают широкую свободу мнений, но располагают особой системой регламентации, включающей скрытые механизмы ограничений и поощрений вполне определенных, “полезных” исторических концепций, в том числе через избирательное финансирование обеспечивающей их инфраструктуры и управление государственными институтами памяти»¹⁴. Теоретическое обобщение ученого с точностью передает место регламентированных исторических трактовок в формировании этнической идентичности.

Исторические ресурсы — это источники созидания. Надо искать в историческом прошлом точки роста совместного созидания народов Евразии. В этом отношении Казахстану отводится особая роль, поскольку он непосредственно граничит с Российской Федерацией и исторические судьбы их народов переплетены так крепко, что словосочетание «навек вместе» — это не только советский лозунг, но и состояние души русских и казахов. Ситуация с казахстанской историей, равно как и остальными национальными историями, возлагает историческую ответственность на научные исторические школы, как России, так и государств региона за будущее их народов.

Конечно, национальные истории испытывают издержки становления на новом геополитическом фоне. Между тем, в историческом поле национальных государств происходят и позитивные перемены — развивается и обогащается источниковедческая база научных проектов, повышается профессионализм и компетентность историков-исследователей, укрепляются их творческие связи с российскими и другими зарубежными учеными, происходит обстоятельная и аргументированная документальными данными критика политически ангажированных исторических трактовок, порою граничащих с вымыслами. Так, кандидат исторических наук М.К. Сембинов в статье «Становление национальной истории Казахстана» пишет: «В связи с этим интересно проследить перемены в использовании понятийного аппарата, с помощью которого освещался один из кульминационных моментов казахстанской истории, — история присоединения Казахстана к России. Если в советское время оно именовалось не иначе как “добровольное присоединение”, и оценка деятельности хана Абулхаира — главного инициатора присоединения родов младшего жуза — носила только положительный характер, с употреблением эпитетов “мудрый”, “дальновидный”, “выдающийся”, сам акт принятия российского подданства подавался как чуть ли не как единственная возможность сохранения национального единства, то современная оценка этого процесса — уже в иных, более жестких категориях типа “поглощение”, “насильственное присоединение” и даже “военный захват”. Хан Абулхаир предстает сегодня как более приземленная личность, награждаемая эпитетами типа “властолюбивый”, “противоречивый” и даже “предатель” и “сепаратист”»¹⁵.

Схожие взгляды имеет и другой казахстанский историк — доктор исторических наук Ж. Кундакбаева. В статье «В поисках исторического нарратива Казахстана: “диалог памятей” или “национальная память”» она пишет: «Основная канва исторического нарратива, сложившегося к началу XXI в., выглядела следующим образом: в центре Евразии жил свободолобивый, гордый народ, имевший свои традиции и культуру, однако он был завоеван, а в дальнейшем идеологически подавлен другим народом, в результате чего утерял основные признаки национальной идентичности — язык, культуру, хозяйственный уклад... В мифологической трактовке подается в современной исторической литературе и образ Российской империи. С ее политической связывается потеря независимости, прерывание поступательного развития государствен-

ности. В казахстанских учебниках в неявной форме проявляется тенденция представлять Россию как «завоевателя»¹⁶.

В государствах Центральной Азии и Казахстане происходит и другой историографический процесс, суть которого — на основе сочетания традиционных и новых методологических подходов, заимствования зарубежных и российских инноваций и особенно обновленной источниковедческой базы расширять подлинное научное исследовательское поле.

Безусловно, в формировании нового видения проблемы вхождения Центральной Азии и Казахстана в состав Российской империи неопределима роль российских научных исторических школ. Огромный вклад в изучение многофакторного российского опыта вносят отечественные научные школы, в особенности исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

Попытка преодолеть некоторые шаблоны и стереотипы в современной историографии предпринята С.Н. Брежневой. Ею же поднят вполне правомерный дискуссионный вопрос о терминологии. По мнению автора, «Завоевание Туркестана Россией — это сложный многогранный процесс, который включал в себя как сопротивление местного народа, так и добровольное присоединение, и расценивать его однозначно нельзя. Цели России носили завоевательный характер, поэтому термин «завоевание» является более уместным. Однако наряду с ним уместен и термин «присоединение», так как завоевательный процесс имел продолжение в присоединении завоеванных территорий к России и установлении здесь российских административных порядков»¹⁷. Однако можно с трудом согласиться с утверждением автора о завоевании, поскольку это понятие применимо к определенным территориям. А стратегическая цель Российской империи заключалась в обеспечении дипломатическим и военным путем безопасных рубежей, безболезненного проникновения к рынку сбыта и сырья, хотя допускалось и завоевание, когда народная дипломатия была бессильна. Научную ценность диссертации Брежневой подтверждает также глубокий анализ историографии проблемы и ее логичная классификация.

Историографическим событием, привлечшим внимание научной общественности, стала коллективная монография под редакцией и при авторстве известных российских ученых — С.Н. Абашина, Д.Ю. Арапова и Н.Е. Бекмахановой. В книге на основе системного анализа представлена панорама почти всех исторических событий, непосредственно и опосредованно касающихся вхождения и обустройства народов Центральной Азии и Казахстана. Весьма ценным является показ этнической структуры и духовной жизни многонационального населения региона. Совершенно правомерно звучит авторское признание о том, что «настоящая работа — попытка российских ученых представить свой взгляд на историю Центральной Азии в составе Российской империи. При этом авторы пытаются преодолеть стереотипы, с одной стороны, изображающие взаимоотношения России с ее азиатской окраиной как абсолютно прогрессивное явление, с другой — те, которые видят в этих взаимоотношениях один лишь негатив»¹⁸. Впоследствии, размышляя о книге, Абашин констатировал: «Я могу сказать, что в Центральной Азии национальный нарратив влиятелен внутри своих государств, но за их рамками чаще всего выглядит архаичным и слишком идеологизированным. Российские исследования центральноазиатского региона сильно ослабили, но в них скорее доминирует имперский нарратив. При этом парадокс состоит в том, что внутри самой Центральной Азии имперский нарратив сохранил довольно сильные позиции как среди русскоязычных (порой достаточно влиятельных) ученых, так и среди некоторых представителей «местной» научной элиты, которые критически относятся к националистической риторике»¹⁹.

Историографию проблемы можно дополнить книгой известного историка Е.А. Глуценко «Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования». Книга включена в золотую коллекцию серии «Россия забытая и неизвестная». Автором проработана масса ценнейших источников, многие из которых введены впервые в научный оборот. Однако при всех достоинствах книги нельзя согласиться с авторским утверждением о том, что «Россия разделила судьбу Англии, Франции и других европейских государств, имевших колониальные владения. После распада колониальных империй на карте мира, главным образом в Азии и Африке, появились десятки

независимых стран, обитатели которых на первых порах находились в состоянии эйфории, радуясь избавлению от заморских господ и наставников. Но проходили годы, а большие ожидания нового счастья и экономического процветания не сбылись, более того, положение в народном хозяйстве становилось заметно хуже в сравнении с колониальными временами»²⁰. Сравнивать западные державы и Россию не логично, так как их политика и практика в регионах подчинения была совершенно разной.

Образцом подлинной научной методологии и академической корректности являются труды ученых Московского университета им. М.В. Ломоносова. В этом плане как никогда актуальны и весьма ценны книги профессора Г.Е. Маркова, посвященные этническим историям народов Средней Азии и Казахстана и в этом контексте — их вхождению в состав России. По мнению ученого, на первых порах «принятие той или иной группой казахов русского подданства еще не влекло за собой непосредственного вмешательства царской администрации в их хозяйственную и социальную жизнь, что находило, в частности, отражение в том, что казахскими делами ведало Министерство иностранных дел. Но по мере укрепления связей казахов с Россией царские власти стали уже вмешиваться в их дела, вводить новые административные порядки»²¹.

В целом на постсоветском пространстве, в его евразийском сегменте, происходит неоднозначный историографический «ренессанс», в котором пока еще доминирует тенденция к отрицанию прогрессивного значения фактора «вхождения» как одно из условий формирования национальной идентичности. Вместе с тем, есть и позитивные перемены в освещении национальных историй — объективное, без каких-либо пристрастий исследование всего спектра вопросов вхождения Центральной Азии и Казахстана в состав России.

Историографический «ренессанс» вызван, прежде всего, выбором наиболее облегченной методологической схемы — «империя-колония- национально-освободительное движение». При этом проводятся параллели между Россией и западными державами в вопросах хозяйственного освоения новых территорий. Подчеркнутый националистический нарратив прежде всего направлен на отрицание прогрессивной роли России в поступательном развитии региона.

На самом деле чрезвычайно многослойный опыт Российской империи по инкорпорации или гражданскому устройству народов Туркестана и Казахстана — это наиболее удачное историческое поле, позволяющее перманентно расширять исследовательское пространство с новыми, ранее неизвестными, оригинальными документами, особенно архивными. И тогда научная общественность получит ответы на многие принципиальные вопросы гражданского устройства народов Средней Азии и Казахстана в составе Российской империи.

Примечания

1. АКМАНОВ А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI — начале XX в. Уфа. 2007, с.74.
2. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Т. 7. СПб. 1902, с. 425.
3. КОСТЕНКО Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. С картой Средней Азии. СПб. 1870, с. 162.
4. Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М. 2003, с. 8.
5. АЙМЕРМАХЕР К., БОРДЮГОВ Г. «Свое» и «чужое». Прошлое. Введение. Национальные истории в советском и постсоветских государствах, с. 14.
6. КАСЫМБАЕВ Ж.К. История Казахстана (XVIII в. — 1914 г.). Учебник для 8 классов общеобразовательных школ. Алматы. 2012, с. 17, 133.
7. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата. 1943, с. 152—153.
8. АПОЛЛОВА Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата. 1948, с. 3, 19.
9. АБДРАЗАКОВ Т.А. Экономические последствия присоединения Казахстана к России. Караганда. 1992, с. 75.

10. ХИДОЯТОВ Г.А., КОСТЕЦКИЙ В.А. История Узбекистана (вторая половина XIX — XX вв.). 9 класс. Учебник для учащихся общеобразовательных школ. Ташкент. 2006, с. 54—55.
11. БОГАТЫРЕВ В. Кыргыз: восстановление истории. В кн.: Национальные истории на постсоветском пространстве. М. 2009, с. 303.
12. ГОРАК С. Мифы Великого Туркменбаши. — Вестник Евразии. 2005, № 2, с. 113.
13. История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. Т. III. Алма-Ата. 1979, с. 193—194.
14. РЕПИНА Л.П. Память и историописание. В кн.: История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М. 2006, с. 39.
15. СЕМБИНОВ М.К. Становление национальной истории Казахстана. В кн.: Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М. 2003, с. 180—181.
16. КУНДАКБАЕВА Ж. В поисках исторического нарратива Казахстана: «диалог памяти» или «национальная память». Там же, с. 266—277.
17. БРЕЖНЕВА С.Н. Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России (вторая половина XIX в. — начало XXI в.). Автореф. дис. д-ра ист. наук. М. 2005, с. 47.
18. Центральная Азия в составе Российской империи. — Новое литературное обозрение. 2008, с. 10.
19. АБАШИН С. Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи». — АВ IMPERIO. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2008, № 4, с. 467.
20. ГЛУЩЕНКО Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М. 2010, с. 3.
21. МАРКОВ Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М. 1976, с. 137.

А.Л. КУЗЬМИНЫХ, С.И. СТАРОСТИН. *Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937—1953 гг.)*. Вологда. Древности Севера. 2014. 668 с., илл.

Подготовленная вологодскими авторами книга, органично сочетающая жанры научной монографии, документального сборника и биографического справочника, повествует об истории репрессий в отношении польских граждан, их пребывании в плену и на спецпоселении в Вологодской области в 1930—1940-е годы. Уникальность издания заключается в том, что обширная документальная часть представлена в основном материалами ведомственных архивов, ранее недоступных широкому кругу исследователей. Кроме того, данное издание впервые в историографии позволяет рассмотреть пребывание военнопленных и спецпереселенцев в рамках одного региона в единый хронологический период.

Как указывают авторы, поляки стали одной из самых многочисленных национальных групп, подвергшихся репрессиям. Проведенная против них в 1937—1938 гг. репрессивная кампания получила наименование «польская операция». Фактически любой советский гражданин, имевший польскую фамилию или

польские корни, оказывался потенциальной жертвой.

Следующий виток репрессий — в начале второй мировой войны — был обращен против военнослужащих польской армии, захваченных на занятых территориях бывшего польского государства. Гражданское польское население с присоединенных к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии подверглось депортации и направлению в места принудительного спецпоселения. Восстановление летом 1941 г. дипломатических отношений между СССР и эмигрантским польским правительством в Лондоне привело к освобождению большинства польских граждан, находившихся в местах заключения и ссылки.

Третья волна репрессий против поляков пришла на завершающий период второй мировой войны, когда советские войска освободили территорию Польши. Интернированные на территорию СССР польские граждане содержались наравне с заключенными и военнопленными гитлеровской армии и были воз-

вращены на родину спустя несколько лет после окончания войны, за исключением тех, кто был осужден и переведен в лагерь ГУЛАГа.

По убеждению авторов книги, репрессии против поляков и польских граждан негативно отразились на взаимоотношениях между народами России и Польши, поэтому правдивое изложение истории является надежной предпосылкой для сближения между странами в обозримом будущем.

Рецензируемая книга состоит из трех глав, выстроенных в проблемно-хронологическом порядке. Каждая глава содержит теоретическую и документальную части, а также приложения. В первой главе раскрыты нормативно-правовые основы, механизм проведения и итоги «польской» операции на территории Вологодской области. Во второй главе освещена история пребывания военнопленных и интернированных поляков в лагерях и спецгоспиталях Вологодской области в 1939—1949 годах. В третьей главе повествуется о судьбах польских спецпереселенцев в Вологодской области в 1940—1946 годах.

Книга основана на комплексе документов из центральных и местных государственных и ведомственных архивов: Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, архива Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области, архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Вологодской области, Государственного архива Вологодской области, Государственного архива Кировской области, Вологодского областного архива новейшей политической истории, Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Наиболее ценные архивные документы, выявленные в процессе подготовки книги, авторы сочли необходимым опубликовать в оригинале. Присутствуют в книге воспоминания и письма репрессированных, которые позволяют увидеть описываемые события глазами их непосредственных участников.

В первой главе — «Большой террор» и польская операция (1937—1938 гг.) на территории Вологодской области» — рассматриваются два направления репрессий. Первое — так называемая «кулацкая» операция. К кон-

тингентам, подлежащим репрессиям, относились бывшие кулаки, оставшиеся в деревне или осевшие в городах, в том числе бежавшие из лагерей (трудпоселков) или скрывшиеся от раскулачивания; бывшие члены антисоветских партий; священство; бывшие жандармы, чиновники и т.п.; уголовники, ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой. Второе направление — операции, подготовленные по национальному признаку: против поляков, немцев, финнов, греков, болгар, литовцев, румын и др. Основным критерием для репрессий по «польской линии» являлся анкетный принцип — рождение или проживание репрессированного или его родственников на территории Польши, наличие любого вида связи с ней.

Особого внимания заслуживает уникальный статистический материал, объединенный авторами в трех таблицах. Первая таблица — «Деятельность тройки УНКВД по Вологодской области (1937—1938 гг.)» — содержит информацию по количеству осужденных с указанием дат заседаний тройки. Таблица составлена авторами по материалам 25 дел Архива УФСБ России по Вологодской области. Во второй таблице — «Число осужденных в “альбомном порядке” по Вологодской области на основании приказа НКВД СССР № 00485 (“польская операция”)» — дан анализ 14 протоколов комиссии НКВД и Прокурора СССР 1937—1938 гг., хранящихся в Архиве УФСБ России по Вологодской области. Третья таблица — «Деятельность Особой тройки УНКВД по Вологодской области (октябрь 1938 г.)» — содержит подробный материал о 37 заседаниях особой тройки по «инонациональностям». В итоге по оперативным линиям («операциям») было осуждено 916 чел., в том числе 294 чел. было приговорено к высшей мере наказания.

В документальной части первой главы публикуются тексты оперативного приказа НКВД СССР № 00485 «Об операции по репрессированию членов польской военной организации в СССР» и «Закрытого письма о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР» от 11 августа 1937 года. Помимо документов представлен поименный список граждан, репрессирован-

ных на территории Вологодской области в ходе «польской операции» 1937—1938 годов. В 335 биограммах указаны: фамилия, имя, отчество; год и место рождения; место жительства; национальность; сведения о датах ареста и осуждения; орган, принявший решение о применении репрессии; дата приведения приговора в исполнение; дальнейшая судьба или место отбытия наказания; дата и орган, принявший решение о реабилитации.

Во второй главе — «Военнопленные и интернированные поляки в лагерях и спецгоспиталях Вологодской области (1939—1949 гг.)» — рассматриваются два хронологических периода: 1939—1941 гг. (организация и деятельность лагерей для польских военнопленных в начальный период второй мировой войны) и 1942—1947 гг. (период, когда были организованы и функционировали лагеря для военнопленных разных стран и национальностей). Теоретическая часть второй главы наиболее обширна и отражает все стороны жизни военнопленных в лагерях.

В 1939 г. на территории Вологодской области были сформированы два лагеря — Вологодский (Заоникиевский) и Грязовецкий, общей численностью более 6 тыс. человек. К 1941 г. Заоникиевский лагерь был закрыт, а в Грязовецком численность военнопленных достигла почти 2 тыс. человек. Среди пленных большинство составляли поляки, были также французы, англичане и бельгийцы.

В главе описываются трудности организации лагерей на начальном этапе, методы агитационно-пропагандистской работы, факты неповиновения военнопленных лагерному режиму, особенности продовольственного снабжения и т.п. Большой интерес представляет информация о межэтнических отношениях среди военнопленных и интернированных.

По мнению авторов, Грязовецкому лагерю принадлежит важнейшая роль в формировании польской армии В. Андерса в СССР. Элита этой армии, по замыслу советских властей, должна была стать оплотом будущего польского государства просоветской ориентации. Однако армия Андерса на территории Советского Союза в сражениях не участвовала, а летом 1942 г., по решению кабинета В. Сикорского, была выведена на территорию Ирана.

В годы Великой Отечественной войны на территории Вологодской области дислоцировались 6 лагерей с 35 лагерными отделениями и 9 спецгоспиталей, через которые прошло свыше 60 тыс. иностранных военнослужащих и гражданских лиц 30 различных национальностей. Наиболее крупными были Череповецкий лагерь-распределитель № 158 и Сокольский лагерь № 193.

В теоретической части главы представлен анализ численности, национального состава и динамика смертности военнопленных. Также рассмотрены организация материально-бытового обеспечения, медицинского обслуживания, трудового использования. В отличие от начального периода второй мировой войны, когда военнопленные были заняты, прежде всего, самообслуживанием, в 1942—1949 гг. их труд массово использовался в различных отраслях промышленности и в сельском хозяйстве. Авторы отмечают, что военнопленные внесли большой вклад в развитие экономики и социальной инфраструктуры Вологодской области. Они участвовали в строительстве жилых домов и административных зданий, железнодорожных и автомобильных дорог и мостов, промышленных предприятий.

Обширная документальная часть второй главы представлена 108 документами, в которых отражена информация о функционировании лагерей, трудовом использовании и условиях жизни польских военнопленных и интернированных, агитационно-политической работе, данные о составе и численности контингента, побегах и т.п. Также публикуются воспоминания о пребывании поляков в плену.

Уникальный материал представлен в приложениях ко второй главе, в которых систематизированы сведения о лагерях и спецгоспиталях для военнопленных и интернированных в Вологодской области с указанием их дислокации, дат функционирования, численности контингента. В приложении также дан список военнопленных и интернированных поляков, умерших в Вологодской области в 1943—1949 гг., с указанием дат и причин смерти, мест захоронения и другими сведениями. Большое уважение вызывает работа авторов по сбору и систематизации сведений о захоронениях военнопленных и интернированных поляков на территории Вологодской области,

которые также подробно представлены в одном из приложений.

Третья глава — «Польские спецпереселенцы в Вологодской области (1940—1946 гг.)» — освещает вопросы организации спецпоселков для высланных польских граждан, особенности трудового использования и условия их жизни. В 1940—1941 гг. органами НКВД были депортированы вглубь СССР около 320 тыс. польских граждан — жителей восточных территорий довоенного польского государства и беженцев из Центральной Польши, оккупированной Германией. Депортированные польские граждане содержались на спецпоселении в РСФСР и Казахской ССР. В Вологодской области были размещены польские граждане двух категорий: спецпереселенцы-осадники и спецпереселенцы-беженцы.

Авторы провели большую работу по уточнению численности польских граждан, анализируя данные нескольких источников, в частности, пофамильные списки прибывших в спецпоселки, хранящиеся в Архиве УМВД России по Вологодской области, и статистические материалы Государственного архива Российской Федерации. В итоге авторы смогли установить места дислокации спецпоселков и точное количество польских граждан, прибывших на спецпоселение в Вологодскую область.

В главе описываются положение высланных в Вологодской области, типичное для спецпоселений в СССР: продуктивное снабжение на грани голода, плохие жилищные условия, высокий уровень смертности. Также рассматриваются «антисоветские высказывания» и «контрреволюционные преступления» польских граждан, такие как отказы от работы, побеги, массовые выступления и забастовки.

После объявленной польским гражданам в августе 1941 г. амнистии началось их освобождение от режима спецпоселения. Этот процесс рассматривается хронологически и доводится до 1944—1946 гг., когда поляки первоначально были вывезены с территории

Вологодской области в южные районы страны, а в дальнейшем — репатриированы в Польшу.

Особо необходимо отметить документальную часть третьей главы, включающую 102 документа и занимающую почти 200 страниц книги. Подавляющая часть документов, выявленных в ведомственных и государственных архивах Вологодской и других областей, публикуется впервые. В них отражена информация об организации, дислокации и функционировании польских спецпоселков, инвалидных домов, детских учреждений, школ, представлены отчеты лесозаготовительных предприятий, использовавших труд спецпереселенцев, акты обследования спецпоселков. Публикуемые документы содержат обширные сведения о жилищно-бытовых и санитарно-медицинских условиях в спецпоселках, настроениях спецпереселенцев, агентурно-оперативной работе, численности спецпереселенцев и реэвакуации польских граждан из Вологодской области. В приложении к третьей главе дан список спецпереселенцев — польских граждан, репрессированных в уголовном порядке на территории Вологодской области, включающий 234 биограммы с фотографиями.

В книге имеются список источников и литературы, именной указатель, а также иллюстративный раздел с фотокопиями документов, схемами расположения лагерных пунктов и лагерных кладбищ, фотографиями спецпереселенцев. На форзацах книги размещены карты «Спецпоселки Вологодской области. 1940—1941 гг.» и «Учреждения для содержания иностранных военнопленных и интернированных Вологодской области. 1939—1949 гг.»

В целом следует заключить, что книга А.Л. Кузьминых и С.И. Старостина представляет большой интерес как для специалистов-историков, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей.

Н.М. ИГНАТОВА

I.-S. KOWALCZUK. *Stasi konkret: Überwachung und Repression in der DDR*. München. 2013. 428 S.; K.-H. KRIZ, H.-J. GRÄFE *Mittendrin. Die Berliner Volkspolizei 1989/90*. Berlin. Edition ost. 2014. 395 S.

И.-С. КОВАЛЬЧУК. *Штази в действии: контроль и репрессии в ГДР*. Мюнхен. 2013. 428 с.; К.-Х. КРИЦ, Х.-Ю. ГРЭФЕ. *В самом центре. Берлинская народная полиция 1989/90*. Берлин. Восточное из-во. 2014. 395 с.

Рецензируемые книги объединяет не только то, что в них идет речь о ГДР. Авторы рассказывают о ее важнейших «опорных» структурах: Министерстве государственной безопасности и Берлинской народной полиции, сотрудники которых своей службой гарантировали существование социализма на немецкой земле. И.-С. Ковальчук, профессиональный историк, руководитель проекта по изучению документального наследия «штази» (автор употребляет именно это сокращенное название министерства), не впервые обращается к истории ГДР. Предыдущие книги были посвящены ее краху. Монография по истории госбезопасности ГДР, как пишет автор, призвана вовсе не для того, чтобы подкрепить миф о «штази» как одной из самых «зловещих» служб, державшей под тотальным контролем восточногерманских граждан. Министерство госбезопасности не было «государством в государстве», оно лишь являлось «сильнейшим орудием диктатуры СЕПГ» (с. 10).

Изучение истории «штази» стало возможным после объединения Германии, с открытием архивов бывшей ГДР. Книга Ковальчука отлично документирована, содержит иллюстративный материал, массу различных фактов и сведений. Автор не занимается поисками сенсаций. Для него главное — показать историю создания Министерства госбезопасности, его место и роль в партийно-государственном механизме ГДР, специфику работы, особенно в кризисные для республики годы: 1953, 1961, 1968, 1989.

Официально Министерство государственной безопасности было создано 8 февраля 1950 года. Но еще в декабре 1948 г. в присутствии В. Ульбрихта, отмечает Ковальчук, в Москве было принято решение о создании «Главного управления по защите народной собственности» — фактически «службы безопас-

ности». Ее первым руководителем был назначен Эрих Мильке, с которым будет связана практически вся деятельность госбезопасности ГДР (министром Мильке станет в ноябре 1957 г.). Существенная помощь в подборе и расстановке кадров немецким коммунистам оказали НКВД и СВАГ. Наибольшим доверием пользовались антифашисты, прошедшие обучение в СССР. Из них формировалось руководство «штази», которое, как отмечает автор, затем очень неохотно «пропускало наверх» молодых офицеров. Тот же Мильке был министром до 82 лет.

Историю «штази» Ковальчук делит на две «фазы». Первая — до конца 1950-х гг., когда служба преимущественно являлась «инструментом подавления и преследования» политических конкурентов СЕПГ (подробно освещается «дело Хаманна», министра от ЛДП). Вторая — когда задачи и функции были значительно расширены и надзор за гражданами стал «тотальным». Советские органы, как пишет Ковальчук, контролировали деятельность «штази» с самого начала и до конца. В июне 1953 г. СЕПГ и госбезопасность оказались бессильны без помощи СССР подавить восстание в Берлине. Для немецких коммунистов это стало тяжелой «травмой», с которой они жили вплоть до объединения Германии (с. 117).

Госбезопасность ГДР постоянно меняла свои методы работы. От грубых приемов, когда допускались физические пытки, тайная полиция переходила к более «уточенным средствам» — воздействию на психику человека. В качестве доказательств автор приводит конкретные факты. И все же многое в оценке деятельности «штази», по мнению Ковальчука, оказалось преувеличенным. Контроль над гражданами, конечно, был, но сотрудники министерства не занимались тотальным прослушиванием всех и каждого. Миф о «всевла-

тии штази» намеренно раздувался госбезопасностью при полном одобрении партийного руководства. Постоянное ощущение присутствия спецслужб не давало людям покоя: «Реальных знаний о МГБ было мало, но страх в обществе был велик» (с. 277). Подобное практикуется и в других государствах. Поэтому не стоит изображать «штази» в образе «вселенского зла», заключает автор. Да, на гербе министерства был щит и меч, которые, по сути, как раз и защищали ГДР от зла. Ковальчук, пусть и менее подробно, рассказывает о противодействии госбезопасности внешнему вмешательству, провокациям, которые испытывала ГДР на протяжении всей своей истории. Впрочем, «штази» и сама занималась «шпионской деятельностью». И весьма успешно. Автор останавливается на одном из самых громких «шпионских скандалов», когда ближайший помощник канцлера ФРГ Вили Брандта Гюнтер Гильом, проживавший в Западной Германии с 1956 г., был разоблачен в 1974 г. как «шпион ГДР». Канцлеру пришлось подать в отставку. После падения Берлинской стены шеф внешней разведки Маркус Вольф письменно извинился перед Брандтом (с. 253—254).

То, что в Министерстве государственной безопасности ГДР были профессионалы, сомнений не вызывает. Ковальчук считает, что цифра общей численности «штази» в 189 тыс. чел. на 1989 г. преувеличена. Впрочем, число сотрудников не было постоянным и не превышало 1 % от общей численности населения ГДР. Но вот количество «неофициальных сотрудников» — осведомителей — было значительным. Хотя о реальных цифрах можно говорить лишь приблизительно: автор, ссылаясь на архивы, приводит цифру в 30 тыс. человек (с. 227). Преувеличивать их «вклад» вряд ли стоит: большинство из них выполняли чаще всего разовые поручения. Биографию одного такого «осведомителя», по мнению Ковальчука, можно экранизировать. Получился бы неплохой триллер.

Вся эта разветвленная служба оказалась беспомощной перед крушением государства. Страх перестал действовать, и оппозиция буквально сметала коммунистический режим. Само грозное министерство подверглось разгрому еще 15 января 1990 г. и фактически прекратило выполнять свои прежние задачи. Под-

водя итоги своего исследования, Ковальчук пишет, что сложно противостоять тому валу литературы и особенно видеопроодукции о бывшей ГДР и о «штази», что выходит сегодня в Германии. Призывы к «реализму», к «исторической правде» для большинства населения мало что значат. По мнению автора, в его книге все же больше вопросов, чем ответов. Он писал ее, исходя из своего времени и собственных убеждений (с. 360). Поэтому можно ожидать новых исследований по истории ГДР.

Книга о Берлинской народной полиции подготовлена коллективом из семи бывших сотрудников, проработавших в ней по 20—30 лет и оказавшихся в центре революционных событий 1989—1990 годов. Издание, как пишет в предисловии президент Народной полиции Берлина (январь-октябрь 1990 г.) генерал-майор Д. Бахманн, это не «воспоминания» полицейских о своей службе, а «исследование о роли полиции в ГДР», которое своим содержанием, фактами и анализом представляет интерес для историков и политологов (с. 9). Книга состоит из 6 глав: в первых двух последовательно рассказывается об истории создания полиции в Берлине, ее структурах, направлениях и задачах, раскрывается ее деятельность в годы холодной войны, когда полицейским с каждым годом становилось все сложнее «обеспечивать закон и право» (с. 109). Третья глава повествует о работе Народной полиции в условиях новых вызовов и угроз социалистическому обществу в 1989 году. Четвертая и пятая главы посвящены времени правительств Х. Модрова и Л. де Мезьера, наиболее сложном для столичной полиции. В заключительной главе авторы описывают историю слияния полиции Западного и Восточного Берлина. Издание содержит приложения: служебные письма, распоряжения, приказы, схемы и таблицы, что представляет ценность для исследователей (с. 327—392).

По мнению авторов, события 1989 г. стали возможны из-за ошибок и просчетов, накопившихся за годы строительства социализма. В итоге, «альтернатива капитализму на немецкой земле не удалась» (с. 108). Но начало 1989 г. вовсе не предвещало скорый конец ГДР. Республика готовилась отметить свой 40-летний юбилей. Однако у берлинской полиции настроение было не празднич-

ным. Резко возрос поток желающих выехать на Запад. Из-за участвовавших митингов и демонстраций в столице, все труднее становилось обеспечивать должный правопорядок.

События 7 октября 1989 г. расписаны в книге буквально по часам (с. 133—146). Полиция, согласно принятым партийным и министерским директивам, впервые должна была выступить против масштабной народной акции. Но к этому она была не готова ни морально, ни психологически, ни технически. Руководство СЕПГ настаивало на применении силы в отношении протестующих демонстрантов. Авторы книги отмечают, что все офицеры полиции вплоть до рядового патрульного находились под тяжелейшим моральным давлением. Берлинская полиция не допустила масштабных провокаций, хотя желающие устроить подобное были. В самые конфликтные дни осени 1989 г. большинство полицейских своей ежедневной работой обеспечивали безопасность граждан. Так было во время грандиозной демонстрации 4 ноября в Берлине, так было и при открытии границы 9 ноября, когда к 4 час. утра 10 ноября Берлинскую стену свободно пересекли около 68 тыс. граждан ГДР. Обратно вернулись приблизительно 45 тыс. (с. 209—210).

Авторы сдержаны в своих оценках политики руководства ГДР. Они, как представители государства, возлагали надежды на правительство коммуниста Модрова. Но сохранить ГДР не удалось. По мнению офицеров, положение в ГДР в 1989 г. было действительно революционным. Подобные настроения были распространены и среди сотрудников Народной полиции. Да, немалую роль в дестабилизации положения, прежде всего в Берлине, сыграли власти ФРГ, поддерживая морально и материально политическую оппозицию в ГДР. Но взаимодействие между западноберлинской полицией и Народной полицией Берлина началось после падения Берлинской стены. Первая встреча руково-

дителей полиции Западного и Восточного Берлина Г. Шертца и Д. Бахманна состоялась 12 февраля 1990 г. и была успешной (с. 250). В дальнейшем это сотрудничество позволяло контролировать ситуацию в городе в последние месяцы существования ГДР.

После объединения Германии 3 октября 1990 г. Народная полиция прекратила свою деятельность. Уже на следующий день был уволен 61 сотрудник из прежнего руководства. Работы лишились почти все чиновники и офицеры высшего и среднего звена. Образовавшиеся вакансии быстро заполнялись полицейскими работниками из Западного Берлина. В книге приводится достаточно много свидетельств и конкретных фактов о «разгроме» Народной полиции. Менялись не только люди, но и оборудование, снаряжение, транспорт. Для проверки благонадежности была создана специальная «комиссия», которую обязаны были пройти все бывшие полицейские, пожелавшие работать в новой Германии. Около 80 % сотрудников Народной полиции были членами СЕПГ, что давало повод для отказа им в приеме на службу. Авторы не скрывают своей горечи. Но на иное трудно было рассчитывать. ГДР осталась лишь в памяти людей. И все же, опыт и компетентность многих бывших «народных полицейских» оказались востребованы в новых структурах полиции Берлина (с. 316).

В итоговых рассуждениях издатели книги признают, что «полицейские превышали свои полномочия, но было это довольно редко». Тем не менее, за Берлинской народной полицией закрепился «нелицеприятный имидж». По их мнению, это напрямую связано с наследием холодной войны и латентным антикоммунизмом, бытующим по сей день в немецком обществе. «Audiatur et altera pars» — «надо слышать и другую сторону». Так записано в римском праве (с. 321). Другая сторона в данном случае — это семь бывших работников Народной полиции ГДР.

Б.В. ПЕТЕЛИН, Е.С. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

H. LEUWERS *Robespierre*. Paris. Fayard. 2014. 458 p.

Э. ЛЁВЕРС *Робеспьер*. Париж. Файард. 2014. 458 с.

Как и все широко обсуждаемые исторические персонажи, Максимилиан Робеспьер не столько интересен для исследователя, сколько неудобен. Тот, кто возьмется писать его биографию, должен будет выдержать конкуренцию со множеством предшественников, подготовиться к нападкам со стороны обожателей и ненавистников своего героя и, конечно, сделать невозможное — сказать что-то новое на тему, изученную вдоль и поперек. Историка из Лилля Эрве Лёверса такие перспективы не испугали.

Впрочем, если взглянуть на послужной список этого автора, его обращение к фигуре Неподкупного выглядит вполне закономерно. Лёверс — бывший главный редактор, а ныне директор «Исторических анналов Французской революции» — журнала, издаваемого Обществом робеспьеристских исследований. Сфера интересов автора — не только Революция 1789—1799 гг. и Империя, но также правосудие во Франции Нового времени и история северных провинций этой страны. Адвокат Робеспьер из Арраса — фигура, в которой смыкаются все три перечисленных направления.

Главная же причина, заставившая Лёверса ступить на такую исхоженную тропу, это появление новых источников. В нескольких архивах и одном частном собрании автору удалось найти работы Робеспьера, относящиеся к его дореволюционному периоду жизни. За этим последовало еще одно открытие. В 2011 г. на аукцион Сотбис в Париже были выставлены ранее неизвестные документы Неподкупного, хранившиеся у потомков его единомышленника Ж.Ф. Леба: черновики выступлений, отрывки статей, различные заметки, письма сподвижников. Вместе с ними продавались документы самого Леба и семьи Дюпле — квартирных хозяев Робеспьера. Эта новость всколыхнула французскую научную общественность: был объявлен сбор средств на приобретение документов, составлено коллективное обращение к властям с просьбой вмешаться и не позволить столь ценным источникам покинуть Францию. Правительство откликнулось на просьбы и воспользовалось приоритетным

правом покупки. Так что совсем недавно французский Национальный Архив пополнился 126 страницами новых бумаг Робеспьера и его близких.

Закономерно, что это событие вызвало очередную волну интереса к указанным персонажам. Например, в том же 2011 г. в Париже был поднят вопрос о присвоении имени Робеспьера одной из площадей или улиц города (в итоге городской совет принял отрицательное решение). Полностью ему был посвящен один из номеров «Исторических анналов Французской революции» за 2013 год.

Новая биография Неподкупного тоже привлекла во Франции внимание не только научных кругов, но и просто любителей истории. Большинство читателей хвалили автора за взвешенную позицию и отказ от «черной легенды». В беседе с корреспондентом органа французских коммунистов «Юманите» Лёверс рассказал о том, что старался создать многогранный портрет человека XVIII в., который не сводился бы лишь к олицетворению Тераора 1793—1794 гг., и опровергнуть мифы, связанные с именем Робеспьера.

Книгу Лёверса можно логически разделить на две части: жизнь героя до 1789 г. и после.

Много ли мы знали о дореволюционной биографии Робеспьера? И да, и нет. С одной стороны, знакомый с работами о нем человек мог бы вспомнить множество подробностей, переходящих из книги в книгу: взросление без родителей, увлечение голубями, парижский колледж, возвращение на родину, поэтический клуб «Розати»... С другой же, адвокатская карьера Неподкупного до сих пор выпадала из поля внимания историков: может даже сложиться впечатление, будто Робеспьер был человеком, не нашедшим себя в «мирной жизни» и просто переживавшим время до революции. Лёверс в своей работе показывает, что все это было отнюдь не так.

То, что у большинства историков выглядит неким предисловием к главной, революционной, части жизни Робеспьера, у Лёверса, прежде всего, привлекает внимание объемом: 103 страницы из 376, если за начало револю-

ции принять выборы в Генеральные штаты. Также отличительной особенностью этой части книги является тщательный анализ источников: именно они определяют структуру повествования.

Прежде всего, автор опровергает распространённый миф о встрече будущего вождя революции в его бытность учеником парижского колледжа с только что взошедшим на престол Людовиком XVI: Лёверс убедительно доказывает, что это легендарное событие, нашедшее отражение в кинематографе, не могло состояться. Небезынтересны и другие подробности биографии Робеспьера-студента: например, он дважды учился в четвертом классе и дважды прослушал курс риторики, хотя и демонстрировал отличную успеваемость (с. 28—31).

Обстоятельный рассказ об адвокатской деятельности Неподкупного — это, пожалуй, самая ценная и познавательная часть книги. Автор опирается на те самые источники, обнаружение которых и подвигло его взяться за данный труд. Речь идет о публикациях Робеспьера, в которых он излагал материалы своих судебных процессов. Вообще, стремление к публичности, к вынесению всякого вопроса на общественное обсуждение очень характерно для эпохи Просвещения, ведь именно в XVIII в. и родился феномен общественного мнения, на беспристрастный суд которого возлагали большие надежды сторонники преобразований. Кроме того, у Робеспьера (тоже в духе его эпохи) имелись амбиции литератора. Лёверс указывает на то, что, закончив учебу, его герой видел себя не только юристом, но и гражданином «литературной республики» (с. 40).

Как показывает автор, в течение 1780-х гг. Робеспьеру удалось не просто эффективно проявить себя на адвокатском поприще, но и добиться определенной известности в своем регионе в качестве защитника угнетенных. «Он предпочитает скорее одно дело, которое вызовет интерес публики, чем множество таких, которые принесут доход, но будут скучными» (с. 62) — отмечается в книге. Среди доверителей будущего революционера был веревочник Франсуа Детёф, обвиненный в краже экономом бенедиктинского монастыря, который таким образом пытался скрыть свои собственные злоупотребления; англичанка Мария Мер-

сер, помещенная под стражу в Сент-Омере по требованию ее заимодавцев; супруги Паж, из которых жена была осуждена за ростовщичество, а престарелый муж подвергся наказанию заодно с ней. В первом случае Робеспьер обрушился с критикой на безнаказанность монастыря, который не собирався компенсировать ущерб Детёфу даже после того, как был разоблачен настоящий преступник. Во втором — взывал к милосердию по отношению к женщине, вдове, иностранке. В третьем он пошел еще дальше: раскритиковал процедуру, отверг сам факт преступления, который счел не доказанным, ибо «лучше отпустить двадцать преступников, чем покарать одного невинного» (с. 72), и, наконец, высказался за декриминализацию ростовщичества. Исследователь описывает и другие дела, опубликование материалов которых давало Робеспьеру повод затронуть те или иные общественно значимые вопросы, публично высказаться в пользу преобразований.

В целом образ «дореволюционного» Робеспьера предстает у Лёверса достаточно гармоничным и привлекательным. Это успешный, признанный коллегами профессионал, региональный общественный деятель, выступающий за разумные реформы, член местного научного сообщества, немного поэт и вовсе не такой сухарь, каким его чаще всего представляют: к примеру, автор цитирует отрывок из письма, где Робеспьер в шутку высказывал намерение предложить провинциальным штатам Артуа воздвигнуть храм тому, кто придумал торт. «Я весьма рассчитываю на поддержку корпуса духовенства» (с. 38) — писал он, намекая на чревоугодие служителей Церкви. Словом, перед нами абсолютное дитя своего века, человек эпохи Просвещения, который еще не знает, что эта эпоха вот-вот закончится. В нем есть все передовое, что вдохновит революцию; есть и доля бунтарства; но еще совершенно нет никаких признаков того мрачного олицетворения Террора, которым он очень скоро войдет в историю.

Обратимся теперь ко второй, основной, части книги, где излагается биография участника Революции.

Как уже было отмечено, революция для Робеспьера началась не со взятия Бастилии и не с начала работы Генеральных Штатов, а

с выборов в этот орган. Лёверс показывает, как его герою пришлось побороться не только за место депутата, но и за то, чтобы провинция Артуа вообще могла избрать своего представителя. Мы видим противостоящего местным элитам борца с привилегиями, коррупцией, злоупотреблениями провинциальных властей; сторонника достаточно смелых по тем временам преобразований; публициста, выступающего с памфлетом под характерным названием «К артезианской нации». На тот момент, отмечает историк, слово «нация» (одно из главных понятий словаря Просвещения, обозначающее не только этническую, но и гражданскую общность) могло означать для Робеспьера то артезианцев (жителей провинции Артуа), то всех французов (с. 105—121). Но постепенно он эволюционировал от меньшего к большему: уже к 1791 г. Робеспьер видел себя представителем всего народа и даже всего человечества (с. 167).

Несмотря на то, что отношение Лёверса к Робеспьеру в целом явно положительное, историк не утаивает некоторых спорных моментов в деятельности своего героя в первые годы Революции. Так, он рисует образ политика, который с самого начала занимает удобную позицию вечного критика, избалованного и вся. Похоже, что наиболее часто встречающийся глагол, который использует автор, описывая деятельность своего героя, — это «dénoncer» (изобличать, разоблачать, выступать против). И как бы ни была справедлива критика Неподкупного в адрес Конституции 1791 г., основанной на делении граждан на активных и пассивных, остается ощущение изрядной доли популизма в его речах. Лёверс отмечает, что в период Учредительного собрания (в которое преобразовались Генеральные Штаты) Робеспьер, будучи одним из самых активных ораторов, не участвовал ни в одном из парламентских комитетов и не выступил докладчиком ни по одному из важных декретов, принятых тогда, в отличие не только от более умеренных Мирабо и Ле Шапелье, но и Бюзо или Петиона, стоявших в то время на одной с Максимилианом платформе (с. 152). В другом месте историк замечает, что Робеспьер сознательно конструировал свой образ (с. 162). Характерно, что уже в 1791 г. Неподкупный стал видеть основного противника не

в контрреволюционной части Церкви или усилившейся эмиграции, а в министрах и своих коллегах-депутатах. Именно против них он направил главное острие своей критики. Почему? Этот вопрос остается у автора книги без ответа (с. 175).

Еще больше вопросов, странностей, утверждений, нуждающихся в интерпретации, но так и не получающих ее, появляется при чтении той части книги, которая описывает события времен Законодательного собрания и Конвента. Так, остается без объяснения антагонизм между жирондистами и монтаньярами. Понятно, что это весьма сложный вопрос, которому можно было бы посвятить отдельную монографию; кроме того, его поднимали уже многие историки, и не стоит надеяться, что, затронув эту тему вскользь, можно поставить в ней точку. И все же, говоря о вожде монтаньяров, чей конфликт со сторонниками Бриссо был едва ли не основным содержанием первых месяцев истории Конвента, странно даже не попытаться дать этому конфликту какое-то объяснение. Начало ему положил вопрос о войне в 1792 г.: Бриссо и его сторонники ратовали за ее начало, а Робеспьер предостерегал от этого шага. В чем же было принципиальное расхождение двух лидеров после того, как война уже началась? Автор лишь констатирует то, что конфликт остался. Говоря о словесных баталиях со сторонниками Бриссо, Лёверс явно защищает Робеспьера, даже в одном месте, ища замену его фамилии, использует словосочетание «великий человек», но так и не объясняет, чем программа жирондистов была хуже программы монтаньяров. Правда, чуть ниже он приводит мнение одной провинциальной газеты от февраля 1793 г. о том, что жирондисты были сторонниками, а монтаньяры — противниками сильной исполнительной власти. Но как тогда быть с якобинской диктатурой, которая вот-вот начнется? Словом, создается впечатление, что за схваткой двух важнейших группировок времен Французской революции не стояло ничего, кроме личных амбиций, симпатий и антипатий (с. 239—259).

Уже по состоянию на 1792 г. Лёверс обращает внимание на бинарность мышления Робеспьера: его склонность делить людей на плохих и хороших, друзей и врагов. Напраши-

вається думка, що саме така логіка обумовила відношення Неподкупного до терору; по суті, це і є логіка Терору. Але звідки вона взялася? Була ли вона властива всім революціонерам XVIII століття? Автор не намагається відповісти на ці питання, він тільки констатує. Загалом, приблизно з 1792 г., його герой перестає викликати симпатію і співчуття. Ні, він не здається злодеєм. Він просто виглядає дивним. Для читача, не розділяючого революційні ідеали, Робесп'єр стає персонажем з повністю непонятною логікою. Важко визначити, куди йде прогресивний адвокат і звідки взявся розоблачачий усе на світлі, чья життя представляє собою чергу конфліктів.

Ще один найважливіший питання, який неминує приходити в голову в час читання книги, і який автор ігнорує, це питання про природу, причини, сутність терору. Розуміється, це теж масштабна проблема, вимагаюча окремої роботи, проблема, до якої не раз зверталися історики, можливо, взагалі головна проблема в вивченні Французької революції. Ніхто не очікує, що Л'єверс вирішить її раз і назавжди, але представляється, що, ведучи розповідь про центрального персонажа епохи Терору, автору стоїло б висловити своє ставлення до даного питання, можливо, солідаризуватися з однією з існуючих інтерпретацій. Відкрито Л'єверс цього не робить, але по ряду фраз можна приблизно догадатися про його ставлення до даного питання. Так, на сторінці 273 йдеться про те, що виключальні закони були відповіддю на зміну на фронті; на сторінці 306 вказано, що навязливі ідеї во французькому суспільстві часів Терору (манія заговорів і т.п.) не можна вважати параноєю: вони були викликані важким політичним становищем. Таким чином, можна передбачити, що Л'єверсу близька так звана «теорія обставин»: представлення про те, що терор був вимушеною мірою, до якої революціонерам довелося звернутися через діяльність зовнішніх і внутрішніх ворогів. Така точка зору представляється дуже уразливою. Так як «теорія обставин» виходить з висказувань самих діячів 1793—1794 гг., закономірно, що Л'єверс, говорячи про терор, в основному виробляє точку зору свого

героя. Автор намагається зруйнувати представлення про Робесп'єра як про кровожадного диктатора: він підкреслює, що в 1793 г. Неподкупний захищав сторонників жирондистів, залишених в Конвенті, Дантона і Демулена, коли встав питання про їх арешт; дальновидно виступав проти політики дехристиянізації і гонінь на священнослужителів, утверджуючи, що притеснення віруючих в кінці кінців буде на руку контрреволюції (с. 293, 304, 313—331). Говорячи про останні тижні життя Робесп'єра, Л'єверс зауважує, що той парадоксальним чином виступав і за, і проти терору одночасно (с. 349—350). На жаль, ніяких спроб пояснити це цікаве явище, історик не здійснює.

В цілому, після читання книги створюється враження, що Л'єверс відноситься до Робесп'єра позитивно, але намагається стримувати себе, щоб не ударитися в безудержне захоплення. Автор виправдовує, «обелює» свого героя, але не затушевлює і ті моменти, які, з точки зору приверженця лівих політичних поглядів (а саме вони переважають серед членів Товариства робесп'єристських досліджень), можна вважати «мінусами» революціонера. Особливо це стосується економічних питань і ставлення монтан'ярів до вуличного руху і більш радикальним, ніж вони, групуванням. Так, Л'єверс звертає увагу на те, що вже в період Учредительного зборювання програма його героя була виключно політичною, а не економічною: його не цікавили проблеми вільної торгівлі зерном, викупу сеньйоріальних прав, заборони забастовок (с. 173). При Конвенті ж становище справ змінилось тільки тому, що схлибнувшись з жирондистами монтан'ярам потрібна була підтримка народних мас. Таким чином, питання бідняків харчування було для Робесп'єра всього лише інструментом в досягненні політичних цілей (с. 266).

Розповідаючи про обмеження кількості засідань в секціях, Л'єверс каже, що це було викликано страхом, що ці низові організації парижан перетворяться в осередки контрреволюції (с. 292). В даному випадку автор знову обмежується повторенням точки зору свого героя, але тут навіть у невиконаного читача виникне питання: чому санкціо-

ты должны были превратиться в контрреволюционеров, и не в том ли дело, что монтажеры просто боялись потерять власть? Этот вопрос всплывает, когда речь заходит о братских банкетах (коллективных приемах пищи, сопровождавшихся обсуждением политических вопросов), которые появились в 1794 г. и вскоре были обличены Робеспьером как инструмент врагов правительства, который «ослабляет народную энергию». Лёверс делает вывод, что Неподкупный больше не слышал народ (с. 350). Но в этом ли дело?

Обобщая рассказ о второй, «революционной», части биографии, следует с сожалением признать, что в ней довольно мало новой информации. У отечественного читателя, знакомого с советской историографией Французской революции, по мере приближения к концу книги, скорее всего, будет усиливаться впечатление, что все это он уже знает. И все-таки один интересный момент в самом конце книги привлекает к себе внимание. Здесь Лёверс опровергает появившееся несколько лет назад предположение о том, что Робеспьер

мог быть болен саркоидозом. Диагноз был поставлен на основе изучения посмертной маски политика. Автор обстоятельно доказывает, что эта маска не является подлинной (с. 368—370).

В заключение отметим, что новая биография Робеспьера изложена доступным языком, легко читается, занимательна. Написанная на основе серьезного изучения огромного массива источников, она может быть интересна как историку-специалисту, так и любителю. Несомненно, если какое-нибудь издательство решит перевести эту книгу и выпустить ее на русском языке, эту инициативу можно будет только приветствовать. Вот только этому издательству следует поторопиться: ведь неизвестно, как долго еще книга Лёверса пробудет самой новой биографией Робеспьера. Нет сомнений, что к одной из центральных фигур Французской революции будут обращаться еще многие поколения историков.

М. ЧЕПУРИНА

The Barents Region. A Transnational History of Subarctic Northern Europe. Oslo. Pax Forlag AS. 2015. 518 p.

Баренцев регион. Транснациональная история субарктической Северной Европы. Осло. Пакс Форлаг АС. 2015. 518 с.

Рецензируемая книга посвящена многовековой истории Баренцева региона, расположенного на северной оконечности европейского континента. Чтобы глубже понять ее смысл и содержание, начнем с экскурсии в современность.

В январе 1993 г. на конференции министров иностранных дел или представителей Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии, Российской Федерации, Швеции и Комиссии европейских сообществ, состоявшейся в Киркенесе (Норвегия), был учрежден Баренцев Евро-Арктический регион (БЕАР) и принята Декларация о сотрудничестве в нем (Киркенесская Декларация). Инициатором образования БЕАР была Норвегия, но реализация этого проекта была невозможна без участия России.

Представители указанных стран и Евросоюза входят в состав Совет Баренцева региона и решают принципиальные вопросы его развития. Одновременно с Советом БЕАР в

1993 г. был создан и Баренцев Региональный совет, объединяющий северные регионы Финляндии, Норвегии, России и Швеции и координирующий их сотрудничество. Во время учреждения БЕАР в него вошли 6 регионов, а на сегодняшний день их 13. На этой обширной территории проживает 6 млн человек. Таким образом, Баренцев регион представляет собой, образно говоря, двухэтажную конструкцию, и сотрудничество в нем осуществляется на межгосударственном и региональном уровнях.

Баренцев Евро-Арктический регион существует уже более четверти века, доказав свою жизнеспособность. В 2003 и 2013 гг. главы правительств стран, входящих в состав Баренцева Совета, и представитель Еврокомиссии подписали в Киркенесе декларации, в которых подводились итоги и определялись перспективы сотрудничества в этом международном регионе.

За период существования Баренцева региона сложилась обширная литература, посвященная его деятельности, в том числе вышло в свет несколько десятков книг. Но в них исследовалось, главным образом, развитие этого региона с момента его учреждения в 1993 г., то есть речь шла о БЕАР как о геополитическом, функциональном образовании. Но уже в первой половине 1990-х гг. сложилась и точка зрения, согласно которой Баренцев регион можно трактовать как «исторический», ибо в течение столетий в нем развивались контакты, складывались традиции добрососедства и сотрудничества людей, проживавших по разные стороны границ. И именно эти человеческие традиции исторических связей и взаимоотношений в области торговли, экономики, культуры стали хорошим фундаментом для учреждения БЕАР в конце XX в., предопределили его положительное восприятие людьми, живущими здесь, и способствовали активно-му трансграничному сотрудничеству.

Весной 2015 г. в столице Норвегии Осло вышла в свет книга, подготовленная международным коллективом исследователей, раскрывающая историю Баренцева региона на протяжении 1200 лет.

Идея создания этой книги родилась в начале XXI в. и в 2002 г. в Лулео (Швеция) прошел международный семинар ученых Скандинавских стран, Финляндии и России, посвященный реализации этого проекта. В 2004–2006 гг. были проведены международные научные конференции в Лулео, Архангельске и Петрозаводске с обсуждением ключевых проблем исторического развития на Европейском Севере, и были опубликованы пять сборников их материалов. Это способствовало формированию научной сети историков Баренцева региона и создало основу для дальнейшей исследовательской работы с целью создания обобщающего труда по его истории. Процесс реализации этого проекта, формирование исследовательской сети, методология и финансирование работы получили освещение в Предисловии рецензируемой книги, подготовленном ее главным редактором и инициатором проекта шведским профессором Ларсом Елениусом.

Каждая глава книги (и издание в целом) готовилась международным коллективом из представителей четырех стран-участниц проекта (Швеция, Норвегия, Финляндия и Россия). В состав редакционного коллектива, наряду с главным редактором, представляемым Швецией, вошли соредакторы, представляющие Норвегию, Финляндию и Россию. Книга состоит из восьми глав, предисловия, введения и заключения.

Первая глава книги названа «Зачатки государственных образований» и охватывает обширный период с 800 по 1550 год. В ней исследуются вопросы освоения территорий Севера Европы, жизнь аборигенов, создание первых государственных образований, раздел сфер их интересов и церковная экспансия.

Вторая глава носит название «Социальная интеграция и государственная экспансия 1550—1809». Она включает в себя разделы: «Конфликты на северной территории», «Колонизация и интеграция», «Торговля и экономическое развитие». В главе исследуется широкий комплекс социальных, демографических и экономических проблем региона на протяжении более двух с половиной столетий.

Третья глава — «Трансформация границ, экономические системы и общества 1809—1905» — самая большая по объему (90 стр.). Она разделена на следующие разделы: «Трансформация северных границ», «Индустриализация и социальное изменение», «Миграция, этничность и политика в отношении национальных меньшинств», «Церковь и образование». Глава начинается с анализа последствий Наполеоновских войн для Европейского Севера: глубокие изменения в межгосударственных отношениях и в границах, разделяющих расположенные тут страны. В главе подробно изучаются экономические, социальные, демографические, культурные и религиозные проблемы, особенности развития различных государств региона на протяжении почти столетнего периода.

В четвертой главе книги — «Различные пути модернизации 1905—1939» — исследуется во многом переломный период в истории Европейского Севера, раскрывается суть выбора между революционным и реформистским путями обновления, который делали в это время страны и народы, выявляется общее и особенное в процессах модернизации, изучаются сложнейшие коллизии межгосударственных и внутривнутриполитических отношений, революции и гражданские войны, происходившие в России и в Финляндии, и их последствия, начало формирования скандинавских государств всеобщего благополучия и др. Этот сложный комплекс проблем рассматривается в трех разделах главы: «Политические перекрестки в модернизации», «Региональные черты внутри различных социальных систем», «Изменения в транснациональных культурах».

Пятая глава рецензируемого издания раскрывает эпоху второй мировой войны и послевоенное двадцатилетие и названа «Влияние Второй мировой войны 1939—1955». Глава содержит два раздела: «Северная Европа и то-

тальная война» и «Последствия для послевоенного общества». В первом из них исследуются три основные проблемы: Финляндия и Советский Союз в Зимней войне; германская оккупация Норвегии и северный фронт (1941—1944). Во втором разделе главы изучаются «холодная война» и политика безопасности; послевоенное восстановление и экономическое развитие, а также социальные и культурные изменения рассматриваемого периода.

Укрепление северного измерения является предметом изучения в шестой главе книги, что и вынесено в ее название. Она охватывает время с 1955 по 1970 г. и начинается с освещения процессов дальнейшей милитаризации северных территорий. Далее исследуются вопросы сотрудничества в Северном Калотте через «железный занавес» и проблема лояльности во внутренней политике. Обстоятельно раскрываются содержание и особенности процесса модернизации в рассматриваемый период, значение инфраструктуры как средства ее осуществления и роль государства как актора модернизации. В завершающей части главы рассмотрены социальные процессы этого времени, дан анализ демографических, культурных, образовательных перемен в странах региона.

Седьмая глава названа «Урбанизация и крепнущий регионализм», и в ней изучается период с 1970 по 1993 год. Она начинается с изучения процессов урбанизации, индустриализации и сопровождающих их изменений в образе жизни, в том числе развития второй волны высшего образования. Второй раздел этой главы посвящен исследованию политических процессов и ориентаций и включает в себя развитие регионализма снизу, процесс политических трансформаций, геополитические изменения и кроссграничное взаимодействие.

Восьмая глава носит наименование «Глобализация и трансрегиональное сотрудничество 1993—2010». В ее первом разделе «Европеизация Севера» раскрывается процесс создания Баренцева региона, а также проблемы военной и экологической безопасности и охраны окружающей среды как одной из главных проблем для региона. Второй раздел «Региональная динамика» посвящен субрегиональным политическим переменам, сотрудничеству в приграничных районах и в Баренцевом регионе.

В Заключении книги подводятся ее главные итоги, которые сводятся к анализу четы-

рех основных проблем: влияние экологии на этнические отношения; территория, государственное строительство и колонизация; различные пути модернизации; региональные идентификации. Особое внимание уделено выявлению общего и особенного в развитии государств, обществ, народов и регионов исследуемого пространства, а на современном этапе и переплетению процессов глобализации и регионализации, их результатам и последствиям.

Рецензируемое издание прекрасно иллюстрировано, снабжено многочисленными картами и диаграммами, что способствует более глубокому и основательному пониманию исследуемых процессов и проблем.

В состав международного авторского коллектива издания вошли 27 человек, среди них: 5 представителей Швеции, по 8 — Финляндии и России и 6 исследователей из Норвегии. Все члены авторского коллектива, историки и обществоведы, живут и работают в региональных университетах и научных учреждениях указанных стран и лишь трое из них по совместительству работают в столицах. Это свидетельствует о высоком уровне научных исследований в северных регионах Скандинавских стран, Финляндии и России.

Подводя общий итог, следует признать, что результатом многолетнего труда международного коллектива авторов стало интересное и содержательное исследование, которое заставляет не просто читать, воспринимая изложенную информацию, но также думать, сравнивать, соглашаться или не соглашаться с выводами и обобщениями, изложенными в книге. Издание может быть использовано как специалистами, учеными и преподавателями вузов, так и учителями, студентами, всеми теми, кто интересуется прошлым, современностью и размышляет о перспективах развития Баренцева Евро-Арктического региона, пытается понять его роль и место в Европе, Арктике и мире, осмыслить происходившие и происходящие здесь процессы.

Добавим в заключение, что в ходе работы над рецензируемым изданием сложилась обширная международная сеть исследователей, и в настоящее время завершается работа над Энциклопедией Баренцева региона, выход в свет которой планируется в самом конце 2015 или в 2016 году.

В.И. ГОЛДИН

Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 2015 году

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. Публикацию подготовили Новиков А.П. и Суслов А.Ю.

№№
1-5

СТАТЬИ

Владимирский М.В. — Российский рубль на Украине в 1917—1920 гг.

№ 6

Воробьева Т.А. — Сирия в политике США в 1939—1953 гг.

№ 12

Кокошин А.А. — Карибский кризис 1962 г. и его уроки

№ 9

Крадин Н.Н. — Становление и эволюция ранней государственности на Дальнем Востоке

№ 10

Лизунов П.В. — Становление института биржевых маклеров в России в XVIII — начале XIX в.

№ 7

Майоров А.В. — Монголы на Западе: тайная дипломатия императора Фридриха II

№ 1

Омельяничук И.В. — Парламентаризм в идеологии российских консерваторов начала XX в.

№ 2

Рыбаков С.В. — О смысловой структуре понятия «история»

№ 4

Соболева Н.А. — К истории украинского «тризуба»

№ 11

Фалин В.М. — «История — наилучший учитель, а мы — нерадивые ее ученики»

№ 5

Фельдман М.А. — Место стахановского движения в предвоенной советской истории

№ 8

Чернов К.С. — Политическая программа Александра I 1801—1812 гг.

№ 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Бадиков Р.А. — Генрих Христофорович Эйхе

№ 1

Вяткин В.В. — Иван Иванович Мелиссино

№ 4

Ганин А.В. — Александр Владимирович Сливинский

№ 12

Гребенщикова Г.А. — Иван Васильевич Гудович

№ 5

Долгов В.В. — Александр Невский

№ 10

Драницына Е.А., Петров А.Ю., Савельев И.В. — Иван Александрович Кусков

№ 6

Захарова И.М. — Антон Константинович Псаро

№ 11

Нестеренко А.Н. — Епископ Альберт

№ 3

— Довмонт (Тимофей) Псковский

№ 8

Филимонова М.А. — Роберт Моррис

№ 9

Чиняков М.К. — Огюст-Фредерик-Луи Вьесде Мармон

№ 7

Юдин К.А. — Матвей Фёдорович Шкирятов

№ 2

ИСТОРИЯ ПОБЕДЫ

Гордин А.А., Серебрянская Г.В., Сакович Н.В. — Горьковская область в годы Великой Отечественной войны

№ 5

Назаров В.Н. — Организация железнодорожного сообщения в западных областях СССР в 1939 — июне 1941 г.

№ 5

Синицын Ф.Л. — Национальная политика Германии на оккупированной территории СССР в начальный период Великой Отечественной войны

№ 6

Шендриков Е.А. — Отчет М. фон Вейкса о действиях армейской группы «Вейкс» на воронежском направлении в июне-июле 1942 г.

№ 5

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- Нефёдов С.А. — Как готовили революцию
1905 г. №№ 6-7; 9; 11
- Пелевин Ю.А. — Казус Засулич №№ 1-4

ПУБЛИКАЦИИ

- Нелегальный автостоп: путешествие из ГДР в СССР в 1972 г. Публикацию подготовила Нагорная О.С. № 10
- Мировая война глазами поручика. Публикацию подготовил Степаненко Л. № 4

СООБЩЕНИЯ

- Агуреев С.А. — Экспедиции ИРГО в Эфиопию на рубеже XIX—XX вв. № 7
- Ватник Н.С. — Организация военной подготовки учащихся в 1915—1917 гг. № 2
- Вершинин А.А. — Франция и начало гражданской войны в Испании в 1936 г. № 5
- Войтиков С.С. — Эволюция командного состава Красной армии в 1919—1921 гг. по документам Л.Д. Троцкого № 10
- Волков В.В. — Кабальные отношения в промышленности России в конце XIX — начале XX в. № 8
- Воропанов В.А. — Деятельность судебных представителей сельских сословий на Урале в конце XVIII в. № 9
- Гарматный В.П. — В. Станевич и земельная реформа в Западной Беларуси в 1921—1939 гг. № 6
- Гринёв А.В. — Классификация кораблей Российской-американской компании (1799—1867 гг.) № 4
- Дударев Д.С., Дударев С.Л. — Жизнь северокавказских горцев в мемуарах декабристов № 1
- Егоров В.Г., Зозуля О.А. — Трансформация кустарных промыслов России во второй половине XIX в. № 6
- Зверев В.О. — Отечественная военная пресса о японском шпионаже (1903—1914 гг.) ... № 9
- Ивонина Л.И. — Тридцатилетняя война в информации и пропаганде Речи Посполитой № 8
- Кирилина Л.А. — Словенский политик Б. Вошняк о России. 1904—1917 гг. № 2
- Краснов С.Ю. — Наследование имущества в обычно-правовых представлениях донских казаков во второй половине XIX в. № 7
- Крестьянников Е.А. — Помещения судебных учреждений Западной Сибири в XIX — начале XX в. № 10
- Кринко Е.Ф., [Хлынина Т.П.] — Семья и брак накануне и в годы Великой Отечественной войны № 12

- Кудряков В.В. — Образ Эдуарда IV в трудах Доминика Манчини и кройлендского анонима № 5
- Куликова Ю.В. — Власть и государство у кельтов № 2
- Кутищев А.В. — Культурно-цивилизационные аспекты войн позднего феодализма № 3
- Кушнир С.И. — Французская пресса в «банкетной кампании» 1847 г. № 11
- Лютюв Л.Н. — Церковь и сопротивление раскрестьяниванию в начале 1930 г. № 3
- Ляпин Д.А. — Причины восстания в Москве в 1648 г. № 1
- Меерович М.Г., Холодилин К.А. — Государственная жилищная политика в России и Германии между мировыми войнами № 6
- Миньяр-Белоручев К.В. — Проблема рабства и присоединение Техаса к США в первой половине XIX в. № 9
- Объедков И.В. — Русская военная пропаганда в США в годы первой мировой войны № 3
- Прасолов Д.Н. — Кабардинское общество во второй половине XIX — начале XX в. № 12
- Рожков В.Н. — О месте расположения села Домонтовского Московского княжества № 12
- Сабирова З.Р. — «Континентальный плацдарм» № 7
- Сечжин Чжун — Государственное устройство и политическая система имамата Шамилля № 11
- Степанов К.А. — Ростовский комитет помощи беженцам в годы первой мировой войны № 11
- Субботин В.А. — Закат Тубинского княжества № 1
- Супоницкая И.М. — Маккартизм: новый взгляд? № 8
- Тельменко Е.П. — Костры во Флоренции в конце XV в. № 8
- Тимофеев Д.В. — «Свобода» и «рабство» в крестьянских прошениях первой четверти XIX в. № 7
- Трепавлов В.В. — Царские путешествия по этническим регионам России № 2
- Усманов Н.В. — Американская администрация помощи в Екатеринбургской губернии в 1922—1923 гг. № 10
- Цимбаев — Из истории понятия «Drang nach Osten» № 12
- Чемоданов И.В. — Вятское крестьянство в годы первой мировой войны № 4
- Чирков А.А. — Военные комиссии в Государственной думе III и IV созывов № 4
- Шекшеев А.П. — Революция 1917 г. и енисейское крестьянство № 8

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- Бойко Ю.П., Курбацкий В.А. — Место Косово во внешней политике Албании с конца XIX в. до начала 1990-х гг. № 3
- Гасратян С.М. — Отношения Израиля и Египта в контексте арабо-израильского конфликта № 5
- Дербенёв А.С. — Саудовская Аравия и США в 1942 — начале 1946 г. № 8
- Ки Кван Со — Политика СССР в отношении Северной Кореи в 1945—1946 гг. № 10
- Наджафли Т. — Взаимоотношения Азербайджанского государства Сефевидов с Россией в XVI—XVII вв. № 4
- Панин С.Б. — Панисламизм в Средней Азии перед первой мировой войной № 2
- Познахирев В.В. — Политика России в отношении подданных Швеции в период Русско-шведской войны 1741—1743 гг. № 10
- Урсу Д.П. — Португалия и «схватка за Африку» № 11
- Филитов А.М. — Треугольник Москва-Вашингтон-Бонн в конце 60-х — начале 70-х гг. XIX в. № 12

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Аксёнов В.Б. — Рабочие выступления весны-лета 1914 г. в контексте теории революционной ситуации № 7
- Арш Г.Л. — К вопросу об оценке Ламброса Кацониса в историографии № 4
- Гребенщикова Г.А. — К вопросу о роли Ламброса Кацониса в российской морской истории № 8

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Артамашин С.В. — Немецкий консервативный мыслитель Эрнст Юнгер № 8
- Гуляев А.А., Лазарев С.Е. — Семён Абрамович Туровский № 10
- Игнатченко И.В. — А. Тьер и становление парламентаризма в годы Июльской монархии во Франции № 6
- Куликов С.В., Селезнёв Ф.А. — Нижегородский этап карьеры А.Н. Хвостова (1910—1912 гг.) № 3
- Лабутина Т.Л. — Британский посланник Роберт Кейт и Екатерина II на перевороте 1762 г. № 7
- Майоров А.В. — Тайна гибели Михаила Черниговского № 9
- Муратова Е.Г. — Князь Владимир Сергеевич Голицын «Центральный» № 1
- Перхавко В.Б. — Антипод Кузьмы Минина № 11
- Погодаев В.А. — Ахмад Бустаман и Народная партия Малайи № 11

- Почекаев Р.Ю. — А.И. Бутаков и Аральская флотилия в конце 1840-х — начале 1860-х гг. № 4

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Баринаева Е.Б. — Лингвистические аспекты этнокультурных контактов Китая с народами Центральной Азии в древности № 10
- Варенцова Л.Ю., Варенцов С.Ю. — Нижегородская центральная пересыльная тюрьма в 1860—1880-х гг. № 5
- Воейков Е.В. — Женский труд в лесной промышленности Среднего Поволжья в 1930-е гг. № 11
- Гаджиева Л. — Русскоязычная печать в Баку в годы первой русской революции № 9
- Гасанов М.Р. — Семендер — раннесредневековый город Северо-Восточного Кавказа № 9
- Гордеев П.Н. — Революционная цензура на сцене государственных театров в 1917 году № 4
- Горощенкова О.А. — Сибирская писательница Е.А. Авдеева-Полевая № 3
- Гусейнова Л.Д. — Положение национальных меньшинств в Болгарии во второй половине XX в. № 1
- Дашкевич Л.А. — Уральские инженеры на съездах русских деятелей по техническому и профессиональному образованию № 9
- Денисов В.Н., Загребин А.Е. — «Забывтые голоса» первой мировой войны № 10
- Дин Ю.И. — Несостоявшаяся депортация корейцев Сахалинской области в 1952 г. № 7
- Захаров А.В. — Пополнение знаний о Новом Свете при Петре I № 11
- Зяблицева С.В., Цукров В.А. — Кузбасс — Донбасс: хроника военных лет (1941—1945 гг.) № 3
- Ковтун И.В. — Открытие каменного угля в Кузбассе в 1720-х гг. № 4
- Колесников И.Н. — Формирование архивного фонда «Управление наместника Кавказского» № 10
- Колобов Е.Ю. — Основные этапы создания Союза писателей РФ в 1957—1958 гг. № 8
- Любичанковский С.В. — Сенаторская ревизия Туркестанского края в 1908—1909 гг. № 1
- Магомедсалихов Х.Г. — Этнокультурный синергизм в истории Салатавии № 3
- Макичян А.А. — Эвакуация больных и раненых во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. № 10
- Мамедов С.Р. — Информационное сотрудничество Азербайджана с Россией № 7
- Манойленко А.С., Манойленко Ю.Е. — Процесс по делу Ш. Конарского и судьбы польских ссыльных № 2
- Мусеибли Н.А. — Кавказ и Передняя Азия в IV тыс. до н.э. № 6

Нохрин И.М. — Зарождение франкоканадского национализма в начале XIX в.	№ 12	Румянцева В.С. — Патриарх Никон и проблема церковного землевладения в России в XVII в.	№ 11
Озова Ф.А. — Роль института аманатства в черкесско-русских отношениях в 1552—1864 гг.	№ 4	Серова О.В. — Отношения России со Святым Престолом в XIX в. .10...12.....	№№ 10; 12
Папков С.А. — Эсеры в Сибири в 1930-е гг.	№ 6	Щавелёва М.Б. — Духовное правление Арзамасского уезда в системе Нижегородского наместничества	№ 6
Пашков С.В. — Отношение норманиста М.П. Погодина к трудам антинорманистов	№ 7	ИСТОРИОГРАФИЯ	
Пискунов С.А. — К вопросу о периодизации политики аграрного переселения второй половины 1940-х—1980-х гг.	№ 8	Белков А.Н. — Официальная периодика Русского Охранного Корпуса	№ 7
Попп А.П. — Мнения губернаторов о местном волостном суде в 1860—1880-х гг.	№ 1	Гребёнкин И.Н. — Первая мировая: взгляд из окопа	№ 4
Птицын А.Н. — Эмиграция сербов, хорватов и словенцев в Россию в XIX — начале XX в.	№ 7	Зеленцова Ю.С. — Формирование образа «Другого» у христиан и мусульман	№ 8
Рождественский И. — «Новая Вандея». Феномен образа врага	№ 2	Кикнадзе В.Г. — Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР	№ 6
Славнитский Н.Р. — Рабочие российских губерний на строительстве Кронштадта	№ 5	Лукаш О.В., Портных В.Л. — Историография детского крестового похода (XX — начало XXI в.)	№ 10
Солодкин Я.Г. — Сибирская ссылка Годуновых в начале XVII в.	№ 9	Мухамедина Ш. — Центральная Азия и Казахстан: историографический «ренессанс» или социальный заказ	№ 12
Строгачев В.М. — Историография в античной школьной системе	№ 1	Чудинов А.В. — Современные тенденции во французской историографии Революции XVIII в.	№ 1
Тепляков А.Г. — Чекисты Крыма в начале 1920-х гг.	№ 11	РЕЦЕНЗИИ	
Тетуев А.И. — Повседневная жизнь карачаево-балкарской диаспоры в Турции	№ 12	Акимов С.С. — ARS. Исследования нижегородских искусствоведов. Сборник научных статей	№ 7
Халасев З.А. — Джарские офицеры царской армии	№ 10	— А.Ю. Каптиков, Д.В. Богданова. Архитектура старых Нидерландов. Церкви. Замки. Городские укрепления. Площади. Торговые ряды. Беффруа. Ратуши. Здания гильдий. Дворцы. Дома	№ 11
Шмелёв Д.В. — Республиканская партия в политической жизни Франции	№ 9	Арзаканян М.Ц. — В.П.Смирнов. Две войны — одна победа	№ 9
Шумилов Е.Н. — Русь в период распада в 40-е гг. X в.	№ 2	Буров В.Г. — История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VII. Китайская Республика (1912—1949)	№ 1
ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ		Виноградов М.А. — М.А. Полякова. Усадьба Поречье Уваровых в культуре России	№ 2
Атлагич П.М., Элезович М.Д. — Католический миссионер Юрий Крижанич	№ 9	Гагин И.А. — Д.С. Логинов. «Влесова книга»: введение к научному анализу источника	№ 10
Густерин П.В. — Русскоязычная коранистика досоветского периода	№ 5	Голдин В.И. — Баренцев регион. Транснациональная история субарктической Северной Европы	№ 12
Давиденко Д.Г. — Награждение московских священнослужителей медалями Великой Отечественной войны в 1944—1946 гг.	№ 5	Голиков А.И. — Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сборник документов	№ 9
Иванова Н.А. — Приходские училища в Смоленской губернии в XIX в.	№ 2		
Кидирниязов Д.С., Лысенко Ю.М. — Осетинская духовная комиссия на Северном Кавказе в XVIII — первой половине XIX в.	№ 3		
Куликова А.Н. — Становление православного христианства в Якутии в XVII—XIX вв.	№ 6		
Мельник А.Г. — Почитание Сергия Радонежского в русских монастырях XVI в.	№ 1		
Павлушков А.Р. — Судьба вице-президента Синода Г. Дашкова	№ 7		
Поляков А.Г. — Гражданская война и православное общество	№ 1		

Егоров А.А. — Л.И. Ивонина. Мальборо. Жизнь знаменитого полковника и политика на фоне его эпохи	№ 2	диссиденты в США от Войны за независимость до Гражданской войны	№ 11
Ивонин Ю.Е. — Утрехт-Раппат-Баден 1712—1714. Работа по заключению европейского мира в конце века Людовика XIV	№ 4	Соловьёв К.А. — А.С. Туманова. Ответственные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917)	№ 9
Игнатова Н.М. — А.Л. Кузьминих, С.И. Старостин. Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937—1953 гг.)	№ 12	Тимофеева Т.Ю. — Б.Л. Хавкин. Рейхсфюрер СС Гиммлер. Второй после Гитлера ...	№ 5
Китаев В.А. — Революционная мысль в России XIX — начала XX века. Энциклопедия	№ 3	Тихонов В.В. — Д.А. Цыганков. В поисках московской школы историков. (Тетта Ейгора: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века	№ 5
Лукьянов А.Е. — Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шуцзин») и «Малого предисловия» («Шу суй»)	№ 11	Чепурина М. — Э. Лёверс. Робеспьер	№ 12
Морозова О.М. — А.Б. Асташов. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность	№ 9	Шацилло В.К. — Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914—1917) ...	№ 9
Орлов В.В. — Р.Г. Ланда. Судьба морисков	№ 2	Шелохаев В.В. — От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века	№ 10
Петелин Б.В., Добровольский Е.С. — И.С. Ковальчук. Штази в действии: контроль и репрессии в ГДР; К.-Х. Криц, Х.-Ю. Грэфе. В самом центре. Берлинская народная полиция 1989/90	№ 12	Яжборовская И.С. — А. Кавко. Мои белорусы: Встречи — расставания. Очерки. Посвящения	№ 8
Поликарпов В.В. — Москва в годы Первой мировой войны. 1914—1917 гг. Документы и материалы	№ 8	ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	
Радькова О.Г. — М.В. Стрелец. Евреи Германии: история и современность	№ 11	Носков В.В. — Станные претензии	№ 11
Романов В.В. — Т.В. Алентьева, М.А. Филимонова. Реформаторы, неконформисты,		Половецкий С.Д. — За научность и точность в исторических изданиях	№ 5
		Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 2015 году	№ 12

Contents

Articles: **T.V. Vorobyova**. Syria in US policy in 1939—1953 years. Historical profiles: **A.V. Ganin**. A.V. Slivinskii. Contributions: **E.F. Krinko**, **T.P. Hlinina**. Family and marriage before and during the Great Patriotic War; **D.N. Prasolov**. Kabardian society in the second half of XIX — the beginning of the XX century; **V.N. Rozhkov**. About location of the village Domontovskoe on the territory of the Moscow Principality; **K.N. Tsimbaev**. History of the concept «Drang nach Osten»; Diplomacy in history: **A.M. Filitov**. Tringl Moscow-Washington-Bonn and the international détente in the late 60s — early 70s of the 20th century. People. Events. Facts: **A.I. Tetuev**. Daily living of karachay-balcar diaspora in Turkey; **I.M. Nokhrin**. The emergence of French-Canadian nationalism in the early XIX century. From history of religions: **O.V. Serova**. Relations between Russia and Sacred Throne. Historiography: **Sh. Mukhamedina**. Central Asia and Kazakhstan: historiographical «renaissance» or social order. *Reviews on books*: **A.L. Kusminih**, **S.I. Starostin**. Poles in Vologda region: repressions, captivity, settlement special (1937—1953) (by N.M. Ignatova); **I.S. Kowalchuk**. Stasi in action: control and repressions in DDR; **K.H. Krits**, **H.U. Grefe**. In the centre. People's police of Berlin 1989/90 (by B.V. Petelin, E.S. Dobrovolsky); **H. Leuwens**. Robespierre (by M. Chepurina); The Barents region. A transnational history of Subarctic Northern Europe (by V.I. Goldin). *Index of materials published in 2015*.

Учредитель: **ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»**

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894

Главный редактор **А.А. ИСКЕНДЕРОВ**

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 12, 2015

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.11.2015. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1600. Заказ 2680-2015. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

ВИА
ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ